

Том 25, номер 1(88)
Volume 25, number 1(88)

ISSN 2413-9645 (print)

2023

**ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК**

**IZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

Главный редактор Ф.В. Гречников
Editor-in-chief F.V. Grechnikov

IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE RAS.
Social, humanitarian, medicobiological sciences

www.ssc.smr.ru

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
Samara Federal Research Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 25 № 1(85), 2023

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год
ISSN 2413-9645 (print) * ПИ № ФС77-64960 * Индекс: 80808
Учредитель: Ученый совет Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

Главный редактор: Ф.В. Гречников

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Научный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Редакционная коллегия: Е.В. Абрамовских, А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов,
Дж.Ф. Бейлин, О.М. Буранок, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина, Ф.В. Гречников,
Й. Догнал, М.А. Дударева, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, О.А. Кострова,
М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,
В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, С.В. Соловьева,
О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук.
443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences
«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.
Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»
[BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 25, no 1(85), 2023

Published since 2002. Issued 6 times a year.

ISSN 2413-9645 (print) * PI № FS77-64960 * Index: 80808

Founder: Academic Council of the Samara Federal Research Scientific Centre
of Russian Academy of Sciences

Editor-in-chief: F.V. Grechnikov

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Scientific editor: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Editorial board: E.V. Abramovskiykh, A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov,
John Frederick Bailyn, O.M. Buranok, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, F.V. Grechnikov,
J. Dohnal, M.A. Dudareva, D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, O.A. Kostrova,
M.A. Kulinich, E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya,
V.I. Nemtsev, O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebing, M.B. Sabyr, S.V. Solovyova,
O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ

«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»

Том 25, номер 1 (88), 2023

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Информационно-цифровая среда содействия трудоустройству выпускников инженерного университета

Бельская Е.Я., Шолохова И.И. 5

К вопросу организации самостоятельного изучения бакалаврами раздела «Линейные модели в экономике»

Гуменникова Ю.В., Золкин А.Л., Черницына Р.Н. 12

Формирование экологического мышления студентов в условиях профессиональной подготовки

Жменёва Е.К., Колыванова Л.А. 18

Перевод романа Филипа К. Дика “Do Androids Dream of Electric Sheep?”: необоснованность трансформации и смысловые ошибки

Журавлев А.П. 27

Внутренняя независимая оценка качества образования: формы, нормативное и методическое обеспечение

Кислова Н.Н., Леонов С.А. 34

Организация исследовательской деятельности обучающихся

Санько А.М., Борисова С.П. 42

Сохранение и развитие школы классического танца в творчестве Н.А. Ермаковой

Хабарова Т.А. 49

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

Сущность музыкальной концепции А.И. Герцена на страницах «Былого и дум»

Воронина Н.И. 53

Онтологические основания и прикладное применение древнеиндийской концепции познания и исторического развития

Денисов Д.В. 60

Роль межкультурных гастрономических различий в формировании толерантного и интолерантного общества

Ермолаев В.А. 70

Кино как культурная индустрия: современное мифотворчество

Ляо Я. 79

Цифровые медиа в гуманитарных исследованиях

Ляо Я. 87

Культурная категория греховности в коммуникативном пространстве художественного текста (на материале книги А. де Кюстина «Россия в 1839 году»)

Семухина Е.А. 94

Art & Science: альянс художника и ученого в пространстве современной культуры

Фадеева Т.Е. 101

«Союз» художника с нечеловеческим агентом – утопия или рабочая модель художественного производства?

Фадеева Т.Е. 108

РЕЦЕНЗИИ

**Софийная родословная отца Сергия Булгакова: рецензия на монографию
В.П. Океанского, Ж.Л. Океанской «Прохождение вод:
неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова»**

Дударева М.А., Баранова И.В.

116

CONTENTS

«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»

Volume 25, number 1 (88), 2023

SOCIAL SCIENCES

Information-Digital Environment to Promoting Employment of Graduates of Engineering University

Belskaya E.Ya., Sholokhova I.I. 5

To The Question of Organization of Independent Study by Bachelories of The Section "Linear Models in Economy"

Gumennikova Yu.V., Zolkin A.L., Chernitsyna R.N. 12

Forming Ecological Thinking of Students in Conditions of Vocational Training

Zhmeneva E.K., Kolyvanova L.A. 18

Translation of "Do Androids dream of Electric Sheep?" by Philip K. Dick into Russian: Unreasonable Transformations and Semantic Mistakes

Zhuravlev A.P. 27

Internal Independent Assessment of The Quality of Education: Forms, Normative and Methodological Support

Kislova N.N., Leonov S.A. 34

Organization of Research Activities of Students

Sanko A.M., Borisova S.P. 42

Preservation and Development of The School of Classical Dance in The Work of N.A. Ermakova

Khabarova T.A. 49

HUMANITIES SCIENCES

The Essence of A.I. Herzen's Musical Concept on The Pages of "Past and Doom" («Byloye i Dumy»)

Voronina N.I. 53

Ontological Foundations and Current Applications of The Ancient Indian Concept of Knowledge and Historical Development

Denisov D.V. 60

The Role of Intercultural Gastronomic Differences in The Formation of a Tolerant and Intolerant Society

Ermolaev V.A. 70

Cinema as a Cultural Industry: Modern Myth-Making

Liao Ya. 79

Digital Media in the Humanities Research

Liao Ya. 87

The Cultural Category of Sinfulness in The Communicative Space of a Literary Text (Based on The Material of A. Custine's Book "Russia in 1939")

Semukhina E.A. 94

Art & Science: an Alliance of an Artist and a Scientist in The Space of Contemporary Culture

Fadeeva T.E. 101

"Union" of an Artist with a Non-Human Agent - Utopia or a Working Model of Artistic Production?

Fadeeva T.E. 108

REVIEWS

**Sofia genealogy of Sergius Bulgakov:
review of the monograph by V. Okeansky, Zh. Okeansky**

Dudareva M.A., Baranova I.V.

116

УДК 331.53:004:378.662(571.16) (Трудоустройство. Трудовое посредничество. Информационные технологии. Вычислительная техника. Обработка данных. Высшее образование. Университеты. Академическое обучение. Технологические университеты. Политехнические университеты)

**ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВАЯ СРЕДА СОДЕЙСТВИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВУ
ВЫПУСКНИКОВ ИНЖЕНЕРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

© 2023 Е.Я. Бельская, И.И. Шолохова

Бельская Елена Якубовна, кандидат педагогических наук, ведущий эксперт

Управления сопровождения обучения и развития карьеры

E-mail: belpen@tpu.ru

Шолохова Ирина Игоревна, старший преподаватель Инженерной школы энергетики

E-mail: sholii@tpu.ru

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Томск, Россия

Статья поступила в редакцию 12.12.2022

Возрастание роли инженерного образования в государственной политике Российской Федерации детерминирует новые требования к подготовке инженеров. Для вузов становится необходимым использовать потенциал промышленности, компетентностный, личностно-ориентированный подходы, традиции и положительный потенциал инженерного образования России. Положительный потенциал инженерного образования нельзя не принимать во внимание, так как это позволяет управлять качеством подготовки обучающихся. Отмечено, что одной из значительных задач развития инженерного образования является совершенствование системы содействия трудоустройству выпускников университета. В статье описана система такого содействия, рассматриваются центры карьеры вузов. Сформулировано определение Центра карьеры: это подразделение университета, оказывающее комплексную поддержку обучающимся по вопросам содействия трудоустройству и развитию карьеры. Отмечено, что целью деятельности данных центров является создание и развитие эффективной системы взаимодействия с предприятиями и организациями различных форм собственности в целях повышения конкурентоспособности выпускников вузов на глобальном рынке труда. На примере Томского политехнического университета представлена информационно-цифровая среда содействия трудоустройству студентов и выпускников. Для успешной работы используются различные информационно-цифровые инструменты и цифровые сервисы. Представлены бизнес-процессы деятельности специалистов по содействию трудоустройству студентов и выпускников Томского политехнического университета. В процесс содействия трудоустройству выпускников внедрен информационно-программный комплекс «Трудоустройство», а также используются другие цифровые средства, помогающие добиться эффективности данного процесса. Сделан вывод, что в Томском политехническом университете большое внимание уделяется цифровизации бизнес-процессов, связанных с содействием трудоустройству выпускников и деятельности центров карьеры.

Ключевые слова: трудоустройство, содействие трудоустройству, выпускник вуза, информационно-цифровая среда, центры карьеры, инженерное образование, конкурентоспособность

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-5-11

Введение. На сегодняшний день усиление роли государства в регулировании отношений в высшем образовании, в том числе в инженерном образовании и потребности в его дальнейшей содержательной модернизации, повышении качества, определяется преимущественно документами государственного уровня (законы, указы, программы, концепции и стратегии), например: Указ «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки»; Программа «Приоритет-2030»; «Основы государственной молодёжной политики на период до

2025 года»; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Данные документы позволяют говорить о дальнейшем существенном возрастании роли инженерного образования в государственной политике Российской Федерации.

Необходимо отметить, что работодатель в целом удовлетворен уровнем подготовки молодых специалистов и объемом базовых знаний, отмечая, что специальные знания выпускников вузов имеют недостаточное количество точек

соприкосновения с реальным современным бизнесом и производством.

На основании анализа научных трудов, исследований в области развития инженерного образования [2, 5, 7, 9, 12] выявлены следующие специфические проблемы инженерного образования: недостаточный уровень компетенций выпускников, который возможно поднять за счет повышения уровня индивидуализации образования; отсутствие системного подхода в управлении вуза; необходимость создания в университете корпоративной культуры, поддержания традиций университета; необходимость в повышении престижа инженерного образования; изменение организации образовательного процесса через развитие системного проектного мышления, как у преподавателей, так и обучающихся; необходимость эффективного использования материальной и интеллектуальной базы университета и партнеров реального сектора экономики.

Одновременно стоит назвать и положительный потенциал для эффективной реализации инженерного образования, который нельзя не принимать во внимание: традиции инженерного образования России; потенциал промышленности при подготовке инженеров; переориентация на инновационность вузов; изменения в образовательной технологии вузов [6].

Одним из ответов на вызовы внешней среды является совершенствование системы управления университетом [6, 14], необходимость разрабатывать набор правил, приемов, вырабатывать стратегию развития университета, где основными принципами формирования данной стратегии являются системность, определенность целей и сроков, опора на традиции, сбалансированность (ресурсы), инновационность и конкурентоспособность.

Переориентация на инновационность вузов, нацеленность на экономически измеримый результат и на клиента как источник результата для удовлетворения рынка труда, содействовали не только появлению инновационных университетов, но и изменениям в образовательной технологии, связанных с ростом значения практической подготовки к трудовой деятельности. Условия современной рыночной экономики позволили пересмотреть вопрос о качестве подготовки специалистов с позиции потребителей, а именно: государства, общества, бизнес-сообщества, личности, где интересы потребителя ставятся

в приоритет при консенсусе интересов производителя и потребителя. Рыночная конкурентоспособность специалистов должна быть основным критерием оценки качества специалистов.

Одной из значительных задач развития инженерного образования является совершенствование (в том числе, цифровизация) системы содействия трудоустройству выпускников университета, так как трудоустройству выпускников в последнее время уделяется значительное внимание (данный показатель является аккредитационным показателем по образовательным программам высшего образования).

История вопроса. Содействие трудоустройству студентов и выпускников инженерного университета можно отнести как к основным направлениям деятельности вуза, например, к образовательной деятельности, так и к дополнительной деятельности по работе с работодателями, выпускниками; политики вуза в области качества подготовки, корпоративной культуры; цифровизации; работе с молодёжью. Работа с работодателями и выпускниками в университете включает в себя систему распределения выпускников, спонсорство, ассоциацию выпускников, инфраструктуру работы с выпускниками и мотивацию выпускников.

Одним из механизмов в реализации трудового потенциала молодежи является комплексная поддержка студентов в вопросах содействия трудоустройству и развитию карьеры в вузе. Определяющую роль в этом процессе играют подразделения вузов – Центры карьеры. В толковых словарях «центр» трактуется как высший руководящий орган, «карьера» – «путь к успеху и видному положению на служебном поприще через самодостижение такого положения» [10].

В каждом вузе названия Центров карьеры могут иметь различные варианты: Центр развития карьеры (например, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»); Центр карьеры (например, НИТУ «МИСиС»); Центр карьеры и трудоустройства (например, Томский государственный архитектурно-строительный университет); Центр практической подготовки и трудоустройства (например, Национальный исследовательский Томский политехнический университет); Центр практической подготовки и карьеры (например, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна); Центр

практической подготовки студентов и трудоустройства выпускников (например, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики); Центр содействия трудоустройству выпускников (например, Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники).

Анализ деятельности Центров карьеры в отечественных вузах позволил сформулировать следующее определение: Центр карьеры – это подразделение университета, оказывающее комплексную поддержку обучающимся по вопросам содействия трудоустройству и развитию карьеры.

Работа по содействию трудоустройству и развитию карьеры студентов и выпускников вуза направлена на решение следующих основных задач: взаимодействие университета с работодателями в части трудоустройства; разработка плана карьерной траектории обучающихся и выпускников, их консультирование; развитие у студентов навыков ориентации на рынке труда; создание новых интерактивных цифровых платформ, модернизация интерфейсов информационно-аналитических систем с дальнейшим администрированием [1, 3, 4, 8, 11, 13]; взаимодействие с компаниями-партнёрами университета, формирование пула компаний; организация карьерных мероприятий.

Необходимо отметить широкий спектр взаимодействия данных Центров карьеры с различными подразделениями вузов. Это и прямое взаимодействие с ректором и проректорами по оформлению приказов, распоряжений, договоров; с юридическим отделом по правовым вопросам; с управлениями по цифровизации по вопросам ведения сайта Центра карьеры, размещения информации, работы с информационно-программными комплексами для ведения статистики и отчетности и т.д.

Материалы исследования. На базе Национального исследовательского Томского политехнического университета (далее, ТПУ) достаточно эффективно функционирует система содействия трудоустройству молодых специалистов. Центр практической подготовки и трудоустройства ТПУ (далее, ЦППТ) является координирующим органом по реализации данного направления. Для успешной работы используются различные информационно-цифровые инструменты, IT услуги и цифровые сервисы, такие как: веб-сайт ЦППТ ТПУ, страница на веб-сайте «Партнер ТПУ», веб-сайт мероприятий (например, веб-сайт «Дни

карьеры в ТПУ»); группы ЦППТ и подразделений, сообщества в социальных сетях (например, ВКонтакте), кроссплатформенная система мгновенного обмена сообщениями с функциями VoIP – Telegram; информационно-программные комплексы ТПУ: «Трудоустройство», «Электронный деканат», «Документооборот», «СОУД», «Личный кабинет студента»; служба технической поддержки ТПУ, корпоративная сеть TPUNet; страница ТПУ на цифровой онлайн-платформе «Факультетус»; цифровые сервисы интернет-коммуникаций BigBlueButton, Webex Meetings, Zoom; удаленный рабочий стол, удаленный доступ в сеть ТПУ, WiFi ТПУ, электронная корпоративная почта; программное обеспечение Google Forms, сервисы хранения, редактирования и синхронизации файлов «Файловое облако ТПУ», Google Диск и др.

Предприятия и организации-партнеры ежегодно принимают участие в процедуре распределения выпускников ТПУ. С 2020 года часть процедуры проходит в онлайн формате в режиме видеоконференцсвязи с применением цифровых платформ, например, Zoom, Cisco Webex Meetengs. И вторая часть (этап по закреплению траектории студентов выпускных групп) проходит в информационно-программном комплексе «Трудоустройство» (далее, ИПК). Схема реализации процедуры распределения выпускников в дистанционном формате включает в себя: идентификация выпускника и вход в ИПК; внесение контактных данных в анкету выпускника (телефон, электронная почта, ссылки на социальные сети и др.); выбор выпускником траектории из предложенного списка («Трудоустройство», «Возвращение на родину», «Служба в армии РФ», «Отпуск по уходу за ребенком», «Продолжение образования»); прикрепление выпускником сканов подтверждающих документов при выборе траектории «Самостоятельное трудоустройство» (справка с места работы) и «Трудоустройство по целевому договору» (целевой договор); автоматическое присвоение анкете выпускника статуса «Новая»; проверка заполнения анкет и подтверждающих документов от выпускников на уровне академической группы; присвоение статуса анкете выпускника «Подтверждена в группе»; согласование с контактным лицом предприятия и закрепление вакансии за выпускником при положительном решении (для траектории «Трудоустройство по заявке»); присвоение статуса анкете выпускника «Подтверждена в подразделении».

Далее идет закрепление траекторий выпускников в ИПК на уровне ЦППТ и присвоение статуса анкете выпускника «Подтверждена в ТПУ», выпускник считается распределенным. При неправильном заполнении анкеты, отсутствии контактных данных выпускника, внесении некорректных документов статус «Подтверждена в ТПУ» не присваивается, анкета или отклоняется, или остается в прежнем статусе для доработки (с комментариями). В ИПК происходит автоматическое формирование статистических отчетов о результатах распределения выпускников по группам, подразделениям и университета в целом.

В последнее время актуальным становится вопрос о цифровизации бизнес-процессов [15], связанных с содействием трудоустройству студентов и выпускников, деятельностью Центров карьеры вузов.

Рассматривая деятельность специалистов ЦППТ ТПУ по содействию трудоустройству, можно выделить следующие бизнес-процессы в их деятельности:

1. Поиск потенциальных работодателей для студентов ТПУ: формирование и актуализация базы данных предприятий/организаций; информирование предприятий/организаций о выпуске текущего года (зимнем и летнем отдельно): подготовка информационного письма, подготовка приложений к письму (форма заявки, список направлений подготовки текущего выпуска, адресной справки с данными предприятий/организаций) оформление письма и отправка.

В итоге получаем следующие результаты: содействие трудоустройству и карьерному росту студентов ТПУ; взаимодействие ТПУ с предприятиями и организациями-партнерами в трудоустройстве и карьерном росте студентов и выпускников; формирование благоприятного имиджа ТПУ.

2. Сотрудничество с предприятиями-партнерами ТПУ, направленное на трудоустройство и развитие карьеры студентов университета: взаимодействие с контактными лицами предприятий/организаций по вопросам трудоустройства, оформления заявок на выпускников (по мере возникновения вопросов, запросов, писем, звонков); участие в форумах, круглых столах, конференциях по вопросам трудоустройства выпускников ТПУ и взаимодействия с работодателями.

Результаты: содействие трудоустройству и карьерному росту студентов ТПУ; взаимодействие ТПУ с предприятиями и организациями-партнерами в трудоустройстве и карьерном росте студентов и выпускников; формирование благоприятного имиджа ТПУ.

3. Организация персонального рассмотрения трудоустройства (распределения) выпускников ТПУ: внесение поступивших заявок на выпускников и заявок на сайт ЦППТ от предприятий/организаций через ИПК (по мере поступления); взаимодействие с контактными лицами предприятий/организаций по вопросам трудоустройства (по мере возникновения вопросов, запросов, писем, звонков); проведение семинаров для ответственных в подразделениях по вопросам трудоустройства и распределения выпускников университета; оформление приказов на процедуру распределения выпускников ТПУ (два раза в год); организация и проведение процедуры персонального распределения и трудоустройства выпускников ТПУ; работа с анкетами выпускников в ИПК (ежедневно ведется проверка и работа с анкетами, подтверждение анкеты или возврат на доработку); консультирование ответственных подразделений и ответственных групп по распределению, по работе в ИПК (по мере возникновения вопросов, писем, звонков, запросов); оформление «Направлений на работу» на выпускников через ИПК (по запросу от предприятий, инженерных школ, обязательно по целевым выпускникам – оформляем всем после окончания процедуры распределения).

Результаты: оказание содействию трудоустройству и карьерному росту студентов ТПУ через развитие навыков ориентации на рынке труда; взаимодействие ТПУ с предприятиями и организациями-партнерами в трудоустройстве и карьерном росте студентов и выпускников; формирование благоприятного имиджа ТПУ.

4. Сбор, обработка и анализ информации и данных с применением вычислительной техники и информационных технологий: актуализация регламента «Положение о содействии трудоустройству студентов ТПУ»; формирование справок о распределении, итоговых отчетов по контингенту через ИПК: «Контингент полный», «Контингент трудоустройство»; формирование итоговых отчетов через ИПК: «Итоги распределения (общий)», «Итоги распределения (полный)», «Итоги распределения

направления/специальности», «Итоги распределения по округам»; формирование отчетов по организациям/предприятиям через ИПК: «Распределение по предприятиям», «Востребованность специалистов в Томске и Томской области»; формирование отчетов для эффективности проведения распределения в ИПК: «Направления и специальности», «Ответственные в подразделениях»; «Ответственные в группах»; работа по сверке данных в ИПК по анкетам данных, контингента и гражданства выпускников ТПУ; формирование отчетов по выпускникам-целевикам, внесение данных в информационные системы; проведение анализа и оценка востребованности выпускников по направлениям и специальностям; проведение мониторинга востребованности выпускников и удовлетворенности работодателей качеством профессиональной подготовки специалистов.

Результаты: оказание содействия трудоустройству и карьерному росту студентов ТПУ через достижения эффективности процесса содействия трудоустройству; формирование благоприятного имиджа ТПУ.

5. Взаимодействие с государственными, муниципальными, общественными российскими и международными организациями по вопросам трудоустройства выпускников ТПУ: формирование отчетов о результатах распределения выпускников ТПУ очной формы обучения (с указанием намерений по каналам занятости) в разрезе инженерных/исследовательских школ, отделений/НОЦ, направлений и уровня подготовки по состоянию на 01 октября, в год выпуска согласно информации о распределении; подготовка сведений о трудоустройстве выпускников в разрезе направлений подготовки, отраслей экономики, географии распределения и поступивших вакансий от предприятий-работодателей в течение года выпуска; подготовка сведений о направлениях на работу выпускников, относящихся к

категории инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья; подготовка информации об организации-работодателе для трудоустройства выпускников; организация участия студентов с инвалидностью в профессиональном конкурсе «Абилимпикс»; прохождение курсов повышения квалификации для повышения эффективности работы; организация запросов в Центр занятости населения Томской области в целях мониторинга трудоустройства выпускников ТПУ и отслеживания количества выпускников, стоящих на регистрационном учете в качестве безработных граждан; участие в форумах, круглых столах, конференциях по вопросам взаимодействия с государственными, муниципальными, общественными российскими и международными организациями по вопросам содействия в трудоустройстве и развития карьеры выпускников.

Результаты: оказание содействию трудоустройству и карьерному росту студентов ТПУ; организация, поддержка взаимодействия университета с государственными, муниципальными, общественными российскими и международными организациями по вопросам трудоустройства выпускников ТПУ; повышение мотивации сотрудников и стремления к повышению производительности труда; формирование благоприятного имиджа ТПУ.

Выводы. В процесс содействия трудоустройству выпускников внедрен информационно-программный комплекс «Трудоустройство», разработанный отделом порталных решений ТПУ, а также используются другие цифровые средства, помогающие добиться эффективности данного процесса. Подводя итоги, можно констатировать, что в Томском политехническом университете большое внимание уделяется цифровизации бизнес-процессов, связанных с содействием трудоустройству выпускников и деятельности Центра карьеры.

1. Бельская, Е. Я. Формирование готовности к профессиональной деятельности студентов Томского политехнического университета = Formation of readiness for professional activity of students of Tomsk Polytechnic University // Педагогика и Психология. Теория и практика. – 2019. – № 3 (15). – С. 52–58.
2. Галиханов, М. Ф., Барабанова, С. В., Кайбияйнен, А. А. Основные тренды инженерного образования: пять лет международной сетевой конференции «Синергия» // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30. – № 1. – С. 101–114.
3. Зенков, А. Р. Образование в условиях пандемии: возможности и ограничения цифрового обучения // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. – 2020. – № 3. – С. 51–64.
4. Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г. Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. – М.: Изд-во РАН, 2017. – 64 с. – ISBN 978-5-906906-04-5.

5. Иванова, В. С., Макиенко, М. А., Мартюшев, Н. В., Погукаева, Н. В., Пушных, В. А., Стрельцова, А. А., Стрижак, П. А., Халиулина, В. Р., Чмыхало, А. Ю. Концептуализация российского инженерного образования будущего: профессиональные и социокультурные основания. – Томск: STT, 2017. – 316 с. – ISBN: 5-93629-605-9.
6. Итс, Т. А. Изменение подходов к подготовке специалистов по управлению инновациями в соответствии с современными трендами (опыт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого) / Инновации. – 2019. – № 12. – С. 51–57.
7. Похолков, Ю. П., Рожкова, С. В., Толкачева, К. К. Уровень подготовки инженеров России. Оценка, проблемы и пути решения // Проблемы управления в социальных системах. – 2012. – Т. 4. – Вып. 7. – С. 6–14.
8. Прокопов, Н. И., Антонюк, С. Н., Иванов, С. Ю., Иванова, Д. В. Практики и тенденции успешного трудоустройства молодежи // Высшее образование в России. – 2017. – № 6 (213). – С. 88–95.
9. Соловьев, В. П., Перескова, Т. А. Техническое образование в России: проблемы, пути решения // Инженерное образование – 2018. – № 24. – С. 23–29.
10. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведов. – 4-е изд., доп. – М.: ТЕМП, 2006. – 944 с. – ISBN 978-5-9900358-6-7.
11. Хрипунов, Ю. В. Образовательная среда в области нанотехнологий – настоящий вызов // Наноиндустрия. – 2020. – Т. 13. – № 1 (94). – С. 8–15.
12. Шейнбаум, В. С. Задачи высшей школы в становлении и развитии системы независимой оценки инженерных квалификаций применительно к ТЭК // Инженерное образование. – 2018. – № 23. – С. 10–21.
13. Шмидт, Э., Коэн, Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, – 2013. – 368 с. – ISBN 978-5-91657-824-9.
14. Jacobides, M., Cennamo, C., Gawer, A. Towards a Theory of Ecosystems // Strategic Management Journal. – 2018. – Vol.39, Issue 8. – P. 2255–2276.
15. Tarasenko, V. F. The global and the local: the model of measuring efficiency of international business / V. F. Tarasenko, M. V. Melik-Gaykazyan I. V. Melik-Gaykazyan // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020; Innovation Management, Development Sustainability and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020. – 2016. – P. 2183–2186.

INFORMATION-DIGITAL ENVIRONMENT FOR PROMOTING EMPLOYMENT OF GRADUATES OF ENGINEERING UNIVERSITY

© 2023 E.Ya. Belskaya, I.I. Sholokhova

*Elena Ya. Belskaya, candidate of pedagogical sciences, leading expert of the Division
for Educational Support and Career Development*

Email: belpen@tpu.ru

Irina I. Sholokhova, senior lecturer School of Energy & Power Engineering

Email: sholii@tpu.ru

National Research Tomsk Polytechnic University

Tomsk, Russia

The increasing importance of engineering education in Russian state policy has created new requirements for the training of engineers. To prepare engineering personnel, universities must utilize the potential of industry, competence-based, student-oriented approaches, and traditions. The positive potential of engineering education is essential for controlling the quality of student training. One significant aspect of the development of engineering education is the improvement of the system for promoting the employment of university graduates. This article discusses the system for promoting graduate employment and examines university career centers. A career center is a department at a university that provides comprehensive support to students in promoting employment and career development. The purpose of these centers is to create and develop an effective system of interaction with enterprises and organizations in various forms of ownership to increase the competitiveness of university graduates in the global labor market. The information and digital environment at Tomsk Polytechnic University, which facilitates the employment of students and graduates, is presented as an example. Various information and digital tools and services are used for successful work. The business processes of specialists promoting the employment of students and graduates at Tomsk Polytechnic University are also discussed. In the process of facilitating graduate employment, the "Employment" information and software complex has been introduced, along with other digital tools. These resources help to ensure the effectiveness of the employment promotion process.

Tomsk Polytechnic University pays significant attention to the digitalization of business processes related to facilitating graduate employment and the activities of career centers.

Keywords: employment, employment promotion, university graduate, information and digital environment, career centers, engineering education, competitiveness

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-5-11

1. Bel'skaia, E. Ia. Formirovanie gotovnosti k professional'noi deiatel'nosti studentov Tomskogo politekhnicheskogo universiteta [Formation of readiness for professional activity of students of Tomsk Polytechnic University] // *Pedagogika i Psikhologiya. Teoriia i praktika*. – 2019. – № 3 (15). – S. 52–58.
2. Galikhanov, M. F., Barabanova, S. V., Kaybiyaynen, A. A. Osnovnyye trendy inzhenerenogo obrazovaniya: pyat let mezhdunarodnoy setevoy konferentsii «Sinergiya» [The main trends in engineering education: five years of the international network conference «Synergy»]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii*. – 2021, – Vol. 30, № 1. – S. 101–114.
3. Zenkov, A. R. Obrazovanie v usloviakh pandemii: vozmozhnosti i ogranicheniia tsifrovogo obucheniia [Education during a pandemic: prospects and challenges of digital learning] // *Analiz i prognoz. Zhurnal IMEMO RAN*. – 2020. – № 3. – S. 51–64.
4. Ivanov, V. V., Malinetskiy, G. G. Tsifrovaya ekonomika: mify, realnost, perspektiva [Digital Economy: Myths, Reality, Perspective]. – Moscow: RAS Publ. – 2017. – 64 s. – ISBN 978-5-906906-04-5.
5. Ivanova, V. S., Makiyenko, M. A., Martyushev, N. V., Pogukayeva, N. V., Pushnykh, V. A., Streltsova, A. A., Strizhak, P. A., Khaliulina, V. R., Chmykhalo, A. Yu. Kontseptualizatsiya rossiyskogo inzhenerenogo obrazovaniya budushchego: professionalnyye i sotsiokulturnyye osnovaniya [Conceptualization of Russian Engineering Education of the Future: Professional and Sociocultural Foundations]. – Tomsk, STT. – 2017. – 316 s. – ISBN: 5-93629-605-9.
6. Its, T. A. Izmenenie podkhodov k podgotovke spetsialistov po upravleniiu innovatsiyami v sootvetstvi s sovremennymi trendami (opyt Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta Petra Velikogo) [Change of approaches to the training of specialists in innovation management in accordance with modern trends (experience of Peter the Great St. Petersburg polytechnic university)] // *Innovatsii*. – 2019. – № 12. – S. 51–57.
7. Pokholkov, Yu. P., Rozhkova, S. V., Tolkacheva, K. K. Uroven podgotovki inzhenerov Rossii. Otsenka, problemy i puti resheniya [The level of training of engineers in Russia. Assessment, problems and solutions]. *Problemy upravleniya v sotsialnykh sistemakh*. – 2012. – Vol. 4, Issue 7, – S. 6–14.
8. Prokopov, N. I., Antoniuk, S. N., Ivanov, S. Iu., Ivanova, D. V. Praktiki i tendentsii uspeshnogo trudoustroystva molodezhi [Practices of Successful Employment of the Youth] // *Vyssheye obrazovanie v Rossii*. – 2017. – № 6 (213). – S. 88–95.
9. Solovyev, V. P., Pereskova, T. A. Tekhnicheskoye obrazovaniye v Rossii: problemy, puti resheniya [Technical education in Russia: problems, solutions]. *Engineering Education*. – 2018. – № 24, – S. 23–29.
10. Tolkoviy slovar' russkogo iazyka: 80000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / S. I. Ozhegov, N. Iu. Shvedov. – 4-e izd., dop. – Moskva : TEMP, 2006. – 944 s. – ISBN 978-5-9900358-6-7.
11. Khripunov, Yu. V. Obrazovatel'naya sreda v oblasti nanotekhnologiy – nastoyashchiy vyzov [Educational environment in the field of nanotechnology is a real challenge]. *Nanoindustriya*. – 2020. – Vol. 13, № 1 (94). – S. 8–15.
12. Sheynbaum, V. S. Zadachi vysshey shkoly v stanovlenii i razvitiu sistema nezavisimoy otsenki inzhenernykh kvalifikatsiy primenitel'no k TEK [The tasks of higher education in the formation and development of the system of independent assessment of engineering qualifications in relation to the fuel and energy complex]. *Inzhenernoye obrazovaniye*. – 2018. – № 23, – S. 10–21.
13. Schmidt, E., Koen, Dzh. Novyi tsifrovoi mir. Kak tekhnologii meniaiut zhizn' liudei, modeli biznesa i poniatie gosudarstva [The New Digital Age reshaping the future of people, nations and business] / per. s angl. S. Filina. – M.: Mann, Ivanov i Ferber, – 2013. – 368 s. – ISBN 978-5-91657-824-9.
14. Jacobides, M., Cennamo, C., Gawer, A. Towards a Theory of Ecosystems // *Strategic Management Journal*. – 2018. – Vol.39, Issue 8. – P. 2255–2276.
15. Tarasenko, V. F. The global and the local: the model of measuring efficiency of international business / V. F. Tarasenko, M. V. Melik-Gaykazyan I. V. Melik-Gaykazyan // *Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference – Vision 2020; Innovation Management, Development Sustainability and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020*. – 2016. – P. 2183–2186.

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ БАКАЛАВРАМИ РАЗДЕЛА «ЛИНЕЙНЫЕ МОДЕЛИ В ЭКОНОМИКЕ»

© 2023 Ю.В. Гуменникова¹, А.Л. Золкин², Р.Н. Черницына¹

*Гуменникова Юлия Валериевна, кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры «Высшая математика»*

E-mail: gumennikov@yandex.ru

*Золкин Александр Леонидович, кандидат технических наук,
доцент кафедры «Информатика и вычислительная техника»*

E-mail: alzolkin@list.ru

*Черницына Рузилья Нябиулловна, старший преподаватель кафедры
«Высшая математика»*

E-mail: y-abc@mail.ru

¹Самарский государственный университет путей сообщения

²Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 19.11.2022

В статье рассматриваются вопросы организации самостоятельной работы студентов как части их самообразовательной деятельности. В современном мире предъявляются определенные требования к выпускнику вуза, к содержанию компетенций, формируемых в процессе обучения, основными из которых выступают способность к самообразованию, автономность и умение адаптироваться в изменяющейся ситуации. Необходимые для этого навыки могут быть получены в процессе самостоятельной работы, обеспечивающей непрерывность образования и возможность повышения квалификации. В данной статье рассматривается организация самостоятельного изучения бакалаврами специальности «Экономика» Самарского государственного университета путей сообщения отдельного раздела математики под названием "Линейные модели в экономике". Так как это первый из изучаемых самостоятельно разделов математики, рекомендуется весь учебный материал по нему разместить в ЭИОС вуза. Для его усвоения студенту рекомендуется: прочесть, понять и законспектировать предложенный материал; решить задачи в соответствии со своим вариантом; ответить письменно на основные вопросы. Контроль заключается в проверке преподавателем наличия и качества составленных обучающимися конспектов; в проверке индивидуального решения каждым студентом своего варианта заданий; в проведении блиц-опроса или тестирования.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, самообразовательная деятельность, линейное программирование, задача оптимизации, двойственная задача

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-12-17

Введение. В настоящее время в российском высшем образовании реализуется модель многоуровневой подготовки, предъявляющая к выпускнику вуза определенные требования к содержанию компетенций, формируемых в процессе обучения. Современные работодатели нуждаются в творческой личности, обладающей универсальными компетенциями: способностью к самообразованию, автономностью, навыками саморегуляции и умением адаптироваться в изменяющейся ситуации [13]. Непременным условием формирования такой личности является

умение добывать информацию из различных источников, анализировать и систематизировать ее, оценивать и решать конкретную профессиональную проблему. Очевидно, что для успешного осуществления подобной деятельности молодые специалисты должны обладать навыками самообразования, полученными ими в процессе самостоятельной работы (СР). Самостоятельная учебная деятельность создает базу для обеспечения непрерывности образования, дает возможность повышения квалификации, способствует

мобильности и высоким адаптационным свойствам личности.

История вопроса. Организация самостоятельной работы студентов (СРС) является сложным и многогранным процессом, различные аспекты которого освещены в трудах отечественных и зарубежных ученых. Так, например, Е.В. Минина [8], проанализировав различные трактовки СРС, приходит к выводу, что такую работу можно определить как планируемую познавательную, организационно направляемую деятельность обучающихся, осуществляемую без участия преподавателя, но под его непосредственным руководством, для достижения запланированных результатов освоения основной профессиональной образовательной программы. Т.Г. Тедорадзе, М.Л. Романова и соавторы [10], кроме общеизвестных функций СРС, таких, как развивающая, информационно-обучающая, ориентирующая, воспитывающая и исследовательская, выделяют в более широком смысле, также диагностическую, организующую, мотивирующую, рефлексивную, креативную, гуманитарную и технологическую функции. В работе А.А. Гареева, О.Ф. Шиховой и Ю.А. Шихова [4] в целях индивидуализации обучения и повышения мотивации обучающихся к саморазвитию предлагается модель организации СРС с применением учебных блогов, позволяющая обосновать применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в учебном процессе и раскрыть их образовательный потенциал. Специалисты из Кореи также считают обучение на основе открытых on-line курсов и ИКТ удачными формами организации СРС [12]. О необходимости повышения роли СРС и ее доли в организации учебного процесса в вузе говорится в работе Z. Q. Liu [11], где описываются алгоритмы возможной организации самостоятельной работы и способы ее оценивания преподавателями и внешними экспертами, подчеркивается необходимость соответствующей переподготовки преподавателей вузов для обеспечения успешной работы в дистанционном формате. И.Е. Абрамова и Е.П. Шишмолина [1], используя нестандартные подходы к организации СРС с применением процедур самооценивания, взаимооценивания и экспертного оценивания результатов, анализируют опыт формирования компетенции самоорганизации у обучающихся. Проведенный авторами анализ подтверждает различие в уровне сформированности указанной компетенции в контрольной и экспериментальной группах,

например, в экспериментальной группе на 36% снизилось число учащих, затрудняющихся при организации своей СР, при этом на 32% повысилось число студентов, способных к критической оценке своей деятельности. Ж.Г. Гаранина, С.И. Баляев и М.С. Ионова [3] подчеркивают, что помимо профессионального обучения высшее образование призвано формировать навыки и умения профессионального саморазвития. Успешность данного процесса зависит в том числе и от способности обучающегося формировать позитивное отношение к самому себе, способствующее профессиональному росту.

Несмотря на огромное количество посвященных теме самостоятельной работы студентов исследований, предлагающих различные формы ее организации и контроля, большинство обучающихся в вузе продолжают испытывать затруднения в поиске, выборе и переработке учебной и научной информации, демонстрируя недостаточный уровень владения навыками самостоятельной работы. Студенты теряются в обилии информации, не могут отделить главное от второстепенного, не умеют структурировать и обрабатывать учебный материал, то есть не имеют возможности освоить даже начальный этап процесса самообразования. Поэтому основной задачей организации самостоятельной работы является обучение студентов навыкам такой работы.

Методы исследования. При разработке модели организации СРС использовались такие методы, как наблюдение, анализ письменных работ учащихся, анализ научной литературы, посвященной рассматриваемой проблеме.

Результаты исследования. В Самарском государственном университете путей сообщения (СамГУПС) бакалавры направления "Экономика" изучают математику в первом и втором семестрах. В учебном плане дисциплины запланированы следующие виды СРС: подготовка к лекциям (18 часов); подготовка к практическим занятиям (36 часов); выполнение контрольной работы (9 часов); подготовка к зачету в первом семестре (9 часов) и к экзамену во втором (36 часов); самостоятельное изучение отдельных разделов математики (9 часов).

Модель возможной организации первых четырех видов самостоятельной работы приведена в статье Ю.В. Гуменниковой [5]. Здесь же остановимся подробнее на организации самостоятельного изучения отдельного раздела математики, под названием "Линейные модели в экономике". Как показывает опыт последних лет, а

также результаты социологического исследования, проведенного в 2019 году в Ярославском государственном педагогическом университете Д.Т. Березиным [2], абсолютно все обучающиеся при поиске учебной информации обращаются к электронной информационно-обучающей среде вуза, при этом большая часть знакомы с электронной библиотекой eLIBRARY.RU [7]. Поэтому рекомендации по организации самостоятельной работы следует размещать в ЭИОС вуза и давать ссылки на литературу с упомянутого портала. Поскольку это первый из изучаемых самостоятельно разделов математики, весь учебный материал по нему размещается в ЭИОС. Для его усвоения студент должен выполнить следующие задания:

1. Прочсть, понять и законспектировать предложенный материал, выделив и осветив такие вопросы, как:

- общие сведения о линейном программировании (ЛП);

- задача об использовании ресурсов (постановка задачи, вводимые обозначения, запись задачи оптимизации, определения целевой функции, допустимого и оптимального решений);

- общая задача ЛП (постановка задачи, возможные методы решения, теорема о существовании оптимального решения, теорема об экстремуме целевой функции, пример решения задачи ЛП графическим методом);

- элементы теории двойственности (определение двойственной или сопряженной задачи для задачи ЛП; задача об использовании ресурсов и двойственная к ней, определяющая условия продажи ресурсов; связь исходной и двойственной задач; правила составления двойственной задачи; примеры на составление и решение задачи, двойственной к данной; теоремы двойственности: основное неравенство, основная теорема, вторая теорема двойственности или теорема равновесия; примеры решения типичных задач).

2. Решить предложенные задачи в соответствии со своим вариантом.

3. Ответить письменно на следующие вопросы:

- что такое технологическая матрица;

- формулировка и запись задачи оптимизации;

- допустимое решение задачи оптимизации и его отличие от оптимального решения;

- формулировка и запись общей задачи линейного программирования;

- связь исходной и двойственной задачи ЛП;

- каков размер двойственной задачи ЛП если исходная задача имеет размерность $m \times n$;

- основное неравенство теоремы двойственности;

- основная теорема двойственности;

- может ли задача ЛП с тремя переменными быть двойственной к задаче с пятью переменными?

Контроль со стороны преподавателя заключается в проверке наличия и качества составленных бакалаврами конспектов; проверке индивидуального решения каждым студентом своего варианта заданий; проведении блиц опроса или тестирования [9] по вопросам пункта 3. По итогам проверки качества усвоения учебного материала выставляются баллы, дополняющие итоговую оценку, получаемую бакалавром на экзамене [6].

Выводы. Самостоятельная работа студентов является важнейшей составляющей образовательного процесса в вузе, требующей от преподавателя тщательной организации и постоянного контроля. Предложенный способ организации СРС по изучению математического раздела "Линейные модели в экономике" гарантирует высокое качество усвоения материала и возможность применения полученных знаний в будущей профессиональной деятельности. Способ может быть рекомендован как для изучения отдельных разделов математики, так и при изучении других дисциплин.

1. Абрамова, И. Е. Формирование навыков самоорганизации и самооценки студентов в конкурентной иноязычной обучающей среде: практический опыт / И.Е. Абрамова, Е.П. Шишмолина // Образование и наука. – 2020. – Т. 22. – № 10. – С. 161-185. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-10-161-185.

2. Березин, Д. Т. Организация самостоятельной работы студентов в вузе / Д.Т. Березин // Социально-политические исследования. – 2019. – № 3(4). – С. 73-86. – DOI 10.24411/2658-428X-2019-10513.

3. Гаранина, Ж. Г. Роль самоотношения в личностно-профессиональном саморазвитии студентов высшей школы / Ж.Г. Гаранина, С.И. Баляев, М.С. Ионова // Образование и наука. – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 82-96. – DOI 10.17853/1994-5639-2019-1-82-96.
4. Гареев, А. А. Организация самостоятельной работы студентов на основе учебных блогов / А.А. Гареев, О.Ф. Шихова, Ю.А. Шихов // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 117-139. – DOI 10.17853/1994-5639-2018-3-117-139.
5. Гуменникова, Ю. В. Организация самостоятельной работы бакалавров направления "экономика" при изучении математики / Ю.В. Гуменникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 81. – С. 5-10. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-81-5-10. – EDN DYMOUL.
6. Гуменникова, Ю. В. Одна из моделей балльно-рейтинговой системы оценивания знаний бакалавров университета по дисциплине "математика" / Ю.В. Гуменникова, Л.В. Кайдалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 79-2. – С. 187-193. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-187-193.
7. Информационные технологии и методологические проблемы образования / В.Е. Трушина, Е.Н. Бойцова, А.Л. Золкин, М.С. Чистяков // Организационно-экономические и инновационно-технологические проблемы модернизации экономики России: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 28–29 июня 2021 года. – Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2021. – С. 175-179. – EDN KGGWSA.
8. Минаева, Е. В. Условия организации самостоятельной работы студентов вуза: теоретический аспект / Е. В. Минаева // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 8. – С. 59-64. – DOI 10.26170/ro16-08-08.
9. Рябинова, Е. Н. Один из способов построения тестов для организации самообразовательной деятельности обучающихся при изучении математики / Е. Н. Рябинова, Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2018. – Т. 20. – № 4. – С. 40-46.
10. Функции самостоятельной работы студентов / Т. Г. Тедорадзе, М. Л. Романова, В. Л. Шапошников, Т. Е. Глущенко // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 2(192). – С. 312-317. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p.312-317
11. Co-learning as a new model of learning in a digital environment: Learning effectiveness and collaboration / Z. Q. Liu, E. M. Dorozhkin, N. N. Davydova, N. O. Sadovnikova // International Journal of Emerging Technologies in Learning. – 2020. – Vol. 15. – No 13. – P. 34-48. – DOI 10.3991/ijet.v15i13.14667.
12. Lemmetty S., Collin K. Self-Directed Learning as a Practice of Work-place Learning: Interpretative Repertoires of Self-Directed Learning in ICT Work // Vocations and Learning. 2020. № 13. P. 47–70. Available from: <https://doi.org/10.1007/s12186-019-09228-x> (date of access: 13.01.2022).
13. Time management and professional identity of students of pedagogical universities / E.V. Lebedeva, D.Y. Shchipanova, M.E. Konovalova, A.O. Kutuin // International Journal of Environmental and Science Education. – 2016. – Vol. 11. – No 14. – P. 6913-6924.

TO THE QUESTION OF ORGANIZATION OF INDEPENDENT STUDY BY BACHELORIES OF THE SECTION "LINEAR MODELS IN ECONOMY"

© 2023 Yu.V. Gumennikova¹, A.L. Zolkin², R. N. Chernitsyna¹

*Yulia V. Gumennikova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics*

E-mail: gumennikov@yandex.ru

*Alexander L. Zolkin, Ph.D. (Engineering), Associate Professor
of the Department of Computer Science and Computer Engineering*

E-mail: alzolkin@list.ru

Ruzilya N. Chernitsyna, senior lecturer of the Department of Higher Mathematics

E-mail: y-abc@mail.ru

¹Samara State Transport University

²Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia

The article deals with the organization of independent work of students as part of their self-educational activities. In the modern world, a university graduate is subject to certain requirements for the level and content of competencies

formed in the learning process, the main of which are the ability to self-educate, autonomy and the ability to adapt to a changing situation. The skills necessary for this can be obtained in the process of independent work, which ensures the continuity of education and the possibility of advanced training. This paper discusses the organization of independent study by bachelors of the specialty "Economics" of the Samara State University of Communications of a separate section of mathematics, called "Linear models in economics". Since this is the first of the sections of mathematics studied independently, it is recommended that all educational material on it be placed in the EIEE of the university. For its assimilation, the student is recommended to: read, understand and outline the proposed material; solve problems in accordance with their version, answer in writing the main questions. Control consists in checking by the teacher the availability and quality of notes compiled by students; verification of an individual solution by each student of his version of tasks; conducting a blitz survey or testing.

Key words: independent work of students, self-educational activity, linear programming, optimization problem, dual problem

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-12-17

1. Abramova, I. E. Formirovanie navykov samoorganizatsii i samoocenki studentov v konkurentnoj inoyazychnoj obuchayushchej srede: prakticheskij opyt (Formation of students' self-organization and self-assessment skills in a competitive foreign-language learning environment: practical experience) / I. E. Abramova, E. P. Shishmolina // *Obrazovanie i nauka*. – 2020. – Т. 22. – № 10. – С. 161-185. – DOI 10.17853/1994-5639-2020-10-161-185.
2. Berezin, D. T. Organizatsiya samostoyatel'noj raboty studentov v vuze (Organization of independent work of students at the university) / D. T. Berezin // *Social'no-politicheskie issledovaniya*. – 2019. – № 3(4). – С. 73-86. – DOI 10.24411/2658-428X-2019-10513.
3. Garanina, Zh. G. Rol' samootnosheniya v lichnostno-professional'nom samorazvitii studentov vysshej shkoly (The role of self-attitude in the personal and professional self-development of higher school students) / Zh. G. Garanina, S. I. Balyaev, M. S. Ionova // *Obrazovanie i nauka*. – 2019. – Т. 21. – № 1. – С. 82-96. – DOI 10.17853/1994-5639-2019-1-82-96.
4. Gareev, A. A. Organizatsiya samostoyatel'noj raboty studentov na osnove uchebnyh blogov (Organization of independent work of students on the basis of educational blogs) / A. A. Gareev, O. F. Shihova, Yu. A. Shihov // *Obrazovanie i nauka*. – 2018. – Т. 20. – № 3. – С. 117-139. – DOI 10.17853/1994-5639-2018-3-117-139.
5. Gumennikova, Yu. V. Organizatsiya samostoyatel'noj raboty bakalavrov napravleniya "ekonomika" pri izuchenii matematiki (Organization of independent work of bachelors in the field of economics in the study of mathematics) / Yu. V. Gumennikova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2021. – Т. 23. – № 81. – С. 5-10. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-81-5-10. – EDN DYMOUL.
6. Gumennikova, Yu. V. Odnazh iz modelej ball'no-rejtingovoj sistemy ocenivaniya znanij bakalavrov universiteta po discipline "matematika" (One of the models of the point-rating system for assessing the knowledge of university bachelors in the discipline "mathematics") / Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2021. – Т. 23. – № 79-2. – С. 187-193. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-187-193.
7. Informacionnye tekhnologii i metodologicheskie problemy obrazovaniya (Information technologies and methodological problems of education) / V. E. Trushina, E. N. Bojcov, A. L. Zolkin, M. S. Chistyakov // *Organizacionno-ekonomicheskie i innovacionno-tekhnologicheskie problemy modernizatsii ekonomiki Rossii: sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, 28–29 iyunya 2021 goda*. – Penza: Penzenskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2021. – С. 175-179.
8. Minina, E. V. Usloviya organizatsii samostoyatel'noj raboty studentov vuza: teoreticheskij aspekt (Conditions for the organization of independent work of university students: theoretical aspect) / E. V. Minina // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. – 2016. – № 8. – С. 59-64. – DOI 10.26170/po16-08-08.
9. Ryabinova, E. N. Odin iz sposobov postroeniya testov dlya organizatsii samoobrazovatel'noj deyatel'nosti obuchayushchih pri izuchenii matematiki (One of the ways to build tests for the organization of self-educational activities of students in the study of mathematics) / E. N. Ryabinova, Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. – 2018. – Т. 20. – № 4. – С. 40-46.
10. Funkcii samostoyatel'noj raboty studentov (Functions of independent work of students) / T. G. Tedoradze, M. L. Romanova, V. L. Shaposhnikov, T. E. Glushchenko // *Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta*. – 2021. – № 2(192). – С. 312-317. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2021.2.p.312-317
11. Co-learning as a new model of learning in a digital environment: Learning effectiveness and collaboration / Z. Q. Liu, E. M. Dorozhkin, N. N. Davydova, N. O. Sadovnikova // *International Journal of Emerging Technologies in Learning*. – 2020. – Vol. 15. – No 13. – P. 34-48. – DOI 10.3991/ijet.v15i13.14667.

12. Lemmetty S., Collin K. Self-Directed Learning as a Practice of Work-place Learning: Interpretative Repertoires of Self-Directed Learning in ICT Work // *Vocations and Learning*. – 2020. – № 13. – P. 47–70. Available from: <https://doi.org/10.1007/s12186-019-09228-x> (date of access: 13.01.2022).
13. Time management and professional identity of students of pedagogical universities / E.V. Lebedeva, D.Y. Shchipanova, M.E. Konovalova, A.O. Kutyin // *International Journal of Environmental and Science Education*. – 2016. – Vol. 11. – No 14. – P. 6913-6924.

УДК 378:004.77 (Высшее образование. Университеты. Академическое обучение)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

© 2023 Е.К. Жменёва¹, Л.А. Колыванова²

*Жменёва Елена Константиновна, начальник отдела экологического просвещения
Регионального оператора на территории Самарской области
по обращению с твёрдыми коммунальными отходами ООО «ЭкоСтройРесурс»*

E-mail: zhmeneva-ek@ecostr.ru

*Колыванова Лариса Александровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры биологии,
экологии и методики обучения*

E-mail: larisaleksandr@yandex.ru

¹Региональный оператор на территории Самарской области по обращению с твёрдыми коммунальными отходами ООО «ЭкоСтройРесурс»

²Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 09.11.2022

Актуальность темы исследования обусловлена ростом внимания общественности к определению эффективных способов уменьшения загрязнения окружающей среды, в связи с чем необходим переход от антропоцентризма к экоцентризму, где высшей ценностью выступает гармоничное развитие человека и природы. Цель статьи заключается в определении наиболее активных студенческих сообществ, осуществляющих эколого-просветительскую работу на территории г.о. Самара, а также определении практической значимости их создания в формировании экологического мышления студентов. Методы исследования: метод контент-анализа и метод социологического исследования. На основании представлений респондентов авторами сформулированы показатели измерения эффективности формирования экологического мышления через эко-сообщества и его мониторинга в условиях профессиональной подготовки. Значимость работы обусловлена выводами исследования, которые позволяют утверждать, что образование экологических сообществ позволяет восполнить недостаток знаний в области охраны окружающей среды и, несомненно, подготовить отдельных личностей к выбору наименее враждебных по отношению к окружающей среде путей решения своих проблем и удовлетворения потребностей. Статья предназначена для руководителей образовательных организаций, педагогического сообщества и студентов с целью тиражирования положительного опыта и его дальнейшего внедрения в условиях профессиональной подготовки.

Ключевые слова: экологическое мышление, загрязнение окружающей среды, экологические клубы, профессиональная подготовка, студенческое сообщество, эколого-просветительская работа

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-18-26

Введение. Ежедневная антропогенная деятельность оказывает негативное воздействие на компоненты природной среды [1]. Это прежде всего загрязнение почв, атмосферного воздуха, водных объектов, истощение природных ресурсов, исчезновение видов популяций животных, растений, грибов. По опубликованным данным доклада об экологической ситуации в Самарском регионе Министерства лесного хозяйства, охраны окружающей среды и природопользования Самарской области, в 2021 г. на территории г.о. Самара и г.о. Тольятти уровень загрязнения атмосферного

воздуха характеризуется как «высокий», что соответствует превышению максимально разовой предельно допустимой концентрации в 10 и более раз одного или нескольких веществ [2]. В соответствии с общей оценкой уровня загрязнения водных объектов Куйбышевского, Саратовского и Ветлянского водохранилищ и 12-ти наиболее крупных рек качество воды оценивается как «загрязненная вода». Основными причинами гибели лесных насаждений в 50,1% являются лесные пожары, возникающие часто в результате безответ-

ственного отношения при пользовании в лесу огнём, самовозгорания мест несанкционированного размещения отходов и др.

История вопроса. Осознавая масштаб загрязнения окружающей среды и необходимость принятия решительных мер, с 2019 г. был запущен национальный проект «Экология» по пяти направлениям: отходы, вода, воздух, биоразнообразие, технологии. Данный проект подразумевает проведение мероприятий, направленных на строительство и модернизацию объектов, оснащение учреждений специализированной техникой и оборудованием для проведения комплекса мероприятий по лесовосстановлению и лесоразведению, прирост мощности очистных и перерабатывающих сооружений и др. [9]. Однако важно отметить, что возникновение экологических проблем во многом связано не только с несовершенством технологических процессов, а также но и с дефицитом знаний в области охраны окружающей среды, отсутствием эко-культуры и экологического мышления. Поэтому особое внимание необходимо уделять изначальному предотвращению загрязнений, изменяя повседневное поведение людей. Данная позиция уже была обозначена экологом Барри Коммонером, который обратил внимание на высокие экологические издержки вследствие технологического развития, ссылаясь на «четыре закона экологии» [1]:

- первый закон – «всё связано со всем» показывает, что даже минимальные изменения в результате деятельности человека, внесенные в одну экосистему, могут приводить к негативным последствиям в других экосистемах. Основная мысль данного закона - любое воздействие несет за собой последствия. Например, ради получения пахотных земель используют различные способы осушения болот. В свою очередь болота являются природными фильтрами для очистки воды, а их осушение может привести к исчезновению рек (или обмелению). Недостаток влажности в заболоченных местах приводит к снижению урожайности растительности или её уничтожению;

- второй закон говорит о том, что в естественной среде всегда «всё куда-то деваётся», то есть для каждого органического вещества, производимого организмами, в природе существует фермент, способный разлагать это вещество. Несмотря на это, человеком были созданы синтетические полимеры, которые разлагаются более 100 лет, а затем превращаются в микропластик. Созданные человеком материалы не включаются в

естественные круговороты, а наоборот накапливаются в почве, воде и живых организмах, встраиваясь в пищевые цепочки. По опубликованным исследованиям Министерства окружающей среды Германии, выявлено, что в 97% проб крови 2500 детей в возрасте от 3 до 17 лет нашли следы различных видов пластика. Ученые из Италии, проводившие исследования по образцам плаценты, обнаружили 12 фрагментов микропластика различных цветов (синий, красный, розовый) у 4 из 6 женщин [6];

- третий закон - «природа знает лучше» - говорит о том, что человек как биологический вид должен жить в согласии с природой, а не властвовать над ней. Перепотребление ресурсов может привести к тому, что естественные системы не смогут самовосстановиться. По итогам 2021 г. Региональным оператором на территории Самарской области по обращению с твёрдыми коммунальными отходами ООО «ЭкоСтройРесурс» было собрано и транспортировано 1 293561,415 тонн твёрдых коммунальных отходов (из которых только 35,42% было направлено на обработку) [8]. Масштаб образованных отходов спрогнозирован количеством одноразовой продукции, которая при единоразовом использовании сразу попадает в места накопления отходов, а иногда даже и не доносится жителями до предназначенных мест. Такая ситуация приводит к образованию свалок, вследствие чего происходит загрязнение почв и подземных вод. С 2019 г. на территории Самарской области была ликвидирована 1101 свалка, но их образование продолжается, т.к. фиксируются новые места несанкционированного размещения твёрдых коммунальных и строительных отходов;

- «Ничто не даётся даром» - так звучит четвертый закон Б. Коммонера. В данном афоризме отражен принцип того, что каждое новое достижение сопровождается утратой чего-то прежнего, но, с другой стороны, все взятое у природы должно быть компенсировано. К примеру, выращивая зерно в полях, важно учитывать, что почва отдает свои питательные вещества и ценные минералы, теряя плодородие, но культуры не смогут расти без гумуса, поэтому необходимо грамотно удобрять почву, возвращая в неё ценные и необходимые вещества.

Исходя из выше обозначенных законов, необходимо переходить от антропоцентризма к экоцентризму. Данное развитие подразумевает бережное отношение к окружающей среде и рациональное использование природных ресурсов, что

должно отражаться на поступках человека в повседневной жизни. В настоящий момент в человеческое сознание глубоко проникла антропоцентрическая парадигма мышления, в которой на вершине стоит человек, затем предметы, созданные им, а только потом располагаются объекты природы, место которых определяется полезностью для него.

К сожалению, на сегодняшний день, развитие системы экологического образования носит скорее всего рекомендательный характер. Экологическое образование воспитанников детских садов зависит во многом от инициативы отдельных воспитателей либо руководителей учебных заведений. Ожидается, что у школьников экологическая культура будет формироваться через смежные с экологией предметы или внеклассную деятельность, а у студентов – через их вовлечение в экологические проекты и акции, которые реализует некоммерческий сектор или социально ответственный бизнес. Однако данная деятельность часто носит бессистемный характер и включает в себя только донесение до аудитории теоретических знаний, а не активное продвижение практических мероприятий экологической направленности, вовлекающих в процесс не только учащихся, студентов и педагогическое общество, но и все слои населения.

Целью исследования является обоснование организации образовательного процесса, направленного на формирование экологического мышления студентов в условиях профессиональной подготовки.

Методы и материалы исследования. Для подготовки к исследованию были изучены нормативно-правовые акты, регламентирующие понятие экологического образования в России и на региональном уровне [3, 4, 7, 12]. Авторами было выявлено, что действующие редакции законов не содержат четкого определения процесса экологического образования и способов его мониторинга в условиях профессиональной подготовки будущих специалистов.

В данной статье мы уделим особое внимание изучению имеющихся инструментов воздействия на экологическое мышление студентов через их вовлечение в экологические сообщества. Для этого выберем метод контент-анализа и метод социологического исследования (интервьюирование). Определим возможности реализации таких сообществ в условиях профессиональной

подготовки будущих специалистов и их значимость для формирования экомышления, предложим показатели, позволяющие оценить эффективность воздействия.

Результаты исследования. С целью определения наиболее активных студенческих сообществ, осуществляющих эколого-просветительскую работу на территории г.о. Самара и реализующих экологические проекты, был выбран метод контент-анализа. В рамках данного метода рассматривались студенческие сообщества, созданные исключительно на базе высших учебных заведений, исключая учреждения среднего профессионального образования. По территориальной принадлежности рассматривались объединения, созданные на базе высших учебных заведений г.о. Самара.

Для определения наиболее активных студенческих экологических сообществ были выделены следующие критерии оценки:

1. Количество участников группы.
2. Количество просмотров.
3. Активность (количество комментариев).
4. Активность (количество лайков).
5. Активность (поделиться информацией).
6. Частота обновлений.
7. Оформление сообщества.
8. Заполнение группы.
9. Уникальность записей.
10. Правописание.

В результате контент-анализа в сообществах Российской социальной сети ВКонтакте было рассмотрено шесть групп, где оценивались тексты публикаций, публичные отчеты, афиши, видео и клипы.

В результате анализа было просмотрено 480 текстов публикаций, более 40 картинок и афиш, 60 видео и 36 клипов. Каждому сообществу присваивалось по 10% за каждый критерий. Максимальная оценка сообщества могла составить 100%, исходя из 10 критериев оценки. По результатам данного анализа было определено два сообщества с активной аудиторией и динамикой развития группы, которые получили максимальные оценки. По итогам контент-анализа было принято решение о необходимости проведения дальнейшего исследования данных групп.

Для того чтобы сформировалось понимание о вовлеченности студентов высших учебных заведений в экологические проекты, их информиро-

ванности о возможных способах решения экологических проблем, мотивации и значимости таких объединений в формировании экологического мышления, необходимо изучить общественное мнение.

Цель: определение практической значимости создания студенческих экологических сообществ на базе высших учебных заведений в формировании экологического мышления будущих специалистов.

Стоит отметить, что экологическое мышление представляет собой устойчивое понимание взаимосвязи и важности каждого элемента экосистемы и ощущение социальной ответственности за свои повседневные действия и решения, которые оказывают влияние на окружающую среду.

Задачи:

1. Определить цель и причины создания экологических студенческих сообществ на базе высших учебных заведений.

2. Обозначить основную деятельность сообществ и её динамику, формат реализуемых сообществом экологических проектов и акций.

3. Определить воздействие на субъекты, входящие в сообщество для формирования знаний в области охраны окружающей среды.

4. Обозначить мотивы и стимулы субъектов, вступающих в объединение на добровольной основе.

5. Охарактеризовать проблемы, существующие внутри объединения, которые позволяют снизить эффективность реализуемых социальных проектов.

6. Определить представления респондентов о наиболее важных способах, позволяющих сформировать экологическое мышление.

В рамках подготовки социологического исследования был составлен бланк интервью. На основании данных задач было сформулировано 15 вопросов без вариантов ответа. Для получения информации был выбран опросный способ проведения исследования (интервьюирование), при котором респондентам в устной форме были заданы специально подобранные вопросы. Объектом социологического исследования являлись руководители, соруководители, руководители СМИ двух студенческих экологических объединений. Продолжительность интервью с каждым респондентом составила от 40 минут до 1 часа. В качестве способа записи интервью использовался диктофон, затем производилась расшифровка записей с помощью приложения Transcribe.

Во всех ответах прозвучало, что инициаторами создания экологических клубов (сообществ, объединений) на базе высших учебных заведений становились студенты. Основными причинами создания данных сообществ явились:

1. Необходимость совместного решения социальных проблем и организационных вопросов, которые волнуют студентов.

2. Реализация собственных идей и проектов при поддержке вуза, использование способностей каждого члена экологического клуба для дальнейшего применения их в деятельности для улучшения состояния окружающей среды.

3. Необходимость адаптации первокурсников (поиск новых друзей по интересам/единомышленников, постановка жизненных целей).

4. Получение знаний, умений и навыков в области охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Заметив интерес, проявленный студентами, администрация высших учебных заведений и педагогическое сообщество приняли управленческое решение о создании таких общественных организаций на базе вузов с постоянной организационной, информационной, консультационной и иной их поддержкой. В связи с этим руководством было утверждено положение деятельности, где описаны: цель, функции, приоритеты деятельности и органы управления, определен руководитель общественной организации и подписан план дальнейшей работы.

В положениях описаны следующие приоритеты деятельности экологических сообществ:

1. Создание среды в стенах высшего учебного заведения для продвижения «зелёной» политики.

2. Просветительская деятельность в сфере охраны окружающей среды (проведение экологических лекций для студентов с приглашением экспертов в данной области, обеспечение обмена мнениями, проведение мастер-классов и др.).

3. Внедрение экологических проектов студентов и преподавателей в реальную практику, совместное творчество, сочетание коллективных и индивидуальных видов деятельности.

4. Освещение экологической деятельности студентов в СМИ и социальных сетях.

5. Организация внеучебной деятельности студентов экологической направленности.

При рассмотрении интенсивности деятельности и динамику организованных экологических мероприятий было зафиксировано, что не каждое студенческое объединение имеет план работы. В

тех объединениях, где отсутствует календарный план, мероприятия часто организуются спонтанно, например, на основании приглашений к участию в экологических акциях от некоммерческих и коммерческих компаний. В клубах, где существует календарный план, мероприятия реализуются системно и включают в себя организацию и посещение собраний клуба; проведение студенческих экологических акций (сбор ценных фракций, помощь приютам для животных, передача вещей нуждающимся и др.); проведение обучающих семинаров и лекций по экологии для студентов с приглашением экспертов; обучение в написании статей и тезисов по охране окружающей среды; обучение по созданию информационных экологических плакатов, афиш, брошюр; обучение написанию экологических проектов и их реализация. Авторами выявлено, что успешность функционирования каждой из общественных экологических организаций во многом зависит от лидера (куратора) со стороны высшего учебного заведения, который координирует деятельность сообщества и вовлекает в неё студентов.

Одной из успешных практик экологической направленности можно отметить организацию «Школы эко-волонтера» на базе экологического объединения, которая представляет собой цикл мероприятий по трём блокам: волонтерство, организация, медиа. Пройти обучение в данной Школе может любой студент вуза.

Блок «Волонтерство» представляет собой обучение правилам сортировки отходов и вовлечение к раздельному сбору ценных фракций. В рамках данного блока приглашаются специалисты и эксперты в области охраны окружающей среды, которые на основании своего опыта приучают к культуре осознанного потребления. Блок «Организация» демонстрирует опыт экологического клуба в организации мероприятий: приглашение партнёров, сбор участников, получение разрешающих документов от администрации вуза, оценка рисков и др. Блок «Медиа» содержит в себе обучающие лекции по работе в программах для визуальной составляющей постов, а также полный гид по правилам написания текстов для соцсетей. Самым активным студентам по итогам прохождения «Школы эковолонтера» присваиваются должностные обязанности в клубе, где на

выходе назначаются соруководитель СМИ, главный редактор, заместитель председателя и руководитель проектов.

Стоит отметить, что респондентами был отмечен существенный «скачок» в экологической осознанности после вступления в состав экологического клуба. В результате обучающих лекций, эко-квизов и участия в общественных экологических мероприятиях студенты узнали о повседневных поступках, которые могут навредить окружающей среде и способах минимизации вреда. Активисты экологических объединений начали сортировать отходы дома и сдавать их на переработку, а опасные отходы - на утилизацию, вовлекая в данный процесс членов семей. Студенты экологических клубов постепенно стали переходить на многоразовые товары, уменьшая количество образования отходов. Все респонденты отметили также, что многие из них нашли друзей, единомышленников, которые вместе стали посещать приюты для бездомных животных, принося ветошь, сухой корм и каши. Было отмечено, что активисты экологических объединений начали самостоятельно инициировать и реализовывать проекты внутри вуза по осознанному потреблению совместно с крупными социально-ответственными компаниями, другими образовательными организациями, органами власти. Респонденты отметили, что молодые люди, поучаствовав в течение около 6 месяцев в деятельности экологического сообщества, становятся экологически образованнее, а их озабоченность состоянием окружающей среды находит отклик не только у их друзей, но и тиражируется на ближайшее окружение.

В результате опроса было выявлено, что за активную общественную деятельность в экологических объединениях студенты могут рассчитывать на повышенную стипендию. Однако материальную составляющую нельзя назвать ключевой формой влияния на студентов, которые состоят в данных объединениях. Общественная деятельность несёт добро и удовлетворение, причём для всех участников процесса. Она является благодарностью и способна подарить ощущение счастья. Особенно ярко это ощущается тогда, когда возникает понимание причастности, когда каждый ее участник может внести существенный вклад в сохранение окружающей среды, например, посадив дерево или принимая участие в сборе посевного материала. Респондентами также было отмечено,

что каждый студент после участия в экологических проектах начинает ощущать социальную ответственность за свои повседневные действия и решения, которые оказывают влияние на окружающую среду. В результате теоретической и практической работы у студентов возникает понимание взаимосвязи и важности каждого элемента экосистемы.

Дополнительно каждый студент таких экологических объединений заносится в рейтинговую систему, где отслеживается его активность и посещаемость. Лучшие студенты по итогам года в преддверии Всемирного дня охраны окружающей среды, который празднуется 5 июня, торжественно награждаются путёвками в Санкт-Петербург или Краснодарский край. Данная мотивация позволяет поддержать самых активных студентов, дает ориентир для дальнейших действий и достижения определенных целей и задач.

Респондентами было также подмечено, что эффективной мотивацией для активной деятельности в экологическом объединении могут послужить предварительно достигнутые договоренности/заключенные соглашения с крупными экологическими компаниями, которые бы принимали студентов экологических клубов для прохождения производственной летней практики, а также рассматривали бы лучших из них для последующего трудоустройства по окончании высшего учебного заведения.

Определяя проблемы, существующие внутри экологических объединений, которые позволяют снизить эффективность реализуемых социальных проектов, респондентами были отмечены следующие:

1. Эмоциональное выгорание, возникающее тогда, когда студент, являющийся активистом эко-клуба, берет на себя больше задач и ответственности, чем может выполнить в комфортном для себя режиме. Нередко этому способствует и общественное мнение, где восприятие волонтера происходит не как человека с добрым сердцем, готового оказать бескорыстную помощь, а как человека, обязанного «всем здесь и сейчас».

2. Отсутствие партнеров, связанное с тем, что для реализации проектов всегда необходимы ресурсы. Но при отсутствии партнеров возникают трудности с получением инвентаря, расходных материалов, подарков за конкурсы и эко-квизы. Кроме того, объединения не имеют собственного бюджета, поэтому при необходимости вынуждены обращаться за материальной поддержкой в различные структуры.

В связи с изложенным, на основании представлений респондентов были сформированы показатели, позволяющие оценить эффективность формирования экологического мышления и его мониторинга в условиях профессиональной подготовки через вовлечение студентов в эко-общества (таблица 1).

Таб. 1. Показатели эффективности воздействия сообществ на эко-мышление
(Indicators of the effectiveness of the impact of communities on eco-thinking)

№ п.п.	Показатели	Мониторинг	Измерение
1	Информированность	Не менее одного эколого-просветительского мероприятия в две недели	Отчёт по ежеквартальному тестированию знаний студентов в области охраны окружающей среды
2	Системность	Не менее двух выездных и/или практических/деятельностных/экскурсионных мероприятий в месяц	Отчётный список организованных экологических мероприятий с количеством студентов сообщества (с обязательным указанием даты проведения)
3	Непрерывность	Не менее 80% сообщества состоят в объединении более года	Реестр по дате вступления/выхода в сообщество
4	Причастность	Каждый член сообщества закреплен по обязанностям/ролям в деятельности	Реестр «направлений» деятельности студентов с характеристикой активности каждого члена.

Предлагаемый критерий «информированность» рассматривается авторами как оценка об-

ладания сведениями, которые позволяют привить будущим специалистам приемлемые модели поведения и деятельности в природной

среде, углубление знаний по предметам естественного цикла. Приветствуется организация эколого-просветительских мероприятий с приглашением спикеров и экспертов в области охраны окружающей среды (граждане, некоммерческие, коммерческие и иные организации). Критерий «системность» позволяет мониторить и оценивать умение видеть экологические проблемы с разных сторон, делать анализ множества решений за счёт участия в различных форматах проектов. Критерий «непрерывность» рассматривается как необходимость вовлечения в экологические клубы с первых курсов поступления и удержание членов клуба до окончания обучения, переход студентов старших курсов в деятельность по «передаче опыта, наработок, идей, информации»). Преемственность поколений обеспечивает не только поддержку многолетних проектов, передачу наработок и практических знаний от студентов старших курсов к младшим, но и позволит сохранить традиции экологического сообщества, укрепить и сплотить его членов на всю будущую жизнь. Заключительный критерий «причастность» подразумевает вовлечение каждого члена экологического объединения в работу экологического клуба (распределение ролей и задач между всеми его участниками для формирования личной ответственности, установки внутреннего «локуса контроля»).

При этом все перечисленные выше критерии формирования экологического мышления являются равнозначными и только в комплексе позволяют добиться желаемого результата по пониманию взаимосвязи и важности каждого элемента экосистемы и ощущения социальной ответственности за свои повседневные действия и решения, которые оказывают влияние на окружающую среду. Также мониторинг данных критериев позволяет оценить эффективность воздействия сообществ на эко-мышление студентов в условиях профессиональной подготовки.

Сопоставляя полученные результаты исследования с трудами эколога Барри Коммонера,

можно сделать вывод о том, что организация экологических сообществ позволяет научить студентов оценивать свои повседневные поступки, с точки зрения воздействия на окружающую среду, увеличивая, тем самым, число экологически мыслящих граждан, что будет способствовать изначальному предотвращению загрязнений компонентов природной среды [10].

Выводы. Проанализировав актуальные официальные источники о масштабах загрязнения окружающей среды, можно обнаружить, что ежедневная антропогенная деятельность оказывает негативное воздействие на почву, атмосферный воздух, водные объекты и др. Минимизировать вредное воздействие на компоненты природной среды невозможно без перехода общества на экологическое мышление [5]. В настоящее время главная роль в его формировании отводится студенческим экологическим сообществам и объединениям, которые существуют на базе высших учебных заведений. На основании проведенных исследований обнаружена естественная тяга студентов высших учебных заведений к решению экологических проблем через реализацию экологических проектов. Данные объединения позволяют получить необходимые знания в области охраны окружающей среды, подготавливать отдельных личностей к выбору наименее враждебных моделей поведения по отношению к окружающей среде, дают возможность к самореализации идей и позволяют адаптировать студентов первых курсов. На основании представлений респондентов сформированы показатели эффективности воздействия сообществ на экомышление в условиях профессиональной подготовки. Их мониторинг позволил определить степень необходимости усиления воздействия для определения плана деятельности, благодаря которому возросло число экологически мыслящих граждан, способных предотвратить загрязнения компонентов природной среды.

1. Гаджидадаев, М. З. Законы Б. Коммонера как средство формирования «экологического сознания» у школьников / М.З. Гаджидадаев, З.В. Борзова // Наука в современном информационном обществе: материалы XI Международной научно-практической конференции, North Charleston, 13–14 марта 2017 года. – North Charleston: CreateSpace, 2017. – С. 98–101.
2. Доклад об экологической ситуации в Самарской области за 2021 год. Выпуск 32. – Самара, 2022. – 162 с.
3. Закон Самарской области от 06.04.2009 №46-ГД «Об охране окружающей среды и природопользовании в Самарской области» (принят Самарской Губернской Думой 24.03.2009). [Электронный ресурс]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (дата обращения: 25.10.2022).

4. Закон Самарской области от 16.12.2013 № 109-ГД (ред. от 13.06.2017) «Об экологическом образовании, просвещении и формировании экологической культуры населения Самарской области» (принят Самарской Губернской Думой 03.12.2013) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (дата обращения: 25.10.2022).
5. Короткевич, А. В. Экологическое образование и образование для устойчивого развития / А.В. Короткевич // Сахаровские чтения 2020 года: экологические проблемы XXI века: материалы 20-й международной научной конференции, в двух частях, Минск, 21–22 мая 2020 года. – Минск: Информационно-вычислительный центр Министерства финансов Республики Беларусь, 2020. – С. 173–176.
6. Микропластик внутри нас - загрязнение уже под кожей [Электронный ресурс]. – URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2021/02/01/mikroplastikvnutrinas/> (дата обращения: 20.10.2022).
7. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом РФ 30.04.2012). [Электронный ресурс]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (дата обращения: 26.10.2022).
8. Официальный сайт Регионального оператора Самарской области по обращению с твёрдыми коммунальными отходами ООО «ЭкоСтройРесурс» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ecostr.ru/?ysclid=19qv2pq95r843433996> (дата обращения: 22.10.2022).
9. Паспорт региональной составляющей национального проекта «Экология» (Самарская область) от 29.03.2019 № ПК-Э/4 [Электронный ресурс]. – URL: <https://economy.samregion.ru/> (дата обращения: 12.10.2022).
10. Розенберг, Г.С., Гелашвили, Д.Б., Хасаев, Г.Р. и др. Экологическое образование и образованность – два «кита» устойчивого развития/ отв. Ред. Чл.-кор. РАН Г.С. Розенберг, д-р биол. наук. гос. экон. ун-т. – Самара; Тольятти; Н. Новгород; Саратов, 2014. – 292 с.
11. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (дата обращения: 10.10.2022).
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.10.2022) [Электронный ресурс]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (дата обращения: 26.10.2022).

FORMING ECOLOGICAL THINKING OF STUDENTS IN CONDITIONS OF VOCATIONAL TRAINING

© 2023 E.K. Zhmeneva¹, L.A. Kolyvanova²

Elena K. Zhmeneva, Head of the Department of Environmental Education of the Regional Operator in the Samara Region for the Management of Solid Municipal Waste LLC «EcoStroyResurs»

E-mail: zhmeneva-ek@ecostr.ru

Larisa A. Kolyvanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Biology, Ecology and Teaching Methods

E-mail: larisaleksandr@yandex.ru

¹Regional operator in the territory of the Samara region for the treatment of municipal solid waste LLC «EkoStroyResurs»

²Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

The relevance of the research topic is due to the growing public attention to identifying effective ways to reduce environmental pollution, which requires a transition from anthropocentrism to ecocentrism, where the highest value is the harmonious development of man and nature. The purpose of the article is to identify the most active student communities that carry out environmental education work on the territory of the city. Samara, as well as determining the practical significance of their creation in the formation of students' ecological thinking. Research methods: content analysis method and sociological research method. Based on the views of respondents, the authors formulated indicators for measuring the effectiveness of the formation of ecological thinking through eco-communities and its monitoring in terms of professional training. The significance of the work is due to the conclusions of the study, which allow us to state that the formation of ecological communities makes it possible to fill the lack of knowledge in the field of environmental protection and, undoubtedly, prepare individuals to choose the least environmentally hostile ways to solve their problems and meet their needs. The article is intended for heads of educational organizations, the pedagogical community and students in order to replicate the positive experience and its further implementation in the conditions of professional training.

Keywords: environmental thinking, environmental pollution, environmental clubs, professional training, student community, environmental education

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-18-26

1. Gadzhidadayev, M. Z. Zakony B. Kommonera kak sredstvo formirovaniya «ekologicheskogo soznaniya» u shkol'nikov (Commoner as a means of forming «environmental consciousness» among schoolchildren) / M.Z. Gadzhidadayev, Z.V. Borzova // Nauka v sovremennom informatsionnom obshchestve: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, North Charleston, 13–14 marta 2017 goda. – North Charleston: CreateSpace, 2017. – S. 98-101.
2. Doklad ob ekologicheskoy situatsii v Samarskoy oblasti za 2021 god. (Report on the environmental situation in the Samara region for 2021) Vypusk 32. – Samara, 2022. – 162 s.
3. Zakon Samarskoy oblasti ot 06.04.2009 №46-GD «Ob okhrane okruzhayushchey sredy i prirodopol'zovaniy v Samarskoy oblasti» (On Environmental Protection and Nature Management in the Samara Region) (prinyat Samarskoy Gubernskoy Dumoy 24.03.2009). [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 25.10.2022).
4. Zakon Samarskoy oblasti ot 16.12.2013 № 109-GD (red. ot 13.06.2017) «Ob ekologicheskom obrazovanii, prosveshchenii i formirovanii ekologicheskoy kul'tury naseleniya Samarskoy oblasti» («On environmental education, enlightenment and the formation of an ecological culture of the population of the Samara Region») (prinyat Samarskoy Gubernskoy Dumoy 03.12.2013) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 25.10.2022).
5. Korotkevich, A.V. Ekologicheskoye obrazovaniye i obrazovaniye dlya ustoychivogo razvitiya (Environmental education and education for sustainable development) / A.V. Korotkevich // Sakharovskiye chteniya 2020 goda: ekologicheskiye problemy XXI veka: materialy 20-y mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, v dvukh chastyakh, Minsk, 21–22 maya 2020 goda. – Minsk: Informatsionno-vychislitel'nyy tsentr Ministerstva finansov Respubliki Belarus', 2020. – S. 173-176.
6. Mikroplastik vnuti nas - zagryazneniye uzhe pod kozhey (Microplastic inside us - pollution already under the skin) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2021/02/01/mikroplastikvnutrinan/?> (data obrashcheniya: 20.10.2022).
7. Osnovy gosudarstvennoy politiki v oblasti ekologicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda (Fundamentals of the state policy in the field of environmental development of the Russian Federation for the period up to 2030) (utv. Prezidentom RF 30.04.2012). [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 26.10.2022).
8. Ofitsial'nyy sayt Regional'nogo operatora Samarskoy oblasti po obrashcheniyu s tvordymi kommunal'nymi otkhodami OOO «EkoStroyResurs» (Official site of the Regional operator of the Samara region for the treatment of municipal solid waste LLC «EkoStroyResurs») [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ecostr.ru/?ysclid=I9qv2pq95r843433996> (data obrashcheniya: 22.10.2022).
9. Paspport regional'noy sostavlyayushchey natsional'nogo proyekta «Ekologiya» (Samarskaya oblast') (Passport of the regional component of the national project «Ecology» (Samara region)) ot 29.03.2019 № PK-E/4 [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://economy.samregion.ru/> (data obrashcheniya: 12.10.2022).
10. Rozenberg, G.S., Gelashvili, D.B., Khasayev, G.R. i dr. Ekologicheskoye obrazovaniye i obrazovannost' – dva «kita» ustoychivogo razvitiya (Ecological education and education - two "pillars" of sustainable development) / otv. Red. Chl.-kor. RAN G.S. Rozenberg, d-r biol. nauk. gos. ekon. un-t. – Samara; Tol'yatti; N. Novgorod; Saratov, 2014. – 292 s.
11. Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 26.03.2022) «Ob okhrane okruzhayushchey sredy» (On Environmental Protection) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2022) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 10.10.2022).
12. Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 07.10.2022) «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii» (On Education in the Russian Federation) (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.10.2022) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://ovmf2.consultant.ru/> (data obrashcheniya: 26.10.2022).

УДК 37.016:811.111 (Методика преподавания английского языка)

ПЕРЕВОД РОМАНА ФИЛИПА К. ДИКА “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?”: НЕОБОСНОВАННОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИЙ И СМЫСЛОВЫЕ ОШИБКИ

© 2023 А.П. Журавлев

Журавлев Александр Павлович, старший преподаватель кафедры иностранных языков

E-mail: palych32@rambler.ru

Самарский государственный технический университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 15.12.2022

Данная статья посвящена оценке качества перевода литературного произведения известного американского писателя-фантаста Филипа К. Дика под названием “Do androids dream of electric sheep?” (в русском переводе этот роман известен как «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»). В результате сопоставительного анализа оригинального текста романа и его перевода на русский язык выявлен ряд случаев, когда переводчиком были допущены смысловые ошибки, причем иногда очень грубые. Проведенное исследование причин этого явления показало, что некоторые из этих ошибок возникли из-за необоснованного применения переводчиком лексико-грамматических трансформаций, в первую очередь трансформаций добавления и опущения. Другие смысловые ошибки появились в переводе либо в результате невнимательности переводчика, либо из-за его неумения работать с контекстом. В статье кратко рассматриваются некоторые лексико-грамматические трансформации, применяемые при переводе, а также анализируется перевод нескольких фрагментов романа, где допущены грубые смысловые ошибки. По итогам проведенной работы делаются выводы о причинах возникновения смысловых ошибок в данном переводе, а также оценивается роль, которую сыграли в их появлении необоснованные лексико-грамматические трансформации.

Ключевые слова: лексико-грамматические трансформации, смысловые ошибки, контекст

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-27-33

Введение. Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем затрагиваются две неизменно релевантные для перевода темы – проблема адекватного применения лексико-грамматических трансформаций и смысловые ошибки при переводе.

Лексико-грамматические трансформации, осуществляемые при переводе с одного языка на другой, являются одним из основных инструментов переводчика. Однако, как и с любым инструментом, с трансформациями такого рода также нужно уметь работать. Вопрос о применении при переводе конкретной лексико-грамматической трансформации в том или ином случае не имеет однозначного решения. С одной стороны, осмысление огромного опыта, накопленного поколениями переводчиков при работе с текстами самой разной стилистической и жанровой принадлежности, давно уже позволило сформулировать определенные рекоменда-

ции относительно того, какого рода преобразование наиболее уместно применить в данной конкретной ситуации. Так, например, каждому переводчику известно, что в случае семантической избыточности при переводе с английского языка на русский один из синонимов в тексте оригинала надлежит опустить.

С другой стороны, никакие методические рекомендации не охватывают всех нюансов, неизбежно возникающих при переводе. В этом отношении переводчик должен сам решать, как поступить в той или иной ситуации. И здесь, к сожалению, начинает действовать пресловутый человеческий фактор, и обоснованность применения той или иной лексико-грамматической трансформации может подчас вызывать серьезные вопросы.

Необходимо помнить, что переводчик как человек, порождающий текст перевода, сам является в определенной степени писателем: «Так

как целью художественного перевода является желание добиться оригинальности и читабельности в переводимом языке, переводчик <...> практически заново пишет ту или иную фразу» [2, с. 51]. Это совершенно естественно, поскольку «перевод представляет собой творческую мыслительную деятельность, выполнение которой требует от переводчика целого комплекса знаний, умений и навыков, способности делать правильный выбор, учитывая совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов» [7, с. 54]. В идеальном случае (т.е. при наличии литературного дарования и тонкого понимания нюансов межкультурных различий) переводчик даже может считаться своего рода соавтором произведения. Однако на практике переводчик не всегда справляется с художественной составляющей своей работы – он может проявить невнимательность или, наоборот, слишком увлечься преобразованием текста. В результате этого перевод может сильно потерять в литературном плане. Или того хуже – в нем могут появиться разного рода смысловые ошибки, вызванные грубыми и немотивированными отступлениями от оригинала: «Важно помнить, что сильное отхождение от оригинала и чрезмерное увлечение творческим подходом приводит к серьезным переводческим ошибкам, основная из которых – неадекватность, которая выражается в гигантской пропасти между оригиналом и переводимым текстом. Во избежание подобных неудач, профессиональный переводчик не должен выходить за границы переводческой этики» [9, с. 135]. Довольно часто такие ошибки возникают из-за неправильного или избыточного использования лексико-грамматических трансформаций. В этой связи адекватное использование трансформаций «является основной задачей при работе над текстом перевода» [9, с. 137].

Целью данного исследования является оценка качества перевода романа Филипа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?” на русский язык.

Задачи исследования:

1. кратко рассмотреть некоторые основные виды лексико-грамматических

трансформаций и оценить адекватность их применения при переводе данного произведения;

2. на основе сопоставительного исследования текстов оригинала и перевода романа выявить смысловые ошибки, допущенные переводчиком, и проанализировать их;

3. рассмотреть причины появления этих ошибок и выявить роль необоснованных лексико-грамматических трансформаций в их возникновении.

В данной работе производится сравнение оригинала с переводом, выполненным без применения каких-либо современных технических средств – онлайн-словарей, переводческих форумов и пр., так привычных в работе современного переводчика. Автор исследования пытается показать, что качество перевода определяется в первую очередь квалификацией и добросовестностью переводчика, а не возможностью доступа к сети Интернет со всем имеющимся там ассортиментом средств помощи при переводе.

Практическая ценность данного исследования обусловлена тем, что полученные в данном исследовании результаты и сделанные в нем выводы могут представлять интерес как для профессиональных переводчиков, так и тех, кто в настоящий момент осваивает эту специальность, дать наглядный пример того, как следует и как не следует переводить, а также послужить руководством к действию и стимулом к повышению своей квалификации.

Материалом исследования являются оригинальный роман Филипа К. Дика «Do androids dream of electric sheep?» [12] и два варианта перевода этого произведения на русский язык, один под названием «Снятся ли андроидам электроовцы» [5], другой – «Мечтают ли андрюиды об электроовцах?» [6].

Метод исследования: метод сопоставительного анализа текстов.

Результаты исследования. Прежде чем приступить к рассмотрению классификаций лексико-грамматических трансформаций, следует сразу же оговориться: единой классификации переводческих преобразований нет, все суще-

ствующие классификации трансформаций от-носительны: «Не существует единого мнения и в отношении разновидностей переводческих трансформаций, а также критериев их классификаций» [11, с. 78]. Отчасти так происходит потому, что лексические и грамматические трансформации довольно редко встречаются в «чистом» виде и обычно «сочетаются с другими видами трансформаций, принимая комплексный характер» [3, с. 100].

История вопроса. Л.С. Бархударов выделяет четыре типа трансформаций: перестановки, замены, добавления и опущения [4, с. 190]. Ту же классификацию предлагает и И.С. Алексеева [1, с. 166]. Отметим, что оба исследователя никак не объединяют эти переводческие преобразования в группы, в отличие, например, от Н.В. Комиссарова, который делит трансформации на лексические и грамматические [8, с. 172]. В рамках настоящего исследования мы будем придерживаться именно этой классификации.

В данной статье мы сосредоточимся на таких переводческих образованиях, как опущение и добавление.

В ответе на вопрос о принадлежности этих трансформаций к лексическим или грамматическим некоторые исследователи расходятся во мнении. Так, Ф.С. Муталиева относит добавление и опущение к грамматическим преобразованиям, которые она называет переводческими компенсациями [10, с. 45-46]. Другие исследователи разрешают эту дилемму просто, а именно классифицируют добавление и опущение как лексико-грамматические трансформации [9, с. 139].

Н.В. Комиссаров относит добавление к лексическим трансформациям и поясняет: «Многие элементы смысла, остающиеся в оригинале невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводе с помощью дополнительных лексических единиц» [8, с. 201]. Эта мысль перекликается с той, что высказал Л.С. Бархударов, который в качестве одной из основных причин применения данной трансформации называет «то, что можно назвать «формальной невыраженностью» семантических компонентов словосочетания в ИЯ» [4, с. 221]. Иными словами, добавление, как правило, используется для того, чтобы как можно точнее

донести смысл, который при пословном следовании оригиналу останется не полностью выраженным, и, следовательно, не до конца понятным читателю.

Опущение традиционно противопоставляется добавлению и используется главным образом для того, чтобы устранить избыточные в плане перевода элементы в тексте оригинала. В первую очередь речь идет, естественно, о семантической избыточности, но этим область применения данной трансформации не ограничивается. В этой связи переводчику чрезвычайно важно адекватно ответить на вопрос о том, какой именно элемент в тексте оригинала является избыточным; в противном случае в тексте перевода могут возникнуть смысловые потери. В ряде случаев опущение применяется для компрессии текста перевода [4, с. 230].

Итак, проанализируем несколько наиболее грубых смысловых ошибок, выявленных в результате сопоставительного анализа оригинального текста романа Филиппа К. Дика “Do androids dream of electric sheep?” и его перевода. Как уже упоминалось выше, в рассмотрении задействован не один, а два варианта перевода этого произведения на русский язык.

1. - <...> for instance one time the voice tape broke or anyhow got fouled and it wouldn't stop baaling <...>.

- <...> например, может треснуть диск с записью, и она начнет блеять без остановки <...>.

В данном случае мы видим не менее двух серьезных смысловых ошибок в одном предложении. Во-первых, мы столкнулись с одним из ярчайших примеров необоснованной замены при переводе: крайне сложно проследить ход мыслей переводчика и понять, почему слово “tape” превратилось в «диск». Можно лишь предположить, что переводчик посчитал, будто «диск» звучит более «продвинуто», по ассоциации с компакт-диском, который в России начала 1990-х (когда и выполнялся данный перевод) считался образцом высоких технологий. Между тем необходимо отметить, что у автора в этом фрагменте совершенно очевидно нет никакой претензии на футуристичность.

Во-вторых, переводчик выбрал сослагательное наклонение. В оригинале рассматриваемый нами фрагмент содержит слова “for instance” и “one time”, поэтому очевидно, что речь идет об уже произошедшей однажды поломке как о факте.

В другом переводе ни одной из этих ошибок нет, однако имеется необоснованное опущение:

- <...> например, один раз что-то произошло с магнитной лентой, и она начала блять без остановки <...>.

2. *laser tube* – лазерный пистолет - оружие охотников на андроидов во вселенной романа. Несмотря на то что в тексте его также называют “gun” или “handgun”, форма этого оружия вполне четко определена его основным названием, в котором фигурирует слово “tube”. На это указывает, например, использование глагола “to roll” по отношению к этому предмету:

- *He <...> saw the laser tube which it had carried roll away, back onto the stairs; the metal tube bounced downward, step by step <...>.*

Из этого можно сделать вывод о том, что это оружие имело именно цилиндрическую форму и поэтому могло скатываться по ступенькам. Данный аспект, кстати, отражен в переводе, однако слово «пистолет» все равно присутствует:

- *Вниз по ступенькам покатился лазерный пистолет, который у нее был. Пистолет звонко отсчитывал ступеньки <...>.*

Возможно, переводчик считал, что пистолет выглядит солиднее и лучше вписывается в образ охотника на андроидов, чем какая-то непонятная трубка. С одной стороны, в тексте ведь действительно есть слово “gun”. Однако общий контекст не позволяет дать такой вариант перевода – трудно представить скатывающийся со ступеньки на ступеньку пистолет.

Другой переводчик в данном случае ближе придерживался оригинала:

- Он <...> увидел, как по ступеням катится лазерный излучатель андроида. Металлический цилиндр, подпрыгивая, катился со ступеньки на ступеньку <...>.

3. - *Looking in his refrigerator – the compressor had long since ceased working – he found a dubious cube of margarine”*

- Он заглянул в холодильник – морозильник уже давно не работал – и обнаружил небольшой и сомнительного вида кусок маргарина.

И вновь серьезное смысловое отклонение от оригинала по абсолютно непонятной причине. Не нужно быть знатоком устройства холодильника, чтобы знать, что компрессор и морозильная камера – это разные вещи. Автор романа имел в виду, что холодильник не работал вообще. Также возникает вопрос, откуда появилось прилагательное «небольшой» применительно к куску маргарина? Можно было просто использовать слово «кубик», передав таким образом и размер, и форму кусочка маргарина. Другой вариант перевода также содержит необоснованные трансформации, уже другого рода:

- *Заглянув в холодильник, он отыскал сомнительной годности пачку маргарина.*

Во-первых, неработающий компрессор теперь вообще исчез. Данное опущение не просто ничем не обусловлено – оно вредит переводу, поскольку в романе описан мир, наполненный подделками, имитациями и сломанными, неработающими вещами, что создает задуманную автором атмосферу. Во-вторых, слово “cube” была заменено аж на целую «пачку», что тоже явно не соответствует тому, что имел в виду автор.

4. - *The girl shook off the request effortlessly and he noticed that, perceived it without understanding it.*

- *Девушка так легко отказалась от его предложения, что он отметил: она отмахнулась, даже не поняв смысла вопроса.*

В другом варианте перевода допущена почти такая же ошибка:

- Девушка отмахнулась от его предложения, даже не пытаясь понять его.

В данном случае возникает ощущение, что переводчики не очень хорошо владели английским языком – иначе сложно объяснить такую грубую ошибку, причем в исполнении двух разных людей. Очевидно, что перевод данного предложения должен выглядеть примерно так:

- Девушка отмахнулась от его предложения не задумываясь, и он бессознательно отметил это.

5. - *In the enormous whale-belly of steel and stone carved out to form the long-enduring old opera house <...>.*

- *Старинное здание оперного театра было вырезано – в форме брюха кита – из стали и камня.*

Очевидно, переводчик понял слово “*whale-belly*” буквально, и о причине этого можно только гадать. В тексте оригинала данное слово употребляется явно в переносном значении, и переводить его нужно соответствующим образом, например «[обширное] чрево». Косвенным доказательством тому является тот факт, что во вселенной романа хOVERкары (летающие автомобили) всегда садятся на крыши зданий; как же посадить такой аппарат на явно выпуклое «брюхо кита»? Таким образом, здесь мы видим подтверждение тезиса о том, что переводчик должен уметь работать с контекстом, причем не только в пределах отдельного предложения или абзаца, но и всего произведения в целом, извлекая из этого контекста скрытую информацию.

Также отметим, что прилагательное “*old*” почему-то переведено как «старинный», а “*long-enduring*” опущено.

В другом переводе значение слово “*whale-belly*” передано более адекватно. Однако непонятно откуда взялось добавление «зал», а прилагательное “*long-enduring*” опять опущено:

- *В огромном, подобном чреву кита зале старинного здания Оперы, построенного из камня и стали, <...>.*

Выводы. В рамках данного исследования мы, конечно, рассмотрели далеко не все смысловые ошибки, допущенные при переводе романа Филиппа Дика “*Do androids dream of electric sheep?*”. Проанализированную нами выборку можно и расширить, однако в этом не будет особого смысла, поскольку мы уже получили достаточно полное представление о качестве перевода данного романа. Оба варианта содержат грубые смысловые ошибки в количестве, не допускающем сколь угодно положительную оценку какого-либо из них.

В чем же причина столь низкого качества работы переводчика? Проведенный нами анализ выявил две основных причины возникновения выявленных нами смысловых ошибок.

Во-первых, большую роль здесь сыграли немотивированные лексико-грамматические трансформации – рассмотренные примеры ярко проиллюстрировали появление ничем не обоснованных замен, добавлений и опущений. Причем ситуация с ненужными добавлениями наблюдается чуть ли не в каждом третьем предложении, тогда как в других случаях, наоборот, сделаны опущения, крайне отрицательно сказывающиеся на эквивалентности и адекватности перевода. Стремился ли переводчик таким образом сделать свой перевод более живым или удобочитаемым? Или же это было актом его самовыражения как писателя? Что бы ни двигало переводчиком, он явно чрезмерно увлекся разного рода трансформациями, забыв, очевидно, что трансформации – не цель, а средство, всего лишь инструмент для достижения эквивалентности при переводе.

Во-вторых, в некоторых случаях смысловые ошибки возникли из-за неумения переводчика работать с контекстом переводимого произведения. Предложение не существует само по себе, оно участвует в формировании образования большего масштаба, как в количественном, так и в качественном отношении. Некоторые из рассмотренных примеров наглядно показали, что умение извлекать информацию, имплицит-

но присутствующую в тексте оригинала, является одним из ключевых в работе переводчика.

Подводя итог, еще раз заметим, что к выбору лексико-грамматических трансформаций необходимо подходить вдумчиво, принимая в рас-

чет ряд факторов. В противном случае происходит снижение качества перевода, что проявляется, помимо прочего, в появлении смысловых ошибок.

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
2. Ахунова, Н. Н. Использование лексических трансформаций при переводе художественной литературы // Наука и образование сегодня. – Иваново, 2020. – № 12 (59). – С. 51-52.
3. Барбазюк, В. Ю. Лексические трансформации при переводе художественных текстов // Язык и культура (Новосибирск). – Новосибирск, 2014. – № 11. – С. 96-100.
4. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
5. Дик, Филип К. Снятся ли андроидам электроовцы. – URL: <https://coollib.com/b/170360/read> (дата обращения: 15.11.2022).
6. Дик, Филип К. Человек в высоком замке: Фантастические романы: перевод с англ. – СПб: Лениздат, 1992. – 608 с.
7. Кириллова, А. В. К вопросу об использовании грамматических трансформаций при переводе текстов различной жанровой принадлежности // Язык, история, общество. Международная научно-практическая виртуальная конференция. Сборник статей и тезисов. – Орехово-Зуево, 2018. – С. 54-56.
8. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
9. Крюкова, Н. Н. Использование переводческих трансформаций при переводе художественного произведения // Язык и культура (Новосибирск). – Новосибирск, 2016. – № 26. – С. 134-142.
10. Муталиева, Ф. С. Грамматические трансформации при переводе текстов с английского языка на русский // Энигма. – Краснодар, 2020. – № 25. – С. 43-48.
11. Мухина, М. Ю., Веретельникова, Ю. Я. Использование лексическо-грамматических трансформаций при переводе текстов литературных произведений // Тенденции развития науки и образования. – Самара, 2020. – № 60-7. – С. 76-80.
12. Dick, P. K. "Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (дата обращения: 15.11.2022).

TRANSLATION OF “DO ANDROIDS DREAM OF ELECTRIC SHEEP?” BY PHILIP K. DICK INTO RUSSIAN: UNREASONABLE TRANSFORMATIONS AND SEMANTIC MISTAKES

© 2023 A.P. Zhuravlev

Alexander P. Zhuravlev, senior lecturer of the Department of foreign languages.

E-mail: palych32@rambler.ru

Samara State Technical University

Samara, Russia

As the result of comparative analysis performed on the original text of the novel and its translation into Russian, several fragments were revealed where the translator made semantic mistakes, some of them being quite rough. The study carried out to identify the reasons of this phenomenon to occur shows that some of these mistakes were caused by the unreasonable use of lexical-grammatical transformations during the translation of the text, primarily the transformations of addition and omission. Other semantic mistakes appeared in the translation either because the translator was not paying enough attention to what he was doing or he failed to read the context properly. The paper provides the brief review of basic lexical-grammatical transformations used in the process of translation, as well as the analysis of translation of several fragments in the novel containing rough semantic mistakes. The results of the research are used to draw some conclusions regarding the causes for the semantic mistakes to occur; the paper also figures out the role of the unreasonable lexical-grammatical transformations in making some of these mistakes.

Key words: lexical-grammatical transformations, semantic mistakes, context
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-27-33

1. Alekseeva, I. S. Vvedenie v perevodovedenie (Introduction to theory of translation). – M., 2004. – 352 s.
2. Akhunova, N. N. Ispol'zovanie leksicheskikh transformatsii pri perevode khudozhestvennoi literatury (Using lexical transformations in the process of translation of belles-lettres). – Nauka i obrazovanie segodnya. – 2020. – P. 51-52.
3. Barbazyuk, V. Yu. Leksicheskie transformatsii pri perevode khudozhestvennykh tekstov (Using lexical transformations in the process of translation of literary texts). – Yazyk i kul'tura (Novosibirsk). – 2014. – P. 96-100.
4. Barkhudarov, L. S. Yazyk i perevod (Voprosy obshchei i chastnoi teorii perevoda) (Language and translation (Issues of general and specific theory of translation)). – M., 1975. – 240 s.
5. Dik, Filip K. Snyatsya li androidam elektroovtsy. – URL: <https://coollib.com/b/170360/read> (date of access: 15.11.2022).
6. Dik, Filip K. Chelovek v vysokom zamke: Fantasticheskie romany (The Man in the High Castle: Science fiction novels). – SPb: Lenizdat, 1992. – 608 s.
7. Kirillova, A. V. K voprosu ob ispol'zovanii grammaticheskikh transformatsii pri perevode tekstov razlichnoi zhanrovoi prinadlezhnosti (On topic of using grammatical transformations in the process of translation of texts of various genres). – Yazyk, istoriya, obshchestvo. – 2018. – P. 54-56.
8. Komissarov, V. N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) (Theory of translation (linguistic aspects)). – M., 1990. – 253 s.
9. Kryukova, N. N. Ispol'zovanie perevodcheskikh transformatsii pri perevode khudozhestvennogo proizvedeniya (Using translation transformations in the process of translation of literary works). – Yazyk i kul'tura (Novosibirsk). – 2016. – P. 134-142.
10. Mutalieva, F. S. Grammaticheskie transformatsii pri perevode tekstov s angliiskogo yazyka na russkii (Using grammatical transformations in the process of translation of texts from English into Russian). – Enigma. – 2020. – P. 43-48.
11. Mukhina, M. Yu., Veretel'nikova, Yu. Ya. Ispol'zovanie leksicheskogo-grammaticheskikh transformatsii pri perevode tekstov literaturnykh proizvedenii (Lexical-semantic transformations in translation of literary works). – Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2009. – P. 76-80.
12. Dick, P. K. "Do androids dream of electric sheep? – URL: <https://libcat.ru/knigi/fantastika-i-fjentezi/349051-philip-dick-do-androids-dream-of-electric-sheep.html#text> (date of access: 15.11.2022).

378.1 (Организация высшего образования. Организация работы высшего учебного заведения)

ВНУТРЕННЯЯ НЕЗАВИСИМАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: ФОРМЫ, НОРМАТИВНОЕ И МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

© 2023 Н.Н. Кислова¹, С.А. Леонов²

*Кислова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент,
проректор по учебно-методической работе и качеству образования*

E-mail: kislova_nn@sgspsu.ru

*Леонов Сергей Андреевич, кандидат экономических наук,
начальник отдела менеджмента качества образования*

E-mail: sergey-leonov@mail.ru

¹Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Россия

Статья поступила в редакцию 24.11.2022

Создание системы оценки качества образования обеспечивает достижение высоких показателей деятельности организаций, осуществляющих профессиональную подготовку специалистов. Система оценки качества является необходимым инструментом контроля результатов освоения образовательных программ обучающимися в соответствии с требованиями ФГОС. В статье рассматриваются вопросы обеспечения комплексной оценки качества образования, при этом оценка качества образования рассматривается как необходимое условие при подготовке высококвалифицированных специалистов. Авторами раскрывается содержание обновленной системы государственной аккредитации, контроля и надзора в сфере обеспечения качества образования. Достаточно подробно освещается вопрос об организации внутренней системы оценки качества образования, включая ее нормативное и методическое обеспечение. Указаны ключевые направления, в рамках которых должен осуществляться контроль качества образования. Отдельно авторы останавливаются на проблеме организации независимой оценки качества обучающихся в рамках государственной итоговой аттестации. Для решения подобной задачи предлагается использовать методы самообследования, привлекать работодателей, иных юридических и физических лиц, а также преподавателей. Затрагивается вопрос комплексной подготовки фондов оценочных средств для проведения диагностических мероприятий, в том числе и с использованием дистанционных технологий. Завершение проведения внутренней независимой оценки качества образования предполагает формирование отчетной документации, что является важным элементом при организации системы качества образования. Авторами подчеркивается необходимость обеспечения гарантий качества образования в образовательной организации при подготовке высококвалифицированных кадров для всех отраслей промышленности и сфер экономической и социальной деятельности государства.

Ключевые слова: качество образования, оценка качества, высококвалифицированные специалисты, кадры для отраслей, государственная итоговая аттестация, система оценки качества

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-34-41

Введение. В условиях глобальной геополитической напряженности и санкционного давления все отрасли промышленности, а также сферы экономической и социальной деятельности государства находятся в поиске новых решений по обеспечению устойчивости и эффективности своей работы. Вместе с тем, обеспечение жизнедеятельности государства и особенно в стратегически важных для нашей страны отраслях невозможно

без высококвалифицированных кадров. Сегодня все секторы экономической жизни переходят на новый режим работы, что требует интенсивного насыщения предприятий и организаций специалистами «завтрашнего дня». Очевидно, что прорыв в экономике, промышленности, образовании, здравоохранении и других сферах возможен за счет качественной подготовки специалистов для каждой из отраслей. Таким образом,

государство насущно заинтересовано в интенсивной работе системы образования по подготовке специалистов по всем уровням профессионального образования и на первый план выходит вопрос качества подготовки обучающихся. Авторами предлагается рассмотреть вопрос обеспечения и оценки качества подготовки выпускников на современном этапе.

История вопроса. Вопрос об оценке качества образовательной деятельности (как процесса) и образования в целом (как конечного результата) всегда являлся актуальным, обсуждаемым и при этом неоднозначным, несмотря на значительное количество научных исследований по проблеме и нормативно-правовую практику [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12].

На сегодняшний день данному показателю вновь уделяется особенно серьезное внимание, а само понятие качества образования закреплено в федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» на уровне определения (п.29 ст. 2) [10]. Оно включает в себя комплексную характеристику образовательной деятельности и подготовку обучающихся в части соответствия требованиям заинтересованных сторон в лице государства (федеральные государственные образовательные стандарты - ФГОС, федеральные государственные требования - ФГТ), физических лиц (родителей, обучающихся), юридических лиц (организаций в рамках целевой подготовки), и выражается через достижение обучающимися планируемых результатов образовательной программы.

В этих условиях особая роль отводится независимой оценке качества образования, внутри которой отдельное внимание уделяется обеспечению функционирования внутренней системы, что полностью входит в компетенцию образовательной организации (ст. 95 ФЗ Об образовании) [10].

Оценка качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся предполагает использование определенных механизмов, требования к которым описаны в федеральных государственных образовательных стандартах (п. 4.6) [6].

Внешняя оценка осуществляется через процедуры государственной и профессионально-общественной аккредитации., которые регламентированы на уровне федерального законодательства, решений советов по профессиональным квалификациям. В свою очередь, внутренняя оценка осуществляется с привлечением работодателей

(их объединений), иных юридических и (или) физических лиц, включая педагогических работников самой организации, и в обязательном порядке обучающихся (п. 4.6.2 ФГОС ВО) [6]. В рамках внутренней системы оценки качества образовательной деятельности по программе бакалавриата обучающимся предоставляется возможность оценивания условий, содержания, организации и качества образовательного процесса в целом и отдельных дисциплин (модулей) и практик.

Методы исследования: контент-анализ, мониторинг научных источников, законодательства и методических материалов в сфере образования.

Результаты исследования. С 1 марта 2022 г. вступили в силу изменения в федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», которые ввели в действие не только новую модель аккредитации образовательной деятельности, но и так называемый аккредитационный мониторинг, а также была трансформирована система государственного надзора (контроля) в сфере образования. В частности, в рамках разработки новой модели аккредитации образовательной деятельности в 2021 году наличие внутренней системы оценки качества образования было включено в аккредитационные показатели для целей государственной аккредитации образовательной деятельности; осуществления аккредитационного мониторинга и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования.

Приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 25.11.2021 №1094 были утверждены новые аккредитационные показатели, а письмом Минобрнауки РФ от 28 февраля 2022 г. НМН-5/339 разработаны методические рекомендации по их применению [5, 7].

В разрезе оценки качества образования особый интерес представляют отдельные показатели для целей государственной аккредитации образовательной деятельности; осуществления аккредитационного мониторинга и осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования, представленные в таблицах 1, 2 и 3 соответственно. Реализуемый риск-ориентированный подход к управлению качеством подразумевает начисление баллов в соответствии с конкретным значением показателя. Итоговая сумма баллов позволит отнести образовательную организацию к «зеленой», «желтой» или «красной» зоне риска.

Таб. 1. Показатели для целей государственной аккредитации образовательной деятельности
(Indicators for the purposes of state accreditation of educational activities)

п/п	Показатель	Значение показателя	Кол-во баллов
5.	Доля обучающихся, выполнивших 70% и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств организации, осуществляющей образовательную деятельность, по заявленной образовательной программе	65% и более	75
		от 55% до 64%	40
		менее 55%	0
6.	Наличие внутренней системы оценки качества образования	имеется	10
		не имеется	0

Таб. 2. Показатели для целей осуществления аккредитационного мониторинга
(Indicators for the purposes of accreditation monitoring)

п/п	Показатель	Значение показателя	Кол-во баллов
7.	Наличие внутренней системы оценки качества образования	имеется	10
		не имеется	0

Таб. 3. Показатели для целей осуществления федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования
(Indicators for the purposes of federal state control (supervision) in the field of education)

п /п	Показатель	Значение показателя	Кол-во баллов
1.	Доля обучающихся, выполнивших 70% и более заданий диагностической работы, сформированной из фонда оценочных средств организации, осуществляющей образовательную деятельность, по заявленной образовательной программе	65% и более	75
		от 55% до 64%	40
		менее 55%	0
2.	Наличие внутренней системы оценки качества образования	имеется	20
		не имеется	0

С точки зрения содержания, показатель наличия внутренней системы оценки качества образования во всех трех блоках одинаков, содержит указание на регулярность (ежегодность),

привлечение работодателей (их объединений), иных юридических и (или) физических лиц, включая педагогических работников организации, обучающихся.

Отличие заключается в перечне источников, на основании которых будет проводиться расчет показателя. Для аккредитации образовательной программы такими источниками являются официальный сайт и отчет о самообследовании университета.

Для аккредитационного мониторинга к сайту и отчету о самообследовании добавляются результаты внешней оценки качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся (т.е. государственная и профессионально-общественная аккредитация), а также результаты внутренней оценки в части совершенствования образовательных программ (т.е. результаты должны быть представлены как минимум в положительной динамике).

Для федерального государственного контроля (надзора) в сфере образования по-прежнему важны сайт и отчет о самообследовании, а также документы, подтверждающие, что работодатели, иные юридические и (или) физические лица, включая педагогических работников университета, были привлечены к оценке, а обучающимся предоставлена возможность оценивания. Все эти сведения нужны в разрезе конкретных образовательных программ за календарный год.

Далее следует рассмотреть вопрос организации внутренней системы оценки качества образования (ВСОКО) в образовательной организации. Внутренняя независимая оценка образовательной деятельности и подготовки обучающихся регламентируется методическими рекомендациями Минобрнауки РФ по организации и проведению в образовательных организациях высшего образования внутренней независимой оценки качества образования по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, программам специалитета и программам магистратуры [4].

В этой связи образовательным организациям необходимо разработать собственный локальный нормативный акт, регламентирующий ВСОКО, например, Положение «О внутренней системе оценки качества образования», согласно которому внутренняя оценка должна вестись в трёх ключевых направлениях:

- качество подготовки обучающихся;
- квалификация и эффективность деятельности педагогических работников;
- качество ресурсного обеспечения образовательной деятельности.

При этом оценка качества подготовки обучающихся должна вестись на основе:

а) мониторинга и анализа результатов проведения текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации;

б) контроля наличия у обучающихся сформированных результатов обучения по ранее изученным дисциплинам (модулям, компетенциям) посредством анализа результатов выполнения обучающимися периодически проводимых диагностических работ;

в) анализа портфолио обучающихся (учебных, научных и внеучебных достижений);

г) анализа результатов проведения государственной итоговой аттестации.

В соответствии с обозначенным выше положением появляется необходимость формирования нового документа – перспективного плана мероприятий внутренней оценки качества образования по реализуемым образовательным программам на следующий учебный год, которые должны разрабатываться учебными подразделениями образовательной организации.

Другим важным нововведением в системе гарантий и обеспечения качества образования является проведение диагностических работ для оценки наличия у обучающихся сформированных результатов обучения по уже освоенным ими дисциплинам (модулям, компетенциям). Представляется, что данные работы целесообразно проводить в октябре-ноябре по дисциплинам (модулям, практикам), реализация которых полностью завершена на предшествующем курсе обучения в форме тестирования преимущественно с применением дистанционных образовательных технологий.

С точки зрения аккредитационных показателей, численность обучающихся, участвующих в выполнении диагностической работы, должна составлять не менее 70% от списочного состава академических групп. При проведении диагностической работы образовательная организация должна обеспечить осуществление видеозаписи и ее хранение. Однако в рамках внутренней оценки это применяться не будет, хотя возможно очное проведение диагностических работ. Вместе с тем следует подчеркнуть, что результаты проведения внутренних диагностических работ должны завершаться подготовкой отчетной документации и доводиться до сведения членов Ученых советов учебных подразделений и образовательной организации с целью проведения корректирующих мероприятий в части изменения содержания образовательных программ,

методического, кадрового, материально-технического обеспечения и пр.

Актуальным вопросом является формирование обновленных фондов оценочных средств, в том числе и для проведения диагностических работ (в рамках реализации внутренней системы оценки качества образования).

Рекомендации по формированию фондов оценочных средств сформулированы Министерством науки и высшего образования РФ в Письме [4] (по организации и проведению внутренней независимой оценки качества образования). Они предусматривают применение в рамках проведения контроля наличия у обучающихся сформированных результатов обучения по ранее изученным дисциплинам различных типов заданий (с ключами правильных ответов и критериями оценки).

Сами задания должны позволять проверить результаты освоения образовательной программы и результаты обучения и быть соотносены с целью, задачами и содержанием дисциплины, соответствовать предмету оценки и отражать современное состояние области знаний, сферы деятельности.

Исходя из этого, образовательным организациям необходимо разработать локальный нормативный акт, регламентирующий вопрос разработки фондов оценочных средств, например - Положение «О фондах оценочных средств», согласно которому фонды оценочных средств разрабатываются для всех элементов учебного плана по каждой образовательной программе, реализуемой в Университете, а именно:

- для проведения текущего контроля успеваемости (ФОС для ТК);
- для проведения промежуточной аттестации (ФОС для ПА);
- для проведения диагностической работы (ФОС для ДР);
- для проведения государственной итоговой аттестации (ФОС для ГИА).

При аккредитации образовательной программы и при федеральном государственном контроле (надзоре) в сфере образования фонды оценочных средств всех видов являются основанием для формирования и проведения внешними экспертами диагностических работ.

Еще одним средством независимой оценки качества образования является государственная итоговая аттестация, которая представлена

государственным экзаменом (при его наличии) и защитой выпускной квалификационной работы. Требование о привлечении к внутренней оценке качества образовательной деятельности и подготовки обучающихся работодателей и (или) их объединений, иных юридических и (или) физических лиц, включая педагогических работников организации, в процедуре государственной итоговой аттестации должно выполняться образовательными организациями неукоснительно.

Однако необходимо уделить более пристальное внимание к увеличению количества выпускных работ, выполняемых по заявке профильной организации, а также в форме стартапа., что активно поддерживается в настоящее время в российских университетах. В этих условиях точками для дальнейшего роста могут стать:

- популяризация ВКР в форме «Стартап как диплом» и более активное внедрение в образовательный процесс проектной деятельности;
- проведение экспертных дискуссий, конференций, мастер-классов и иных публичных мероприятий в рамках соответствующих компетенций;
- реализация и активное вовлечение обучающихся в тренинги генерации идей на базе региональных «Точек кипения», предполагающих формулирование новых идей и проектов [1].

Выводы. На сегодняшний день ФГОС ВО 3++ утверждены по всем направлениям подготовки бакалавриата, специалитета и магистратуры. Однако необходимо отметить, что методическая работа (разработка компетентностных моделей, рабочих программ дисциплин, методических указаний, пособий и т.д.) во многих образовательных организациях растянулась по времени, временами неоправданно. Вместо планируемых 3-4 месяцев на формирование образовательной программы некоторые учебные подразделения от начала до конца выполняют работу более года, что влечет за собой серьезные сложности в ходе усиления внешнего давления и постоянных изменений, затрагивающих образовательную деятельность.

Учитывая стойкий и высокий уровень интереса абитуриентов к получению среднего профессионального и высшего образования, необходимо интенсифицировать усилия по формированию необходимых комплектов документов при открытии новых образовательных программ,

отвечающих интересам государства, общества и работодателей.

Вместе с тем 1 февраля 2022 г. Минобрнауки России был утвержден новый перечень специальностей и направлений подготовки высшего образования по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. Изменения коснулись формулировок квалификаций, т.е. того, что отражено в документах об образовании. Так, например, вместо квалификации «бакалавр» по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент теперь могут быть присвоены квалификации «бакалавр менеджмента» или «бакалавр управления персоналом». Меняются коды укрупненных групп, специальностей и направлений подготовки [6].

Несмотря на тот факт, что данный перечень вступает в силу с 1 сентября 2024 г., следующим ожидаемым шагом может стать утверждение образовательных стандартов нового поколения и, как следствие, появление необходимости формирования новых образовательных программ в сжатые сроки. В этой связи от качества всех подготовленных и обновляемых на сегодняшний день документов (не только учебных планов и рабочих программ, но и фондов оценочных средств, методических материалов и т.д.) будет зависеть возможность быстрой и безболезненной трансформации и соблюдение всех внешних устанавливаемых требований.

Отмечая важность подготовки необходимой учебно-методической документации, а также

обозначенную выше трудоемкость методического процесса, в дальнейших исследованиях планируется рассмотреть значимость методических советов разного уровня в образовательной организации в контексте методического обеспечения педагогического процесса, в том числе при многоуровневой подготовке специалистов.

Отдельно следует сказать, что достигнуть высокого качества подготовки обучающихся невозможно без неукоснительного соблюдения требований к выпускникам, которые предъявляются на формальном и неформальном уровнях. Именно поэтому необходимо внедрять в педагогическую практику инновационные формы государственной итоговой аттестации обучающегося, как завершающего этапа его оценки (как специалиста) для выполнения трудовой деятельности в инновационной экономике России.

Следует заключить, что гарантировать высокое качество подготовки обучающихся – это не только обязанность образовательной организации, но и главная задача при подготовке высококвалифицированных кадров для всех отраслей промышленности и сфер экономической и социальной деятельности государства. Соблюдение изложенной в настоящей статье методологии по мониторингу и управлению качеством позволит не только осуществлять контрольные мероприятия, но и осуществлять корректирующие мероприятия по их итогам.

1. Аветисян, В. Р. Технология использования стартапа в профессиональной подготовке студентов педагогического университета / В.Р. Аветисян, Ю.П. Грабоздин, А.А. Семенов // Известия Самарского научного центра РАН. – Социальные, гуманитарные и биологические науки. – Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 83. – С. 3-9.
2. Антохина, Ю. А. Основные подходы к обеспечению качества высшего образования в вузах при подготовке кадров для отечественной текстильной промышленности / Ю.А. Антохина, С.А. Леонов, Т.И. Леонова // Известия Высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2014. - № 5 (353). - С. 151-155
3. Леонов, С. А. Оценка качества деятельности университета на основе статистических методов / С.А. Леонов // Известия Высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. – 2015. - № 1 (355). – С. 150-154.
4. Письмо Министерства образования и науки РФ от 15 февраля 2018 г. N 05-436 "О методических рекомендациях" [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797752/?ysclid=laqz78q328665274310> (дата обращения: 20.04.2022).
5. Письмо Минобрнауки России от 28.02.2022 № МН-5/339 О направлении методических рекомендаций (вместе с Методическими рекомендациями по применению аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования, утвержденных приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 25 ноября 2021 г. N 1094, утв. Минобрнауки России, Рособрнадзором) [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/law/pismo-minobrnauki-rossii-ot-28022022-n-mn-5339/?ysclid=laqz1nhfw9785008279> (дата обращения: 20.04.2022).
6. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 12 августа 2020 г. N 970 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 38.03.02 Менеджмент" [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/74561312/?ysclid=laqymtoybr282828251> (дата обращения: 20.04.2022).

7. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 25 ноября 2021 г. № 1094 "Об утверждении аккредитационных показателей по образовательным программам высшего образования" [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403024117/?ysclid=laqx6ioko768674032> (дата обращения: 20.04.2022).
8. Руднева, Т. И. Педагогическая деятельность в современном социальном контексте // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 7(129). – С. 191-195.
9. Рябинова, Е. Н. Оценочные средства как способ повышения качества математической подготовки бакалавров в университете / Е. Н. Рябинова, Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т. 21. – No 68. – С. 10-15.
10. Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/> (дата обращения: 20.04.2022).
11. Чеканушкина, Е. Н. Проектная деятельность в профессиональной подготовке обучающихся вузов: современный аспект / Е.Н. Чеканушкина, Л.А. Кольванова, Е.В. Чеканушкина // Известия Самарского научного центра РАН. – Социальные, гуманитарные и биологические науки. – Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т.23. – № 81. – С. 22-26.
12. Ekaterina D. Malevskaia-Malevich, Leonov, S. A. and Zaborovskii Denis. Quality Management in Scientific and Educational Organizations: Methods and Tools // Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 - Innovation Management and Education Excellence through Vision. – 2020, 2018, April. – P. 5614-5619

INTERNAL INDEPENDENT ASSESSMENT OF THE QUALITY OF EDUCATION: FORMS, NORMATIVE AND METHODOLOGICAL SUPPORT

© 2022 N.N. Kislova¹, S.A. Leonov²

*Natalia N. Kislova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Educational and Methodological Work and Quality of Education*

E-mail: kislova_nn@sgspu.ru

*Sergey A. Leonov, Candidate of Economic Sciences,
Head of The Department of Quality Management of Education*

E-mail: sergey-leonov@mail.ru

¹Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

²St. Petersburg state University of industrial technologies and design
Saint Petersburg, Russia

The creation of a system for assessing the quality of education ensures the achievement of high performance indicators of organizations engaged in professional training of specialists. The quality assessment system is a necessary tool for monitoring the results of the development of educational programs by students in accordance with the requirements of the Federal State Educational Standard. The article deals with the issues of ensuring a comprehensive assessment of the quality of education, while the assessment of the quality of education is considered as a necessary condition for the training of highly qualified specialists. The authors reveal the content of the updated system of state accreditation, control and supervision in the field of quality assurance of education. The issue of the organization of an internal system for assessing the quality of education, including its normative and methodological support, is covered in sufficient detail. The key areas within which the quality control of education should be carried out are indicated. Separately, the authors dwell on the problem of organizing an independent assessment of the quality of students within the framework of the state final certification. To solve such a problem, it is proposed to use self-examination methods, involve employers, other legal entities and individuals, as well as teachers. The issue of complex preparation of funds of evaluation tools for carrying out diagnostic measures, including with the use of remote technologies, is touched upon. The completion of an internal independent assessment of the quality of education involves the formation of accounting documentation, which is an important element in the organization of the quality system of education. The authors emphasize the need to ensure the quality of education in an educational organization when training highly qualified personnel for all industries and spheres of economic and social activity of the state.

Keywords: quality of education, quality assessment, highly qualified specialists, personnel for industries, state final certification, quality assessment system

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-34-41

1. Avetisian, V. R. Tekhnologiya ispol'zovaniia startapa v professional'noi podgotovke studentov pedagogicheskogo universiteta (Organization of individual training trajectories of future technical specialists in the educational space of the university) / V.R. Avetisian, Iu.P. Grabozdin, A.A. Semenov // *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. – Sotsial'nye, gumanitarnye i biologicheskie nauki. – Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki.* – 2022. – T.24. – № 83. – S. 3-9.
2. Antokhina, Iu. A. Osnovnye podkhody k obespecheniiu kachestva vysshego obrazovaniia v vuzakh pri podgotovke kadrov dlia otechestvennoi tekstil'noi promyshlennosti (The main approaches to ensuring the quality of higher education in universities in the training of personnel for the domestic textile industry) / Iu.A. Antokhina, S.A. Leonov, T.I. Leonova // *Izvestiia Vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti.* – 2014. - № 5 (353). - S. 151-155
3. Leonov, S.A. Otsenka kachestva deiatel'nosti universiteta na osnove statisticheskikh metodov (Assessment of the quality of university activities based on statistical methods) / S.A. Leonov // *Izvestiia Vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti.* – 2015. - № 1 (355). – S. 150-154.
4. Pis'mo Ministerstva obrazovaniia i nauki RF ot 15 fevralia 2018 g. N 05-436 "O metodicheskikh rekomendatsiiakh" [Elektronnyi resurs] (Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 15, 2018 N 05-436 "On methodological recommendations" [Electronic resource]). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71797752/?ysclid=laqz78q328665274310> (data obrashcheniia: 20.04.2022).
5. Pis'mo Minobrnauki Rossii ot 28.02.2022 № MN-5/339 O napravlenii metodicheskikh rekomendatsii (vmeste s Metodicheskimi rekomendatsiiami po primeneniiu akkreditatsionnykh pokazatelei po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniia, utverzhennykh prikazom Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia Rossiiskoi Federatsii ot 25 noiabria 2021 g. N 1094, utv. Minobrnauki Rossii, Rosobrnadzorom) [Elektronnyi resurs] (Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 02/28/2022 No. MN-5/339 On the direction of Methodological recommendations (together with Methodological Recommendations on the Application of Accreditation Indicators for Educational Programs of Higher Education approved by the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated November 25, 2021 N 1094, approved by Ministry of Education and Science of Russia, Rosobrnadzor) [Electronic resource]). – URL: <https://sudact.ru/law/pismo-minobrnauki-rossii-ot-28022022-n-mn-5339/?ysclid=laqz1nhfw9785008279> (data obrashcheniia: 20.04.2022).
6. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia RF ot 12 avgusta 2020 g. N 970 "Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniia - bakalavriat po napravleniiu podgotovki 38.03.02 Menedzhment" [Elektronnyi resurs] (Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated August 12, 2020 N970 "On approval of the Federal state educational standard of higher education - Bachelor's degree in the field of training 38.03.02 Management" [Electronic resource]). – URL: <https://base.garant.ru/74561312/?ysclid=laqymtoybr282828251> (data obrashcheniia: 20.04.2022).
7. Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovaniia RF ot 25 noiabria 2021 g. № 1094 "Ob utverzhdenii akkreditatsionnykh pokazatelei po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniia" [Elektronnyi resurs] (Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1094 dated November 25, 2021 "On approval of accreditation indicators for educational programs of higher education" [Electronic resource]). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403024117/?ysclid=laqyx6ioko768674032> (data obrashcheniia: 20.04.2022).
8. Rudneva, T. I. Pedagogicheskaiia deiatel'nost' v sovremennom sotsial'nom kontekste (Pedagogical activity in the modern social context) // *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta.* - 2015. - № 7(129). - S. 191-195.
9. Ryabinova, E. N. Ochenochnye sredstva kak sposob povysheniya kachestva matematicheskoi podgotovki bakalavrov v universitete (Evaluation tools as a way to improve the quality of mathematical training of bachelors at the University) / E. N. Ryabinova, Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoi akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki.* – 2019. – T. 21. – No 68. – S. 10-15.
10. Federal'nyy zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v RF» [Elektronnyy resurs] (Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" [Electronic resource]). – URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/> (data obrashcheniya: 20.04.2022).
11. Chekanushkina, Ye. N. Proyekt'naya deyatel'nost' v professional'noy podgotovke obuchayushchikhsya vuzov: sovremennyy aspekt (Project activity in the professional training of university students: a modern aspect) / Ye.N. Chekanushkina, L.A. Kolyvanova, Ye.V. Chekanushkina // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. – Sotsial'nyye, gumanitarnyye i biologicheskiye nauki. –Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoi akademii nauk. Sotsial'nyye, gumanitarnyye, mediko-biologicheskiye nauki.* – 2021. – T.23. – No 81. – S. 22-26.
12. Ekaterina D. Malevskaia-Malevich, Leonov, S. A. and Zaborovskii Denis. Quality Management in Scientific and Educational Organizations: Methods and Tools // *Proceedings of the 30th International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2018 - Innovation Management and Education Excellence through Vision 2020, 2018, April.* – P. 5614-5619.

УДК 378 (Высшее образование. Высшая школа. Подготовка научных кадров)

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

© 2023 А.М. Санько, С.П. Борисова

*Санько Альбина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры теории и методики профессионального образования*

E-mail: sank-albina@rambler.ru

*Борисова Светлана Павловна, кандидат педагогических наук, доцент
кафедры математики и бизнес-информатики*

E-mail: svetlana2807@mail.ru

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 14.11.2022

Развитие цифрового общества характеризуется усиливающимися процессами цифровой трансформации исследовательской деятельности в различных сферах, что делает актуальной задачу эффективной организации исследовательской деятельности обучающихся для ассимиляции их в последующем в цифровую экономику. Так, в статье актуализируется проблема исследовательской деятельности обучающихся образовательных организаций высшего образования в современных реалиях; определяются обстоятельства исследовательской направленности профессиональной подготовки обучающихся; выделяются многообразные изучаемые аспекты исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях, описанные в трудах разных ученых, что определяет наличие симбиоза учебной деятельности обучающихся с научно-исследовательской деятельностью. На основе опыта практической деятельности и анализа исследований выделяются задачи педагога по организации исследовательской деятельности обучающихся, а также виды исследовательской деятельности (учебно-исследовательская деятельность и научно-исследовательская деятельность) и их специфика в организации в зависимости от выбранной тематики и подразделения, на базе которого проводится исследования. Описаны модели организации исследовательской деятельности обучающихся в условиях выбора формата организации образовательного процесса. Формулируются качества личности обучающихся, способных к осуществлению самостоятельной исследовательской деятельности. Предлагаются инструменты, облегчающие проведение экспериментов и средства коммуникации педагогов с обучающимися.

Ключевые слова: исследовательская деятельность обучающихся, учебно-исследовательская деятельность, научно-исследовательская деятельность, модели организации исследовательской деятельности, профессиональная подготовка в образовательных организациях высшего образования

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-42-48

Введение. Подготовка современных работников с высшим образованием в разных областях профессиональной деятельности, способных непрерывно пополнять и углублять свои знания, повышать теоретический и профессиональный уровень, творчески подходить к решению возникающих проблем, проявлять исследовательский интерес является одной из важнейших задач высшей школы [1]. Так, востребованность работников со знаниями современных методов управления научно-исследовательской деятельностью, умениями применять математические методы и цифровые инструменты для решения инновационных задач [7].

Сегодня многими учеными [4] отмечается тенденция развития образовательной системы в целом как виртуальной среды в виде цифровых образовательных платформ. Качество образования сегодня наполняется новым смыслом. Это не только «многознание», а сформированность способностей системного характера, в том числе способность к исследовательской деятельности, значимая для познания изменяющейся жизнедеятельности человека. Интегративным показателем качества образования становится необходимый уровень образованности, который требует привлечения обучающихся к исследовательской деятельности. Учебно-воспитательный процесс в

университетах и других образовательных организациях и организация научно-исследовательской деятельности обучающихся решают данную задачу. Интеграция в рамках этих видов деятельности изменяют учебную деятельность, которая трансформируется в научный поиск через частично-поисковую и собственно – исследовательскую деятельность обучающихся и преподавателей. Так, исследовательская деятельность обучающихся, приближаясь к запросам практики, определяет сущность профессиональной подготовки.

Методы исследования. Объектом исследования в работе является процесс организации исследовательской деятельности обучающихся в образовательных организациях разного уровня. В качестве методов исследования применялись: педагогическое наблюдение, анализ опыта организации научно-исследовательской работы обучающихся, анализ научной, педагогической и методической литературы, посвященной рассматриваемой проблеме.

История вопроса. Исследовательская деятельность обучающихся в университетах и других образовательных организациях в рамках их профессиональной подготовки обусловлена спецификой организации деятельности субъектов в высшей школе. Исследовательская направленность профессиональной подготовки в высшей школе актуализируется рядом обстоятельств:

- установка реализуемой модели образования на жизнеспособность специалистов в профессиональной деятельности, способных к нестандартным решениям в цифровом обществе;

- необходимость определения потребностей личности обучающегося, аккумуляция его деятельности самопознание и на профессиональное саморазвитие в стенах образовательной организации, а также выявление условий успешной адаптации каждого обучающегося к организации образовательной деятельности в высшей школе;

- постоянный поиск актуальных форм организации и технологий обучения и воспитания, соответствующих изменяющимся задачам в конкретной профессиональной деятельности.

Вместе с тем, наблюдается разная по степени готовность выпускников университетов и других образовательных организаций к решению современных профессиональных задач на основе принципов организации научной деятельности. Компетентный работник сегодня – это личность креативная, умеющая мыслить нестандартно, проводить исследования в своей

профессиональной области. Тем более, что цифровая экономика требует постоянного поиска новых путей организации производственного процесса, поэтому необходимо усиление исследовательской составляющей в процессе профессиональной подготовки.

Способность решать задачи в современных условиях, предвидеть перспективы развития своей профессиональной деятельности в условиях цифровой экономики приобретаются обучающимися в симбиозе учебной деятельности с научно-исследовательской деятельностью, а не в качестве дополнения исследовательской работой основного учебного процесса, что меняет идею структуризации обучения в высшей школе. Так, развитие научно-исследовательской деятельности в университетах и других образовательных организациях обуславливает требования к уровню знаний обучающихся [9], повышает уровень прикладных конкурентоспособных научных исследований, приводящихся на базе образовательной организации, формирует инновационный научный потенциал, что способствует формированию научно-исследовательской структуры в целом в РФ, структуры, которая будет решать актуальные задачи развития и подготовки современных специалистов для цифровой экономики.

Проблемой организации исследовательской деятельности обучающихся занимались многие. Так выделяются следующие аспекты: формирование готовности обучающихся к самостоятельной работе в ходе исследовательской деятельности (М.В. Вахорина, А.Б. Еламанова, Н.А. Еремина, А.Т. Жакенова, Л.Р. Зиязиева, А.А. Кайкенова, Н.М. Рябова, Чешева И.Н. и др.); психолого-педагогические факторы успешности научно-исследовательской работы студентов (Л.Ф. Авдеева); методы оценки и разработки критериев оценки научно-исследовательских работ (А.К. Бурлыко, С.С. Пруненко), формирование исследовательских способностей обучающихся (С.П. Арсенова, Е.И. Барчук, Е.М. Раздутьева, Т.А. Щучка); социализация личности в ходе научно-исследовательской работы студентов (Д.Д. Букреев); моделирование исследовательской деятельности (В.И. Горовая, Л.Х. Кокаева, В.Н. Намазов, А.А. Перина, Т.Г. Пронюшкин, Л.М. Скворцов, С.И. Тарасова) и др.

На основе анализа научной литературы выделим основные задачи педагога при организации исследовательской деятельности обучающихся: помощь обучающимся в определении аспектов и

направлений исследовательской деятельности в ходе обучения, стимулирование склонности к научной работе; поддержка инициативы обучающихся в решении прикладных задач; подбор средств по формированию исследовательских навыков, критического мышления и других «soft skills»; создание условий для постижения методологии научного познания и формирования научного кругозора; организация самостоятельной работы обучающихся и др. Таким образом, исследовательская работа обучающихся в университетах и других образовательных организациях определяется следующими факторами: деятельностью обучающихся, которая регламентируется учебным планом образовательной программы (обучающийся - субъект познавательного процесса); научно-исследовательскую деятельность, выходящую за пределы учебного плана образовательной программы. В исследованиях механизмов информатизации, с философской точки зрения, учеными выделяют значимый аспект сетевой экстерналии, которая позволяет описать ценности сетевых взаимодействий каждого участника исследовательской деятельности в рамках такой коммуникации, что имеет значение для увеличения ценности результатов исследовательской деятельности в целом [2]. Однако продуктивность взаимодействия участников исследования (обучающихся) с образовательным интернет-ресурсом определяется такими аспектами информатизации образования, как когнитивный, личностный и технико-эргономический [10].

Учебно-исследовательская деятельность обучающихся, которая регламентируется учебным планом образовательной программы и осуществляется под руководством преподавателя. В ходе такой деятельности происходит формирование навыков самостоятельной теоретической и экспериментальной работы, овладение приемами работы в условиях научной лаборатории на материале учебных дисциплин, изучаемых обучающимися в рамках учебного плана, результатом которых становится курсовая работа, курсовой проект, выпускная квалификационная работа. Интеграция учебных дисциплин и производственных практик с внеучебными научно-исследовательскими мероприятиями решает проблему постановки обучающимися самостоятельно инновационных исследовательских задач, а также стимулирует исследовательскую деятельность [5]. Результаты такой исследовательской работы

не всегда представляют подлинный научный интерес для общества, обычно это освоение техники исследовательской работы обучающимися (работа с научной литературой; овладение методами эксперимента, приемами сопоставления результатов эксперимента; способами построения гипотезы; тезирование; реферирование; решение нестандартных задач повышенной трудности; формулирование выводов др.).

Научно-исследовательская деятельность обучающихся, выходящая за пределы учебного плана образовательной программы, осуществляется в свободное от учебных занятий время в научных кружках, в рамках деятельности исследовательских групп, студенческих конструкторских бюро и научно-исследовательских лабораторий, чему способствует индивидуальность занятий в рамках исследовательской работы обучающихся, обеспечивая сильную мотивацию на проведение инновационных исследований на базе университета [11]. Такая деятельность также может быть реализована в ходе различных состязательных мероприятий, массовых научно-технических мероприятий, грантовой деятельности, экспедиционных научно-исследовательских работ, научных конференциях, круглых столах, проектной работы и реализации стартапов. Обучающиеся могут проводить исследования как в рамках исследовательской тематики научной школы кафедры или иного научного структурного подразделения образовательной организации или определять тематику исследовательской работы самостоятельно. Отметим, что средствами обеспечения эффективности, валидности, воспроизводимости результатов научного исследования обучающихся становятся научные информационные коммуникации в электронном пространстве, чему способствуют открытые электронные архивы, электронные библиотеки и другие ресурсы [3].

Таким образом, несмотря на определенные различия и формы организации, в соотношении с учебным планом и в ряде конкретных задач, научно-исследовательская и учебно-исследовательская работа студентов служат одной общей цели – формированию компетентного, творчески мыслящего специалиста, способного оперативно решать возникающие перед ним профессиональные задачи, применять методы научного исследования, осуществлять активный научный поиск и индивидуализацию исследования [6].

Необходимо отметить, что сами по себе исследовательские умения и способности не возникают, необходима специальная работа по их формированию, чему способствуют различные модели организации исследовательской деятельности.

Сегодня выделяют шесть моделей организации образовательного процесса, в том числе при проведении исследований, в рамках смешанного обучения:

– Face-to-Face Driver (при очных встречах в учебной аудитории или лаборатории, а электронные ресурсы используются лишь для обработки результатов исследования);

– Online Driver (обучающиеся удаленно решают задачи онлайн, проводят интернет-тестирование и сам эксперимент, анализируют материалы для исследовательской задачи, консультируются с преподавателем);

– Flex model (преподаватель выступает в качестве координатора, отслеживая сложные аспекты в исследовании, чтобы потом обсудить их при очной встрече);

– Rotation model (сначала обучающиеся осваивают материал самостоятельно, выбирают темы исследования, потом происходит обсуждение и проводится эксперимент в аудитории с показом алгоритмов отдельных техник исследовательской деятельности преподавателем, далее исследования выполняются самостоятельно при возможном онлайн-исследовании или очно в аудитории-лаборатории при невозможности проведения исследования онлайн или за пределами лаборатории. Например, при необходимости использования в процессе исследования высокотехнологичного оборудования или создания особых условий эксперимента);

– Self-blend (исследования проводятся очно, онлайн или оффлайн, но при возникновении затруднений дополнительно для консультации онлайн подключается преподаватель. При этом обеспечивается взаимодействие с преподавателем в режиме 24/7);

– Online Lab (осуществление исследовательской деятельности с помощью

специализированных программных продуктов и цифровых средств, установленных в учебных аудиториях образовательной организации или на специальном сервере, доступ к программному продукту строго регламентирован и специально ограничен для соблюдения требуемых условий к исследовательской деятельности в определённой области и решения педагогических задач в ходе ее выполнения).

Выводы. В реальных условиях исследовательская деятельность обучающихся в университетах обычно имеет признаки нескольких моделей организации, что зависит от темы, специфики исследования, а также отрасли науки, в рамках которой это исследование проводится. В ходе исследовательской деятельности обучающимися по плану научно-исследовательской работы используются как информационно-коммуникационные технологии, так и цифровые инструменты проведения исследования. Сетевое сотрудничество преподавателя с обучающимися актуализирует проблему опосредованного педагогического управления в режиме соуправления самостоятельной исследовательской работой обучающихся [8]. Так, организация исследований в процессе образовательной деятельности и за её рамками, ограниченными учебным планом образовательной программы, в современном мире реализуема только при помощи компьютерной техники, с использованием электронных изданий, баз данных, видеоаудио-материалов, информационных (справочных) систем, размещенных в облачных хранилищах и системах LMS, а взаимодействие с обучающимися осуществляется через системы видео конференцсвязи, мессенджеры, электронную почту, компьютерное тестирование, размещение материалов с использованием электронного офиса, а также технологии Веб 2.0 для учёта сетевых взаимодействий с использованием социальных сервисов (распространение медиафайлов, поиск нужных сведений, участие в совместной исследовательской деятельности).

1. Богословский, В. И. Научное сопровождение образовательного процесса в педагогическом университете: методологические характеристики: Монография / В.И. Богословский; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 142 с.: ил., табл.; 20 см. – ISBN 5-8064-0314-9.
2. Гуров, Ф. Н. Информатизация современного общества: философско-методологический анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 5.7.6. / Гуров Филипп Никитич; [Место защиты: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)]. – М., 2021. – 24 с.
3. Канатникова, Е. А. Современные научные коммуникации: особенности, тенденции изменения, влияние на развитие науки: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 5.7.6. / Канатникова Екатерина Андреевна;

- [Место защиты: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)]. – М., 2021. – 23 с.
4. Максимова, Е. А. Концепция развития профессионального образования в России при смене научно-технологических укладов: автореферат дис. ... доктора педагогических наук: 5.8.7. / Максимова Елена Александровна; [Место защиты: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2021. – 39 с.
5. Митрохина, А. С. Формирование производственно-технологической компетенции будущих химиков в процессе научно-исследовательской деятельности в вузе: диссертация ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Митрохина Анна Сергеевна; [Место защиты: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого]. – Рязань, 2021. – 268 с.
6. Погребняк, Н. Н. Технологии научно-исследовательской деятельности студентов в университетах Европы / Н.Н. Погребняк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2021. – Т. 7 (73). № 3. – С. 53-63. – ISSN печатной версии: 2413-1709.
7. Руднева, Т. И. Преподаватель вуза: новая парадигма высшего образования, стратегии педагогической деятельности / Т.И. Руднева Т.И., Н.В. Соловова Н.В. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2016. – № 4. – С. 103-109. – ISSN печатной версии: 1999-4133.
8. Санько, А. М. Профессиональная компетентность педагога: банк тестов [Электронный ресурс]: учебное пособие / А. М. Санько, Н. Б. Стрекалова. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2018. – 128 с. – ISBN = 978-5-7883-1273-6.
9. Санько, А. М. Социально-технологическая мобильность: условие эффективности научно- исследовательской деятельности студентов / А.М. Санько // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения). Сборник научных статей. – Сыктывкар: Издательство: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2019. – С. 176-180. ISBN: 978-5-87661-603-6.
10. Соловьева, В. А. Формирование продуктивного взаимодействия обучающегося с образовательным интернет-ресурсом как эргатической системы: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 5.8.1. / Соловьева Валентина Александровна; [Место защиты: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского]. – Саратов, 2021. – 24 с.
11. Ширина, Т. А. Формирование исследовательских умений будущего учителя на базе научных физических подразделений вузов: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 5.8.2. / Ширина Татьяна Александровна; [Место защиты: Московский педагогический государственный университет]. – М., 2021. – 26 с.
12. Nguyen, H. T. The situation and measures to improve the efficiency of scientific research activities of teachers at hanoi university mining and geology // H.T. Nguyen// Bulletin of the Siberian State University of Physical Education and Sports. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 3-85.
13. Prihodchenko, K. I. Readiness formation of a student for scientific activity/ K.I. Prihodchenko, O.G. Kaverina // Pedagogy and Psychology: Theory and Practice. – 2022. – № 1 (25). – С. 75-83.

ORGANIZATION OF STUDENTS' RESEARCH ACTIVITIES

© 2023 A.M. Sanko, S.P. Borisova

Albina M. Sanko, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Department of Theory and Methods of Vocational Education

E-mail: sank-albina@rambler.ru

Svetlana P. Borisova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Department of Mathematics and Business Informatics

E-mail: svetlana2807@mail.ru

Samara National Research University

Samara, Russia

The development of the digital society is characterized by the increasing processes of digital transformation of research activities in various fields, which makes it urgent to effectively organize the research activities of students for their assimilation into the digital economy in the future. Thus, the article actualizes the problem of research activities of students of educational institutions of higher education in modern realities; determines the circumstances of the research orientation of students' professional training; highlights the diverse studied aspects of research activities of students in educational organizations described in the works of various scientists, which determines the presence of a symbiosis of educational activities of students with research activities. Based on the experience of practical activity

and research analysis, the tasks of the teacher for the organization of research activities of students, as well as types of research activities (educational and research activities and research activities) and their specifics in the organization are highlighted, depending on the chosen topic and the unit on the basis of which the research is conducted. The models of the organization of research activities of students in the conditions of choosing the format of the organization of the educational process are described. The qualities of the personality of students capable of carrying out independent research activities are formulated. It offers tools that facilitate experiments and means of communication between teachers and students.

Keywords: research activities of students, educational and research activities, research activities, models of organization of research activities, professional training in educational institutions of higher education

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-42-48

1. Bogoslovskiy, V. I. Nauchnoye soprovozhdeniye obrazovatel'nogo protsessa v pedagogicheskom universitete: metodologicheskiye kharakteristiki: Monografiya (Scientific support of the educational process in the pedagogical university: methodological characteristics: Monograph) / V.I. Bogoslovskiy; Ros. gos. ped. un-t im. A.I. Gertsena. – SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2000. – 142 s.: il., tabl.; 20 sm. – ISBN 5-8064-0314-9.
2. Gurov, F. N. Informatizatsiya sovremennogo obshchestva: filosofsko-metodologicheskiy analiz: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 5.7.6.m (Informatization of modern society: philosophical and methodological analysis: abstract of dis. ... candidate of philosophical sciences: 5.7.6.) / Gurov Filipp Nikitich; [Mesto zashchity: Moskovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni N.E. Baumana (natsional'nyy issledovatel'skiy universitet)]. – M., 2021. – 24 s.
3. Kanatnikova, Ye. A. Sovremennyye nauchnyye kommunikatsii: osobennosti, tendentsii izmeneniya, vliyaniye na razvitiye nauki: avtoreferat dis. ... kandidata filosofskikh nauk: 5.7.6. (Modern scientific communications: features, trends of change, impact on the development of science: Abstract of the thesis. ... candidate of philosophical sciences: 5.7.6.) / Kanatnikova Yekaterina Andreyevna; [Mesto zashchity: Moskovskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet imeni N.E. Baumana (natsional'nyy issledovatel'skiy universitet)]. – M., 2021. – 23 s.
4. Maksimova, Ye. A. Kontseptsiya razvitiya professional'nogo obrazovaniya v Rossii pri smene nauchno-tekhnologicheskikh ukhodov: avtoreferat dis. ... doktora pedagogicheskikh nauk: 5.8.7. (The concept of the development of vocational education in Russia when changing scientific and technological structures: Abstract of the thesis. ... doctors of pedagogical sciences: 5.8.7.) / Maksimova Yelena Aleksandrovna; [Mesto zashchity: Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo]. – Saratov, 2021. – 39 s.
5. Mitrokhina, A. S. Formirovaniye proizvodstvenno-tekhnologicheskoy kompetentsii budushchikh khimikov v protsesse nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti v vuze: dissertatsiya ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 13.00.08 (Formation of production and technological competence of future chemists in the process of research activities at the university: dissertation ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08) / Mitrokhina Anna Sergeevna; [Mesto zashchity: Tul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. L.N. Tolstogo]. – Ryazan', 2021. – 268 s.
6. Pogrebnyak, N. N. Tekhnologii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov v universitetakh Yevropy (Technologies of research activities of students at universities in Europe) / N.N. Pogrebnyak // Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. – 2021. – T. 7 (73). № 3. – S. 53-63. – ISSN pechatnoy versii: 2413-1709.
7. Rudneva, T. I. Prepodavatel' vuza: novaya paradigma vysshego obrazovaniya, strategii pedagogicheskoy deyatel'nosti (University teacher: a new paradigm of higher education, strategies for pedagogical activity) / T.I. Rudneva T.I., N.V. Solov'eva N.V. // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya. – 2016. – № 4. – S. 103-109. – ISSN pechatnoy versii: 1999-4133.
8. San'ko, A. M. Professional'naya kompetentnost' pedagoga: bank testov (Professional competence of a teacher: bank of tests) [Elektronnyy resurs]: uchebnoye posobiye / A. M. San'ko, N. B. Strekalova. – Samara: Izd-vo Samar. un-ta, 2018. – 128 s. – ISBN = 978-5-7883-1273-6.
9. San'ko, A. M. Sotsial'no-tekhnologicheskaya mobil'nost': usloviye effektivnosti nauchno- issledovatel'skoy deyatel'nosti studentov (Socio-technological mobility: a condition for the effectiveness of students' research activities) / A.M. San'ko // Pitirim Sorokin i paradigmy global'nogo razvitiya XXI veka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya). Sbornik nauchnykh statey. – Syktyvkar: Izdatel'stvo: Syktyvskarskiy gosudarstvennyy universitet im. Pitirima Sorokina, 2019. – S. 176-180. ISBN: 978-5-87661-603-6.
10. Solov'yeva, V. A. Formirovaniye produktivnogo vzaimodeystviya obuchayushchegosya s obrazovatel'nym internet-resursom kak ergaticheskoy sistemy: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 5.8.1. (Formation of a productive interaction of a student with an educational Internet resource as an ergatic system: Abstract of the thesis. ... candidate of pedagogical sciences: 5.8.1.) / Solov'yeva Valentina Aleksandrovna; [Mesto zashchity: Saratovskiy natsional'nyy issledovatel'skiy gosudarstvennyy universitet imeni N. G. Chernyshevskogo]. – Saratov, 2021. – 24 s.
11. Shirina, T. A. Formirovaniye issledovatel'skikh umeniy budushchego uchitelya na baze nauchnykh fizicheskikh podrazdeleniy vuzov: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk: 5.8.2. (Formation of research skills of the future teacher on the basis of scientific physical departments of universities: abstract of dis. ... candidate of

pedagogical sciences: 5.8.2.) / Shirina Tat'yana Aleksandrovna; [Mesto zashchity: Moskovskiy pedagogicheskiy gosudarstvennyy universitet]. – M., 2021. – 26 s.

12. Nguyen, H. T. The situation and measures to improve the efficiency of scientific research activities of teachers at hanoi university mining and geology // H.T. Nguyen// Bulletin of the Siberian State University of Physical Education and Sports. – 2022. – Т. 2. – № 1. – S. 3-85.

13. Prihodchenko, K. I. Readiness formation of a student for scientific activity/ K.I. Prihodchenko, O.G. Kaverina // Pedagogy and Psychology: Theory and Practice. – 2022. – № 1 (25). – S. 75-83.

УДК 377.5: 793.3 (Среднее специальное образование для подготовки кадров средней квалификации. Средние специальные учебные заведения. Техникумы. Училища. Художественные школы / Хореография. Танец. Эвритмия)

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ШКОЛЫ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА В ТВОРЧЕСТВЕ Н.А. ЕРМАКОВОЙ

© 2023 Т.А. Хабарова

*Хабарова Татьяна Андреевна, аспирант 3 года обучения
кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов
Института национальной культуры
E-mail: ballet-amazonka@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва

Статья поступила в редакцию 17.12.2022

Предмет статьи: хореографическое наследие Саратовского края – сохранение и развитие школы классического танца. Объект статьи: хореографическое искусство и его особая роль в развитии творческой личности. Цель проекта: актуализировать информацию о методах и формах пластической работы преподавателей в детских хореографических коллективах с целью сохранения традиций русской школы классического танца. В статье рассмотрена методика преподавания классического танца Н.А. Ермаковой («Детская школа искусств № 1 имени П.А. Фролова» г. Энгельса). Ею была разработана адаптированная образовательная авторская программа «Умная ритмика», включающая в себя постепенный переход от основных ритмических движений к освоению первоначальных, исходных элементов классического танца. Благодаря творческой фантазии, танцевальные занятия для младших школьников превращаются в «увлекательное путешествие» в мир классического танца. Автор приходит к выводу, что необходимо включение новых методов, форм организации обучения на уроках хореографии в общую традиционную систему преподавания классического танца. Научная новизна исследования состоит в выявлении особенностей и форм преподавания классического танца с целью творческого и профессионального развития личности, а также передачи через танец культурных достояний современности, внутренних мотивов и ценностей. Область применения результатов: данный опыт, ставший уникальной практикой формирования особого типа мышления и творческой активности, стимулирует и открывает возможности и способности к поисково-исследовательской и экспериментальной деятельности в области хореографии.

Ключевые слова: Н.А. Ермакова, классический танец, хореограф, методика преподавания, ценности, программа
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-49-52

Введение. Хореографическое искусство – социальный институт эстетической сферы общества, удовлетворяющий духовные потребности человека, выраженные образно-художественной, экспрессивной формой танца. Танец представляет собой пространственно-временное явление культуры, в котором посредством телодвижений человека первоначальная идея, образ подвергаются определенной трансформации и модификации. «Танец – это первая глава человеческой культуры», – утверждает С.Н. Худеков [4, с. 9].

История вопроса. Рассматривая танец в контексте культуры, стоит отметить, что он представляет собой сложный аналитико-синтетический процесс сравнений и толкований. «Танец – это особая культура, целый жизненный мир», – объясняет И.Е. Сироткина [3, с.138]. Его потенциальной особенностью является соединение физических, эмоциональных, интеллектуальных и

духовных процессов в единое действие. «Он сплетает все слова нашего тела в предложения и романы, а слов у нас – возможных поворотов, жестов – неисчислимо количество. Соединение внутреннего и внешнего, божественного и мирского, "прорыв уровней", преодоление земного тяготения, пребывание, хотя и на миг над землей в мировом пространстве посредством движения и позы – такова суть и назначение танца», – объясняет Г.Д. Гачев [1, с. 56].

Классический танец, обладающий потенциальными характеристиками в системе художественного мышления, придает особую колоритность и насыщенность танцевальным движениям, которые входят в него не в эмпирически данной форме, а в абстрагированном виде, закладывая основы высшей формы театрально – сценических представлений. Необходимость изучения истории русской классической школы, её основных

этапов развития и стилевых особенностей дает возможность приблизиться к пониманию того сложного пути, которым идёт развитие современного искусства. Решающая роль в этих вопросах принадлежит учебно-воспитательным структурам, так как репертуар классического танца составляет основу многих творческих танцевальных коллективов. Значение классического танца в развитии творческой активности и воспитании ученика сводится к следующим факторам: развитию творческих способностей, гармоничному физическому развитию, а также формированию эстетических впечатлений. Это выражает потребность в креативных личностях, которые способны принимать неординарные, специфические решения и воплощать их в своей работе.

С целью сохранения традиций российской балетной школы, а также улучшения качества преподавания предмета «Классический танец» в детских школах искусств и хореографических школах Саратовской области происходит активное приобщение молодого поколения к историческому наследию классического балета путем освоения и апробации «принципиально новых методик». На начальном этапе изучения классического танца перед педагогами возникает ряд физиологических трудностей, которые связаны, как правило, с недостаточными, природными данными учащихся: согнутыми коленями, невыворотным и сокращенным подъемом стопы, неустойчивостью корпуса и отсутствием координации движений. Кроме того, физические нагрузки, с обязательным многократным повторением одних и тех же элементов и комбинаций вносят в урок определённую монотонность и однообразие. Основной путь преодоления трудностей начального периода обучения – учёт и отбор изучаемого материала, методически правильное построение урока, целенаправленное составление учебных комбинаций экзерсиса.

Методы исследования: анализ архивов, критической литературы, наблюдение, педагогический эксперимент.

Результаты исследования. Остановимся на работе хореографа Нины Александровны Ермаковой «Детской школе искусств № 1 имени П.А. Фролова города Энгельса. Ее уроки классического танца имеют отличительные особенности. Благодаря творческой фантазии танцевальные занятия для младших школьников превращаются в

«увлекательное путешествие» в мир классического танца.

Для этого Н.А. Ермаковой была разработана адаптированная образовательная авторская программа «Умная ритмика», включающая в себя постепенный переход от основных ритмических движений к освоению первоначальных, исходных элементов классического танца. Это танцевальные шаги с вытягиванием, удлинением корпуса и остановками в определенных точках зала, маршировка на месте и в продвижении с хлопками и вытянутым подъемом. Тракая маршировка, в сочетании с выразительными движениями головы и рук с фиксацией в *demi plie*, развивает чувство ритма, варьированные переходы и движения корпуса *enfase* с перегибами (*port de bras*) и вращениями на полупальцах, вырабатываемыми *aplomb* (устойчивость).

Классическому танцу присуща симметрия, гармония, безмятежность, неторопливость. Его танцевальные комбинации основаны на движениях от периферии к центру, т.е. от кончиков пальцев, ресниц, взгляда, наполненных бережным отношением, «уважением и любовью к своему телу». Поэтому в работе с младшими школьниками Н.А. Ермакова сравнивает их тела с цветком, лепестки которого – пальцы рук и ног, а бутон – движения головы и корпуса. При этом она подчеркивает, что ноги должны быть сильными, натянутыми и крепкими, как будто глубоко врастают в землю, крепко держатся за нее корнями, а верх корпуса – свободный, легкий, «воздушный», послушный дуновению легкого, майского ветерка. Использование приема «образного погружения» в структуру классического танца помогает формированию анатомически характерных черт балетной осанки, эффективному развитию творческого воображения детей, а значит и увлеченностью процессом обучения.

С этой целью Н.А. Ермакова разработала и провела открытое занятие для учащихся раннего эстетического развития (5-6 лет), представляющего собой инсценированное игровое путешествие в «волшебный» мир балета. Исполнив традиционный поклон, в качестве настройки на занятие дети хором произнесли фразу: «Мы в ладоши хлопаем, ножками мы топаям, ушки наши слушаю, пальцы рук послушные. Ручки ставим четко в бок. Начинается урок». В основной части урока ребята выполнили ряд упражнений на развитие творческого воображения: «Речка»,

«Птицы» в сочетании со стихами и скороговорками, выучили исходные положения основных поз классического танца – *epaulement croise* и *efface*, а под музыку А. Спадавеккиа «Добрый жук», не только отработали и закрепили маршевый шаг, исполнив: «Раз, подняли, два - стою, ножку сильно я тяну, три приставили стопу, снова также повторяю», но и освоили элементы итальянского танца «Тарантелла». В завершении урока учащиеся старших классов исполнили вариацию «Феи Драже» и «Вальс Цветов» из балета «Щелкунчик» на музыку П.И. Чайковского.

Такие занятия способствуют воспитанию и освоению стиля, характера, динамики танцевальных произведений, прививая начинающему танцору любовь к основному выразительному средству классического танца – русскому балету. На сегодняшний день во многих хореографических коллективах возникает проблема, связанная с недостатком мужского состава. Как правило, большинство мальчиков больше тяготеют к спорту, компьютеру, технике и т.д. Использование на уроках приема мотивации, определяющей чертой которой является сопоставление сил в борьбе за первенство, за возможно более высокое достижение цели, результата, помогает Ермаковой привлечь и удержать в коллективе мальчиков. Для этого она применяет силовые упражнения на укрепление основных групп мышц: «отжимания», удержание планки из положения лежа, «уголок», «высокий прыжок», «лучшее выполнение шпагата» и т.д., выступающие важными звеньями в освоении всевозможных вращений, прыжков и трюков классического танца.

Однако образовательная деятельность учащихся определяется не только специальными (предметными) знаниями. Целью Н.А. Ермаковой является разностороннее развитие личности, ориентирующейся в традициях отечественной и мировой культуры, современной системе ценностей, способной к активной социальной адаптации, самостоятельному жизненному выбору, самообразованию и самосовершенствованию. Для этого на базе школы был создан хореографический

коллектив «Фантазия», руководителем которого является Нина Алексеевна. На протяжении 30 лет коллектив «Фантазия» активно участвует в городских, районных и областных мероприятиях, является победителем и лауреатом конкурсов различного уровня, дипломантом Дельфийских игр, участником творческой смены Всероссийского детского центра «Орлёнок» в Краснодарском крае. На открытие Чемпионата мира по пожарно-спасательному спорту на стадионе «Локомотив» города Саратова, в свете ярких прожекторов и визуальных сценических эффектов, коллектив выступил в блоке «Русский балет». 28 октября 2022 г. в Саратовском областном центре народного творчества имени Л.А. Руслановой состоялось подведение итогов масштабного проекта Года культурного наследия народов России в Саратовской области – III областной Парад достижений «Огней так много золотых». Среди участников фестиваля был и коллектив «Фантазия», исполнивший классический вальс из оперы «Фауст» на музыку Ш. Гуно.

Следует сказать о личности и самого педагога, Заслуженного работника культуры РФ Н.А. Ермаковой – автора учебных и методических пособий: «Сценическая практика. Подготовка концертных номеров» (2011), «Историко-бытовой танец» (2011), «Музыкальное оформление уроков классического танца» (2011), «Наши первые шаги» (2017), руководящего секцией «Хореографическое искусство» Саратовского областного методического объединения. Главное в ее жизни – это глубокая погруженность в работу хореографа, которая рождает безграничные поиски в хореографии. Отсюда и замечательные результаты.

Выводы. Таким образом, традиции русской балетной школы продолжают развиваться и укрепляться в творчестве хореографов Саратовской области. При этом классический танец, служащий базой всех видов и направлений хореографии, представляет собой уникальный инструмент творческого развития личности и ее самосовершенствования, способствуя развитию общей культуры современного общества.

1. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. – М.: Институт ДИДИК, 1999. – 386 с.
2. Карп, Р. М. О балете. – М.: Искусство, 1967. – 227 с.
3. Сироткина, И. Е. Дискретное и континуальное в танце // Вопросы философии. – 2016. – № 10. – С. 132–142.
4. Худеков, С. Н. Всеобщая история танца. – М.: Эксмо, 2009. – 608 с.

PRESERVATION AND DEVELOPMENT OF THE SCHOOL OF CLASSICAL DANCE IN N.A. YERMAKOVA

© 2023 T.A. Khabarova

*Tatyana A. Khabarova, 3 year postgraduate student of the Department of Cultural Studies
and Library and Information Resources of the Institute of National Culture*

E-mail: ballet-amazonka@mail.ru

National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryov
Saransk, Russia

Subject of the article: the choreographic heritage of the Saratov region is the preservation and development of the school of classical dance. Object of the article: choreographic art and its special role in the development of a creative personality. The purpose of the project: to update information about the methods and forms of plastic work of teachers in children's choreographic groups in order to preserve the traditions of the Russian school of classical dance. The article considers the method of teaching classical dance by N.A. Ermakova ("Children's Art School No. 1 named after P.A. Frolov", Engels). She developed an adapted educational author's program "Smart Rhythm", which includes a gradual transition from basic rhythmic movements to mastering the initial, initial elements of classical dance. Thanks to creative imagination, dance classes for younger students turn into an "exciting journey" into the world of classical dance. The author comes to the conclusion that it is necessary to include new methods, forms of organization of teaching in choreography lessons into the general traditional system of teaching classical dance. The scientific novelty of the study lies in identifying the features and forms of teaching classical dance for the purpose of creative and professional development of the individual, as well as transferring the cultural heritage of our time, internal motives and values through dance. Scope of the results: this experience, which has become a unique practice for the formation of a special type of thinking and creative activity, stimulates and opens up opportunities and abilities for search, research and experimental activities in the field of choreography.

Keywords: N.A. Ermakova, classical dance, choreographer, teaching methods, values, program

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-49-52

1. Gachev, G. D. Natsional'nyye obrazy mira. Yevraziya – kosmos kochevnika, zemledel'tsa i gortsa (National images of the world. Eurasia - the space of a nomad, farmer and highlander). – M.: Institut DIDIK, 1999. – 386 s.
2. Karp, R. M. O baletе (About ballet). – M.: Iskusstvo, 1967. – 227 s.
3. Sirotkina, I. Ye. Diskretnoye i kontinual'noye v tantse (Discrete and continuous in dance) // Voprosy filosofii. – 2016. – № 10. – S. 132–142.
4. Khudekov, S. N. Vseobshchaya istoriya tantsa. – M.: Eksmo, 2009. – 608 s.

УДК 130.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения)

**СУЩНОСТЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ А.И. ГЕРЦЕНА
НА СТРАНИЦАХ «БЫЛОГО И ДУМ»**

© 2023 Н.И. Воронина

*Воронина Наталья Ивановна, профессор, доктор философских наук,
профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
директор Центра М.М. Бахтина*

E-mail: kafkmg@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарёва
Саранск, Россия

Статья поступила в редакцию 10.11.2022

Предмет статьи: сущность музыкальной концепции А.И. Герцена на страницах «Былого и дум». Объект статьи: XIX в.: общественная жизнь, особый тип философствования в литературных кругах, музыкальное творчество, Цель проекта: актуализировать для научного мира информацию об интеллектуальной истории России сквозь призму изучения одного из величайших произведений А.И. Герцена, сформулировать основания для научно-исследовательской работы. Результаты работы: включение музыкальной концепции А.И. Герцена на страницах «Былого и дум» в общую картину длительного противоречивого процесса восприятия музыкальной культуры XIX столетия отечественной наукой. Данный опыт Герцена, ставший уникальной практикой формирования особого типа философствования в художественной культуре России того времени – явление малоизученное, оно стимулирует исследовательский интерес, открывает возможности сравнительно-сопоставительной методологии. Осознание подобного феномена позволяет уточнять и детализировать его значимость в отечественной гуманитарной мысли, в осмыслении художественной жизни того времени, истории культуры, музыковедения и философии. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении еще одного дарования А.И. Герцена, проявившегося в многогранности восприятия музыкального искусства, в умении слышать его особенности и довольно профессионально судить о нем.

Ключевые слова: А.И. Герцен, «Былое и думы», философ, писатель. время, общественная жизнь, концепция, культура, история, музыка, творчество

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-53-59

Введение. Александр Иванович Герцен (1812-1870) – одна из ярчайших фигур нашей отечественной истории и культуры. Он соединил в себе два жизненных мироощущения, два направления в общественном движении: дворянское и демократическое. Жизненная программа А.И. Герцена всегда была динамичной. Его нравственный пример для истории значим и важен. Убедительное и яркое литературное и публицистическое слово, диалектика понятий общечеловеческого и общенационального, тезис о необходимости естественной внутренней связи политики и художественных форм познания являются непреходящими ценностями для нашей культуры и как никогда актуальны сегодня.

Методы исследования. Методология работы основана на построении музыкальной концепции контекста литературного произведения А.И. Герцена «Былое и думы», в котором автор наряду с

идейной жизнью своего времени воссоздает и художественную летопись XIX в., где отразились многообразные культурные явления, а сам А.И. Герцен проявил себя не только как философ, историк, идеолог, политик, общественный деятель, но и как ценитель искусства.

Результаты исследования. А.И. Герцен – философ и писатель, но ему всегда были близки проблемы искусства во всем его широком спектре. Его не просто привлекали живопись, гравюра, архитектура, прикладное искусство, фольклор, литература, музыка, художественная критика, публицистика. В его гениальном даровании естественно и гармонично сочетались философский интеллект и удивительно тонкое эстетическое чувство. А.И. Герцен обладал не только мощным умом, но и великой душой, и это отразилось в его глубоких суждениях в целом о мировой художественной культуре.

«Былое и думы» – художественная летопись общественной жизни и революционной борьбы в России и Западной Европе XIX столетия. А.И. Герцен воссоздает прежде всего идейную жизнь своего времени, историю общественной мысли. Всё творчество мыслителя подчинено этой задаче.

Естественно ли обращение к музыке в контексте «Былого и дум»? Рассматривая действительность во всем многообразии ее проявлений, А.И. Герцен не обходит стороной звуковое общение, эмоционально-образную стихию, рождающуюся из этих звуков, считая, что это один из важнейших моментов познания духовной жизни и мира человека. Поэтому в «Былом и думах» художнику-энциклопедисту А.И. Герцену в равной мере доступны и литература, и живопись, и архитектура, и театр, и музыка. Он ярко и образно передает мощное влияние, которое оказывает на человека искусство, может быть, только с той разницей, что литературе, архитектуре, живописи «повезло» больше – им посвящены порой целые разделы, а музыкальные впечатления в основном представляют собой лишь вкрапления в общее повествование.

Он обращается к музыкальным произведениям, к творчеству композиторов, к определенным стилевым направлениям, иногда, может быть, непреднамеренно, а интуитивно используя музыкальную терминологию и некоторые элементы теории музыки. Различные исторические ситуации по-разному влияли на выбор «озвучивания» картин (а именно так воспринимал А.И. Герцен музыку мира). Нет предела его возмущению в диалоге с Фогтом-отцом (профессор медицины, отец Адольфа, Густава и Карла Фогтов) по поводу оратории «Сотворение мира» Й. Гайдна: «Как же это возможно, чтоб живой, современный человек мог себя так искусственно натянуть на религиозное настроение, чтоб наслаждение его было естественно и полно? Для нас так же нет пietetической музыки, как нет духовной литературы, – она для нас имеет смысл исторический» [3, с. 168].

Спор ради спора не свойствен А.И. Герцену. Поводом для осмысления музыкального творчества в «Былом и думах» чаще всего становились или разногласия принципиального, идейного характера, как, например, «изобретение народного гимна по Себастиану Баху» [4, с. 137], или утверждение своей определенной, сознательно выраженной тенденции, за которую он боролся

страстно и убежденно. «Ею (трибуной музыкального театра. – Н.В.) могут разрешаться живые вопросы современности, по крайней мере, обсуживаться, а *реальность* этого обсуживанья в действительности чрезвычайна. Это не лекция, не проповедь, а жизнь, развернутая на самом деле со всеми подробностями, с всеобщим интересом и семейственностью, с страстями и ежедневностью» [7, с. 227].

Разумеется, А.И. Герцен нередко бывал прирастен. В частности, оценивая творчество Д. Обера и его оперу «Фенелла», он, безусловно, отдает предпочтение сюжету, не замечая слабых сторон музыки. Иногда же явно несправедливо, а может быть, слишком поспешно выносит «приговор» новым сочинениям. Так случилось с музыкой Дж. Верди, которую он не понял. Заметим, что музыкальные явления, о которых А.И. Герцен высказывался критически, он хорошо знал, многие из них очень любил, и ему нелегко было, порой, отказаться от своих личных вкусов.

Известно высказывание А.И. Герцена о музыкальных увлечениях круга Н.В. Станкевича: «Философия музыки была на первом плане. Разумеется, об Россини и не говорили, к Моцарту были снисходительны, хотя и находили его детским и бледным, зато производили философские следствия над каждым аккордом Бетховена и очень уважали Шуберта, не столько, думаю, за его превосходные напевы, сколько за то, что он брал философские темы для них, как "Всемогущество божие", "Атлас". Наравне с итальянской музыкой делила опалу французская литература и вообще все французское, а по дороге и все политическое» [4, с. 20]. А.И. Герцен, прослеживая интересы соседствующего дружеского кружка, высказывает свое собственное мнение. А «философское следствие» над каждым фактом музыкального процесса в обществе выдает его равнодушие к волнам приливов и отливов музыкальных явлений.

Даже одна эта цитата способна многое сказать о том, что волновало А.И. Герцена в музыкальной культуре той эпохи. Конечно, проблема личности художника, в данном случае новый тип романтического художника. И Герцен называет Дж. Россини, В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена, Ф. Шуберта.

Моцарт писал для себя и небольшого круга друзей с расчетом, что, может быть, когда-нибудь его творчество сделается достоянием широких масс. Бетховен же верил в конечную победу лучших сил человечества, жил якобинскими идеями

и был убежден в том, что его музыка – социально полезное дело, что она будет иметь многомиллионную аудиторию. И не случайна фраза А.И. Герцена о «философском следствии над каждым аккордом Бетховена». Это была новая музыка, новые идеи, которые подкреплялись новыми средствами в мелодике, гармонии, фактуре, тембрах, оркестровке, в углублении формы, в поисках специфического обновления техники. Все это и было поводом для «философского следствия», а само осмысление являлось, по сути дела, важным делом «жизни. Новая музыка звучала в России, она будила чувства слушателей и «хор» их голосов – мыслей, идей, размышлений начинал будоражить общественное мнение. Многие стали задумываться над тем, что есть музыка. А.И. Герцен, конечно, примкнул к этой когорте и по-разному – когда ведущим солистом, а иногда в русле общего хора высказывал свои мысли, а в «Былом и думах» публично обсуждает эти вопросы.

«Моцарта находили детским и бледным», – эта оценка молодого А.И. Герцена, и позже он признается в своем заблуждении: «Моцартова музыка сделала эпоху, переворот в умах, как Гётев "Фауст", как 1789 год. Мы видели в его произведениях, как светская мысль XVIII столетия с своей секуляризацией жизни вторгалась в музыку; с Моцартом революция и новый век вошли в искусство» [3, с. 168].

Такова новая художественная и жизненная парадигма А.И. Герцена: принципиальная незаконченность и незавершенность, невозможность последнего слова, каким бы ни было твое собственное.

Например, музыкальное творчество и сам процесс восприятия музыки А.И. Герцен понимает как непрерывное движение. Противоречия, постоянно изменяющиеся чувства и состояния есть духовная сущность человека. «Моцарт, – пишет А.И. Герцен, – поет от избытка чувства, страсти, а не молится» [3, с. 168]. «Для Вольфганга [...], – подтверждает немецкий исследователь Г. Аберт, – человеческий характер не сводился к какой-либо рационалистической формуле, а был, прежде всего, неповторимой, непрестанно меняющейся игрой различных душевных сил, а вся человеческая жизнь – не чем иным, как развитием и взаимодействием вечно новых и изменчивых творений природы» [1, с. 13].

Описывая нравы и вкусы московского общества, А.И. Герцен обращается к двум выдающимся именам: А. Гумбольдту, немецкому естествоиспытателю и путешественнику, основоположнику

современной географии растений, геофизики, гидрографии, и Ф. Листу, венгерскому композитору и пианисту. Что предпочла московская публика при встрече с ними? Профессиональный интерес? Знакомство с научными открытиями? Исполнительское мастерство? Или оригинальность репертуара? Внешнее позерство, наигранность Листа в отношении с дамами производили куда более впечатляющее действие. Об этом говорили везде и всюду, разглядывали детали его туалета, каждое слово (а не звук!) производило эффект. В его честь устраивались приемы в знатных домах, дабы поддержать светскую престижность.

А.И. Герцен несколько раз слушал Листа, встречался с ним на приемах, внимательно наблюдал за ним. Его интересовала личность великого музыканта. «...Истинные таланты не теряют ничего от крика фамы [славы (лат.)] ...Поразительный талант!.. Лист «мил и умен» [7, с. 279, 280], – заключает А.И. Герцен в дневнике 1843 г., а в «Былом и думах» резко меняет свою точку зрения, вынося однозначное, отрицательное суждение о Листе, что было связано с поведением музыканта на светских приемах. Так, блеск таланта в глазах А.И. Герцена утонул в «блеске» манерности Листа. Личность композитора, по убеждению Герцена, всегда стоит в зависимости от формулы «художник – общество», и важно кто кого побеждает.

Оценивая Моцарта и Бетховена, затем Листа, позже – Р. Вагнера, А.И. Герцен радеет не только за судьбы искусства, но, и за формирование слушателей. Вопрос об эмоциональном богатстве личности, ее высокой духовности, культуре мечты приобретает для него принципиальное значение. Он протестует против всех видов подавления индивидуальности, страстно утверждает личное достоинство и внутреннюю свободу человека, подчеркивает, что именно эти качества являются мировоззренческой предпосылкой романтического самосознания и его проявления в художественном творчестве.

Специфика музыкально-эстетических идеалов в «Былом и думах» высвечивается также через «музыку будущего» Вагнера и его оперу «Тангейзер», вступающую в противоречия с реалиями «полек-бабочек». «Мечтай себе о музыке будущего и о Россини, коленопреклоненном перед Вагнером, читай себе дома a livre ouvert [с листа (фр.)] без инструмента, "Тангейсера" (так в тексте. – Н.В.) и исполняй, за штатским тамбурмажором и гаером с слоновой палкой, часа четыре кряду какую-нибудь Mary-Ann [Мэри-Энн (англ.)]

польку или Flower and butterfly's [«Цветок и бабочку» (англ.)] redova (танец, сочетающий элементы вальса и мазурки, – Н. В.) – и дадут бедняку от двух до четырех с половиной шиллингов за вечер...» [6, с. 183-184]. Герцен делает вывод, что Вагнера не признают, «Тангейзера» читают дома без озвучивания, а на деле – во всех уголках Лондона, на всех уровнях звучат польки, мазурки, вальсы, идут балы с развлечениями.

Такое эмоциональное постижение конкретной музыкальной обстановки констатируется А.И. Герценом грустно. Рациональные компоненты мироощущения мыслителя проявляется здесь не только в общем эмоциональном тоне, характеризующем творчество Вагнера, но и в описании типичных для общества сторон музыкального развития, активно влияющих и на становление личности художника. А определение творчества Вагнера как «музыки будущего» связано не столько с силой, размахом, даже гиперболичностью образов, сколько с новаторством в искусстве, преодолением барьера между жизненной правдой и спецификой музыки.

Русская публика 40-х гг. отличалась своеобразными музыкальными вкусами. Большинство было воспитано на итальянской и французской опере того времени с ее сильными романтическими страстями, ярким эмоциональным пафосом выражения и обилием красочных эффектов. Поэтому в русских театрах с такой жадностью воспринимали, горячо переживали и волновались, слушая героические оперы Россини, Мейербера и молодого Верди. Нет сомнения, что в свое время и А.И. Герцен чувствовал в них отзвуки передовых освободительных движений. Не случайно у Огарева в письмах к Герцену, а затем и в его поэме «Юмор» мы встречаем противопоставление драматизма Мейербера «бесконфликтности действия» первых русских опер. Именно поэтому, наверное, в «Былом и Думах» Герцен обходит «вопрос» «Жизни за царя» и вообще не обсуждает проблемы русской музыки, хотя 40-е гг. наполнены бурной полемикой вокруг первых классических опер М.И. Глинки. Лишь позже, на страницах «Колокола», А.И. Герцен, преодолев предубеждение к официальной стороне (сюжет «Жизнь за царя»), с восторгом оценит гениальную музыку Глинки.

И все же трагедия развивающейся русской национальной музыкальной культуры на страницах «Былого и дум» отмечена саркастическим

упреком: «Желая везде и во всем убить всякий дух независимости личности, фантазии, воли, Николай... запретил писать русские оперы, находя, что даже написанные в III отделении собственной канцелярии флигель-адъютантом Львовым никуда не годятся. Но это еще мало – ему бы издать собрание высочайше утвержденных мотивов» [5, с. 286]. Герцен осуждает идеологическое идолопоклонство, которое коснулось даже музыки.

Так «выглядит» музыка в «Былом и думах»: пересечения, созвучия, перебои, разногласия, противопоставления – бесконечный внутренний диалог самого автора с собой, «философия точек зрения» (М.М. Бахтин).

В чем же сущность музыкальной концепции А.И. Герцена на страницах «Былого и дум»?

Во-первых, это отражение искусства в целом и музыки отдельно в собственном опыте. А.И. Герцен вводит множество осознаваемых и подсознательных ассоциаций, как собственно музыкальных, так и выходящих в другие сферы жизненного опыта. Запечатленные памятью следы воздействия музыки, эстетические оценки, эмоции, знания, вовлекаемые в анализ через восприятие, составляют одно из существенных художественных оснований «Былого и дум».

«Былое и думы» предстают не только в исторических фактах, но и в богатстве эмоционального мира – от борения разума и чувств до страстей. Конкретно-образное мышление, вызванное услышанными в природе звуками, часто перерастает в эмоциональные образы и характеристики. Так, описание встречи с Ю.Н. Голицыным в Лондоне выливается в эмоциональное повествование о великане с «красивым лицом ассирийского бога-вола», «крупном характеристическом обломке всея России», «величественно и грациозно поднимавшем и опускавшем свой скипетр из слоновой кости» [6, с. 313, 315]. «Затем начались концерты его с всевозможными штуками, даже с политическими тенденциями» [6, с. 315]. И А.И. Герцен описывает, как гремели «Вальс Герцена», «Кадриль Огарева», «Симфония освобождения», которые по переезду в Россию молниеносно превращались в «Вальс Потапова», «Вальс Мины», «Партитуру Комиссарова» и т.д. Юмор А.И. Герцена здесь очевиден: он понял чисто коммерческую направленность концертов Голицына, а посвящения изгнанникам – «реверанс» за хороший прием. Отраженная таким образом музыка, фигурирует в «Былом и думах» не как не-

посредственный объект исследований, а как художественный психологический фон-контекст.

Во-вторых, это описания музыкальных явлений, процессов, а также конкретных музыкальных сочинений или творчества композитора, причем, весьма специфично. Их отличает способность А.И. Герцена к художественной интроспекции – умению чутко и глубоко проникать в свой мир восприятия музыки. Однако трудность раскрытия его состоит в том, что, во-первых, этот внутренний психический мир скрыт от читателя, а во-вторых, в нем преломляется не только художественный, эстетический, но и жизненный опыт в целом, становясь одновременно и предметом его внимания, и одним из инструментов музыкального анализа. Тем не менее А.И. Герцен удивительно сочетал в себе заинтересованного, эмоционально непосредственного слушателя и наблюдателя-исследователя.

«В Лондоне, чтоб не быть затертым, задавленным, надобно работать много, резко, сейчас и что попало, что потребовали. Надобно остановить рассеянное внимание ко всему приглядевшейся толпы силой, наглостью, множеством, всякой всячиной. Орнаменты, узоры для шитья, арабески, модели, снимки, слепки, портреты, рамки, акварели, кронштейны, цветы – лишь бы скорее, лишь бы кстати и в большом количестве. Жюльен, le grand Julien *через сутки* после получения вести об индейской победе Гевлока написал концерт с криком африканских птиц и топотом слонов, с индейскими напевами и пушечной пальбой, так что Лондон разом читал в газетах и слушал в концерте реляцию. За этот концерт он выручил громадные суммы, повторяя его месяц» [6, с. 183]. Так в 1857 г. А.И. Герцен очень остро подметил сущность явления, которое в настоящее время получило название *массовой культуры*, и показал ее типичные социальные, экономические и идеологические рычаги.

В-третьих, описания А.И. Герценом результатов общения с музыкой, которые часто становятся настолько живыми, что заражают, вызывают эмоциональный отклик, будят творческое воображение и тем самым настраивают на музыкальное, образное восприятие, а значит, через литературу читатель становится одновременно слушателем.

Элемент личного воспоминания и впечатления приобретает у А.И. Герцена особое значение, когда это касается искусства музыкального исполнения. Он, слушая голос певца или игру пианиста, находил такие словесные выражения и

аналогии, которые давали возможность через слово воссоздать образ живого и трепетного исполнения. С большой грустью он пишет о Федеральном концерте в бернском соборе в 1851 г. Он был «гигантским», «со всей Швейцарии съехались музыканты, певцы и певицы для участия в нем. Музыка, разумеется, была духовная. С талантом и пониманием исполнили они знаменитое творение Гайдна. Публика была внимательна, но холодна, она шла из собора, как идут от обедни; не знаю, насколько было благочестия, но увлечения не было» [6, с. 67].

В статьях, публиковавшихся параллельно или после написания «Былого и дум», А.И. Герцен наряду с художественно-эстетической оценкой музыкальных явлений обращается к научному толкованию отдельных моментов. Внутренние специфические законы музыки в ее историческом развитии соединяет с социальной обусловленностью, эстетической сущностью и материальными формами выражения. Так, в «Письме о свободе воли» (1868) А.И. Герцен, объясняя сущность социального бытия человека и сознания свободы как нравственной категории, пытается вывести истину, используя музыкально-творческие средства. «Каждый звук производится колебаниями воздуха и рефlekсами слуха, но он приобретает для нас иную ценность (или существование, если хочешь) в единстве музыкальной фразы. Струна обрывается, звук исчезает, – но пока она не оборвалась, звук не принадлежит исключительно миру вибраций, но также и миру гармонии, в недрах которого он является эстетической реальностью, входя в состав симфонии, предоставляющей ему возможность вибрировать, доминирующей над ним, поглощающей его и продолжающейся дальше» [8, кн.1; с. 442]. Обозначим реальную последовательность, прослеженную А.И. Герценом:

струна и звук;
звук и фраза;
фраза и гармония;
гармония и симфония;
симфония и идея...

Почему А.И. Герцен здесь обращается к музыкальному слуху? Потому, что слухоассоциативная работа психики была бы весьма бедной, если бы связывала человеческие эмоции лишь с акустической характеристикой конкретных вещей, людей, событий, ситуаций. Поэтому освобождение от физической стороны звука дает полную свободу образным ассоциациям. И А.И. Герцен прибегает к художественно-музыкальному приему для

наиболее полной внутренней характеристики явления. Он органично соединяет музыкальные и научные компоненты, общие и частные замечания из двух областей познания, что дает особое понимание.

В первом случае он определяет способ существования музыкального произведения как феномена общественного сознания, что в перспективе дает возможность анализировать конкретные формы его бытия. Подобное философское толкование мы находим у Б.В. Асафьева, который понимает музыку как «диалектическое становление во взаимообусловленности звукоотношений, изменчивых сообразно месту, времени, эпохе и свойствам средств воспроизведения» [2, кн.1; с. 195]. Автор пишет, что, воспринимая музыку, слушатели проходят по тому же пути, что и композитор, «но привносят в него (произведение. –

Н.В.) свои идеи, взгляды, вкусы, привычки и даже просто душевную расположенность» [2, кн.2; с. 332].

Во втором – музыкальное произведение интересуется А.И. Герцена как эстетический и художественный феномен, как звуковой символ бытия. На это направлена, в конечном счете, приведенная система закономерностей его восприятия.

Выводы. Произведение одно – «Былое и думы», а герценов в А.И. Герцене множество. Он наблюдает, читает, слушает, ищет, много думает о прошлом и настоящем и все это ложиться на страницы, привлекая читателя своим многоголосием, философией точек зрения. Убедительность его суждений в том, что они лишены однозначности, а значит, дают повод для дальнейших размышлений.

1. Аберт, Г. В. А. Моцарт: В 2 ч. 4 кн. – М., 1978. – ч.1, кн. 1. – 534 с.
2. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. – Л.: Музгиз, 1963. – 380 с.
3. Герцен, А. И. Былое и думы // Собр. Соч.: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т. 10 (1956). – 536 с.
4. Герцен, А. И. Былое и думы // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т. 9. (1967). – 354 с.
5. Герцен, А. И. Былое и думы // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т.8. (1956). – 516 с.
6. Герцен, А. И. Былое и думы // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т.11. (1957). – 807 с.
7. Герцен, А. И. Дневник 1842-1845 // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т. 2. (1954). – 516 с.
8. Герцен, А. И. Дневник 1842-1845 // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: 1952-1966. – Т. 20. Кн.1. (1960). – 494 с.

THE ESSENCE OF A.I. HERZEN'S MUSICAL CONCEPT ON THE PAGES OF THE «PAST AND DOOM» («BYLOYE I DUMY»)

© 2023 N.I. Voronina

*Natalia I. Voronina, Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Cultural Studies and Library and Information Resources
of the Institute of National Culture,
Director of the Center M.M. Bakhtin
National Research Mordovian State University named after N.P. Ogaryov
Saransk, Russia*

The subject of the article: the essence of A.I. Herzen's musical concept on the pages of The «Past and doom». The object of the article: nineteenth century: public life, a special type of philosophizing in literary circles, musical creativity, The purpose of the project: to update for the scientific world information about the intellectual history of Russia through the prism of studying one of the greatest works of A.I. Herzen, to formulate the grounds for research work. Methodology of the work: construction of a musical concept of the context of Herzen's literary work "Past and doom", in which the author, along with the ideological life of his time, recreates the artistic chronicle of the nineteenth century, which reflected diverse cultural phenomena, and Herzen himself showed himself not only as a philosopher, historian, ideologist, politician, public figure, but also and as a connoisseur of art. Results of the work: the inclusion of A.I. Herzen's musical concept on the pages of "Past and doom" in the overall picture of a long contradictory process of perception of musical. Conclusion: the scientific novelty of the study consists in considering another talent of Herzen, manifested in the versatility of perception of musical art, in the ability to hear its features and judge it quite professionally.

Keywords: A.I. Herzen, "Past and doom", philosopher, writer. time, social life, concept, culture, history, music, creativity
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-53-59

1. Abert, G. V. A. Motsart: V 2 ch. 4 kn. (Mozart: At 2 hours 4 books). – М., 1978. – ch.1, kn. 1. – 534 s.
2. Asaf'yev, B. V. Muzykal'naya forma kak protsess: v 2 kn. (Musical form as a process: in 2 books). – L.: Muzgiz, 1963. – 380 s.
3. Gertsen, A. I. Byloye i dumy // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т. 10 (1956). – 536 s.
4. Gertsen, A. I. Byloye i dumy // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т. 9. (1967). – 354 s.
5. Gertsen, A. I. Dnevnik 1842-1845 // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т. 2. (1954). – 516 s.
6. Gertsen, A. I. Byloye i dumy // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т.8. (1956). – 516 s.
7. Gertsen, A. I. Byloye i dumy // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т.11. (1957). – 807 s.
8. Gertsen, A. I. Dnevnik 1842-1845 // Sobraniye sochineniy: v 30 t. – М.: 1952-1966. – Т. 20. Kn.1. (1960). – 494 s.

УДК 008 (Цивилизация, культура, прогресс)

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРИКЛАДНЫЕ ПРИМЕНЕНИЯ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПОЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

© 2023 Д.В. Денисов

Денисов Денис Викторович, кандидат культурологии,

доцент кафедры лингвистики

E-mail: denisansk@gmail.com

Самарский государственный университет путей сообщения

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 18.12.2022

В настоящей статье продолжается рассмотрение возможности построения теории исторических циклов на древнеиндийском материале. Древнеиндийская концепция познания и смены исторических эпох возникла в контексте восьмиеlementных онтологических моделей древности. Её отличает количественное выражение качественных характеристик. Специальные коэффициенты позволяют осуществлять переход от «идеальной» модели к моделированию реальных исторических процессов. В статье уточняются причины, по которым в «осевой» период в применении этой концепции произошёл переход к измерению времени божественными веками, что сделало её не актуальной для измерения человеческой истории. Цель анализа состоит во включении древнеиндийского цикла в научный междисциплинарный дискурс. Предмет исследования – онтологические уровни, конституирующие данную модель. В качестве микромоделей анализируемого цикла используется 240-летний период отечественной истории. В анализе учитываются сопоставимые хронологические модели древности, числовая модель индийской саанкхьи, а также культурные практики. При определении общей характеристики процессов происходит обращение к концепции форм правления Платона и при определении «духа времени» – к концепции поэтических переживаний древнеиндийской поэтики. В центральной части данной микромодели обнаруживается действие 72-летнего ритма, обусловленное структурными особенностями древнеиндийского цикла.

Ключевые слова: история, исторические процессы, историческое развитие, исторические циклы, цикл познания, теория познания, онтологическое моделирование, функционально-топологический подход, Древняя Индия
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-60-69

Введение. Мыслителям Древней Индии была свойственна смелость мысли, которая проявлялась в разработке концепций холистических по содержанию и универсальных в плане применения. Одна из таких «смелых» концепций представлена циклом познания и смены исторических эпох. Эта концепция не разрабатывалась в рамках какой-либо школы, а только упоминалась ситуативно порой в мифологических, порой в эпических текстах. Она насчитывает четыре стадии (эпохи), традиционные для мифологической картины мира. Эти стадии имеют статус онтологических уровней, располагающих динамической количественно-качественной характеристикой, и включены в циклическое развитие. В современном научном дискурсе эта концепция не представлена. Информации о ней не найти ни в специальной литературе по истории и теории познания, ни в источниках, посвящённых истории

развития хронологических систем, поскольку считается, что исчисление времени должно осуществляться божественными веками. Тем не менее, обращение к этой концепции представляется перспективным в силу её системного характера, космологического статуса и топологического подхода ко времени. Кроме того, её можно рассматривать как идеальное воплощение цикла Карно. Если в термодинамике середина цикла отмечена максимальным сжатием газа, то в древнеиндийском цикле, вечном по своей природе, объёмы сжатия – время и возможности познания.

Цель настоящего исследования состоит во включении древнеиндийского цикла познания в современный научный дискурс.

Предмет исследования – четыре онтологических уровня, его составляющие.

Методы исследования. Метод онтологического моделирования, применяемый в данной работе,

предполагает существование универсальных структур, определяющих структуру мироздания, и возможности их обобщённого рассмотрения. Актуальность разработки этого метода состоит в возможности применения его к обобщённому описанию человеческой деятельности и исторических процессов [4; 6, с. 126–137; 16, с. 164–167]. Дисциплины, разрабатывающие теорию самоорганизации, такой возможностью не располагают. Необходимый методологический инструментарий встречается в топологическом подходе, подразумевающем последовательность разнокачественных интервалов, а не одинаковых моментов времени [8].

Примером онтологического моделирования служат древние хронологические модели, в которых происходит выделение восьмизначных циклов. Согласно Платону, время – вечный образ, «движущийся от числа к числу» («Тимей», 37–38с) [14, с. 479]. «Полное число времени полного года завершается тогда, когда все восемь кругов, различных по скорости, одновременно придут к своей исходной точке, соотносясь с мерой единообразно бегущего круга тождественного» («Тимей», 39d) [14, с. 479]. Эти «восемь кругов» могут быть отнесены как к планетам и планетарным сферам, так и годовому циклу, который в древнекитайском календаре включал восемь 45-дневных периодов, а также пять священных дней, завершающих год: $(45 \cdot 8) + 5 = 365$. Обратная модель имела место в древнеримском исчислении восьмидневными неделями. В индийской «Ваасту-видье» модель пространства включает, соответственно, 45 подразделений: $(5 + 8) + 32 = 45$, где 5 центральных (символизирующих трансцендентное) составляют прямой крест, 8 (символизирующих трансцендентное) расположены на диагональных линиях, 32 (символизирующих феноменальное) образуют периметр мандалы [5].

Согласно Аристотелю, восьмая планетарная сфера (сфера неподвижных звёзд) отвечала за измерение времени. Исчисление времени октаэтеридами, образуемыми сочетанием двух 3-летних и одного 2-летнего цикла (« $3 + 3 + 2 = 8$ »), было описано в 540 г. до н. э. греческим астрономом Клеостратом [7, с. 89–90]. Хотя в 432 г. до н. э. был введён более точный 19-летний метонов цикл, исчисление октаэтеридами сохранялось до середины III в. н. э. Оно было удобным для исчисления праздников: каждые 4 года проводились олимпийские, каждые 8 лет – дельфийские игры. Работа над совершенствованием октаэтериды

привела к разработке 16- и 160-летнего циклов. Чтобы согласовать октаэтериду с метоновым циклом, греки эпизодически добавляли к месяцу или выбрасывали из него один – два дня. После потери политической независимости в 86 г. до н. э. исправления в календарь более не вносились, и афинский Новый год стал плавающим («свободная» октаэтериды) [7, с. 186–189].

В целях онтологического обоснования восьми стадий древнеиндийской модели познания и смены исторических эпох может быть принято положение о восьмеричной структурированности Пракрити, трансцендентального начала саанкхьи, философии числа, первой из шести философских систем Древней Индии. Древняя саанкхья была широко распространена в брахманской культуре (VI–V вв. до н. э.). Её положения были кодифицированы в упанишадах, трудах Ащвагхоши, эпосе «Махаабхаарата» и других источниках (первые века I тыс. н. э.). Окончательное оформление произошло в «Саанкхья-каарике» Иишвара-кришны, датированной специалистами от I по V вв. н. э. и насчитывающей 72 стиха [10, с. 12–16, 59]. Древнеиндийский цикл познания и смены исторических эпох противопоставил греческой модели, являющейся метрической (равномерной), модель динамическую, согласно которой глубина реализуемых познавательных процессов на каждом отдельном этапе цикла прямо пропорциональна его длительности: « $4 + 3 + 2 + 1$ » – для убывающей и « $1 + 2 + 3 + 4$ » – для восходящей дуг познания. Приведённые значения те же, что и в пифагорейском тетрактисе, но значение «4» указывает на максимум реализации познавательной способности, открывающей понимание божественных тайн мироздания, а значение «1» – на ограничение восприятия внешней формой явлений и объектов. Впрочем, атрибут совершенства, которым древние греки наделили «четверницу», сопоставим с древнеиндийским подходом. Греческое слово *tetragōnos* (соотв. *лат. quadratus*) использовалось для обозначения «квадратного человека», то есть «бравого человека»: «”Всегда или большей частью будет поступать и мыслить согласно добродетели и будет наилучше переносить случайности и будет всегда вполне гармоничен тот, кто поистине хорош и устойчив (*tetragōnos*) без упрёка” (Aris. Ethic N. I.11, 1100b19). “Является метафорой называть хорошего (*agathos*) человека четырёхугольным” (Arist. Rhet. I1111, 1411b27). Выражение “квадратный умом” читаем у Платона: “Действительно, трудно

во всех отношениях сделаться человеком, хорошим, совершенным во всех отношениях [буквально “четырёхугольным по рукам, ногам и уму”]” (Plat. Prof. 339b)» [9, с. 332–333]. В морально-этическом плане понятие «совершенство» очерчивалось четырьмя главными добродетелями: умеренностью, мужеством, мудростью, справедливостью.

Использование приведённых выше числовых рядов позволило уже в древнеиндийский период перейти к целочисленному описанию цикла, известного в термодинамике как цикл Карно. Однако для моделирования реальных временных процессов требовалось дополнение к каждому основному периоду двух переходных (один до и один после): $(0,4 + 4 + 0,4) + \dots + (0,1 + 1 + 0,1) = 12$, причём длительность каждого переходного периода составила 1/10 от длительности периода основного. Цикл в целом измеряется 24 этапами, что делает возможным его опытное рассмотрение на примере суточного цикла, введённого греческим учёным Клавдием Птолемеом во II в. н. э. [7, с. 178]. В нисходящем онтологическом ряду 25-элементной модели саанкхьи совокупное число природных элементов также равно 24-м: 8 из них составляют группу Праkritи (с 24-го по 17-й), 16 – грубоматериальные элементы (с 16-го по 1-й): ум (*скр.* manas), 5 органов чувств (*скр.* indriyaaNi), 5 органов восприятия (*скр.* karmendriyaaNi) и 5 объектов восприятия (*скр.* bhutaani) [5; 10].

В 2011 г. в целях создания опытной динамической модели автором настоящей статьи была предложена 240-летняя модель цикла, образуемого четырьмя китайскими 60-летними циклами с 1804 по 2043 год [6, с. 126–130]. Ранее внимание было обращено на синхронию событий в сопоставимых сегментах 60-летних циклов [6, с. 131–135].

История вопроса. В древнеиндийской концепции познания и смены исторических эпох происходит разработка онтологической четырёхуровневой модели, известной каждому с детства по сказочному мотиву о золотом, серебряном, медном и железном веках или же царствах. Данная концепция обычно упоминается кратко в текстах той или иной традиции, а также в эпосах. Так, в «Книге лесной» (3.148) эпоса «Махаабхаараты» Бхиима, самый сильный из пятерых паандавов, главных персонажей этого эпоса, получает наставление о циклах исторического развития от своего сводного брата Ханумаана, волшебной-

обезьяны, известной как помощник и преданный Раамы [11, с. 297–301; 12, с. 302–304], причём события поэтического эпоса «Раамааяна» происходили примерно на 500 лет раньше событий эпоса «Махаабхаарата». Встреча персонажей, оба из которых были сыновьями бога Ветра, произошла на горной гряде, сопоставимой с Уралом: она была богата минералами, рудами, озёрами и живностью, ориентирована с севера на юг и постепенно повышалась к северному пределу, за которым смертным хода нет. В русском былинном эпосе мотив встречи этих двух персонажей отражён в былине о земной тяге: как Бхиима не смог поднять хвост волшебной обезьяны, преградившей своим хвостом путь, так и Святогор не смог поднять суму, лежащую на тропинке [1, с. 213–214, 220]. Бхиима, разъярённый по причине вынужденного изгнания и жаждавший борьбы со сводными братьями кауравами, ставшими олицетворением зла, совершал свой бег к северному пределу, где и был остановлен Ханумааном.

Согласно наставлению, полученному Бхиимой от этого волшебного персонажа, каждая из четырёх эпох представляет собой особое духовное измерение. При переходе от одной эпохи к другой восприятие истины то уменьшается на четверть, пока не достигнет низшей точки, то прибывает в том же объёме снова:

$$(4,8 + 3,6 + 2,4 + 1,2) + (1,2 + 2,4 + 3,6 + 4,8) = 24 \quad (1).$$

Эпоха Крита (*скр.* kRta- *скр.* «золотой век; первый мировой период; священнодействие; сторона игральной кости с четырьмя очками; сделанный; исполненный; хороший»; числ. символ – «4»; цвет. символ – белый) – век Истины, Дхармы, когда нет необходимости в ритуалах, нет болезней, люди не умирают. Второе название этого периода – Сатъя, однокоренное с русским существительным «суть». В эпоху Трета (числ. символ – «3»; цвет. символ – красный), становится необходимым соблюдение обрядов, люди предаются подвижничеству и раздают дары бедным. В эпоху Дваапара (числ. символ – «2», цвет. символ – жёлтый) – единая Веда (т. е. священное знание) разделяется на четыре, преобладают болезни, страсть становится главным движущим мотивом. В эпоху Кали (*скр.* kali- *м.* «сторона игральной кости с одним очком»; числ. символ – «1»; цвет. символ – чёрный: *скр.* kāla- ‘чёрный, тёмный; тёмно-синий’, kālāḥ *м.* ‘срок; время; судьба;

смерть') – дхарма, жертвы, обряды исчезают, преобладают шесть напастей (болезни, лень, грехи, начиная со злобы, стихийные бедствия, страдания, недуги). Основные значения «ссора, раздор» слова *kali*- служат качественной характеристикой этой эпохи.

Пожалуй, единственная актуализация древнеиндийского цикла познания и смены исторических эпох в контексте актуальных исторических событий была дана Шри Юктешваром Гири в предисловии к его книге «Святая наука» («Кайвалья даршанам»), уточняющем специфику актуального исторического периода. Книга была издана в 1894 году по поручению Баабааджи, одного из учителей Восточной духовной традиции. Перед автором была поставлена задача по донесению до западной общественности сущности великих писаний Индии. Публикация была предпринята в целях устранения религиозных противоречий и расхождений между учениями Востока и Запада. В 1949 г. индийское общество «Йогода сатсанга» переиздало её, русский же перевод был опубликован в переводе с английского в 1991 г.

Шри Юктешвар Гири характеризует время как космологический процесс, управляющий Вселенной, из-под воздействия которого никто из смертных не может уклониться [18, с. 16]. Исследователь обращается к понятию прецессии земной оси, сопровождаемой обратным движением точек равноденствий по Зодиакальному кругу и оцениваемой современными учёными примерно в 26000 лет. В изначальном варианте древнеиндийской концепции, представляющей идеальную схему, цикл составляет около 24000 лет. Шри Юктешвар Гири отмечает, что в период нахождения точки осеннего равноденствия в созвездии Овна наше светило и его звезда-двойник находятся максимально близко к центру Вишну-Набхи, определяемому как «местонахождение творческой силы – Брахмы – магнетизма Вселенной. Брахма управляет дхармой – ментальной силой внутреннего мира» [18, с. 9]. Соответственно, постижение тайн Духа становится возможным при наиболее близком приближении светила к этому центру. «По прошествии 12000 лет, когда Солнце переходит в самую удалённую от Великого Центра Брахмы точку своей орбиты (это событие имеет место, когда точка осеннего равноденствия вступает в границы зодиакального созвездия Весы) ментальная сила – дхарма – падает до такого низкого уровня, что человек оказывается не в состоянии понимать что-либо за

пределами грубой материи. И точно таким же образом, когда Солнце в дальнейшем своём движении вокруг Великого Центра начинает приближаться к ближайшей к этому центру точке своей орбиты, ментальная сила – дхарма – начинает возрастать. Этот рост постепенно достигает своего максимума в другую половину периода, т. е. в следующие 12000 лет» [18, с. 9–10].

Космологическое обоснование познавательных процессов и хода человеческой истории представляется возможным в контексте концепции космического детерминизма, изложенной А.Л. Чижевским в диссертации на степень доктора всеобщей истории «Исследование периодичности всемирно-исторического процесса» (1918), на основе которой позже была опубликована книга «Физические факторы исторического процесса» (1924). Согласно его концепции, малая или сильная интенсивность радиационного фона угнетают жизнеспособность организма, а его умеренное повышение увеличивает жизнеспособность и способствует рождению одарённых людей. А.Л. Чижевский учитывал циклы солнечной активности в 11, 58 и 6000 лет [2]. Последний из периодов может рассматриваться как составляющая 24000-летнего цикла: $6000 \cdot 4 = 24000$.

С точки зрения Шри Юктешвара Гири, ошибка в применении древнеиндийского цикла возникла около 700 г. до н.э., когда махаараж Юдхистхира, старший из паандвов (см. выше), со всеми мудрецами своей свиты в преддверии начала Кали-юги удалился в Гималаи, а знающих людей в свите сына Парикшита не оказалось: «Таким образом, по завершении 2400 лет, составлявших тогда Дваапара-югу, никто не отважился возвестить о наступлении тёмных веков Кали-юги.. <...> первый год наступившей Кали-юги нумеровался как 2401-й, т. е. в неё включалась и вся истекшая Дваапара-Юга» [18, с. 16–17]. После 499 г. н.э. (нижняя точка актуального цикла), когда Солнце стало приближаться к Великому Центру, а интеллектуальная сила расти, противоречие стало очевидным, но попытка его устранения привела к ошибке ещё большей. Был совершён переход к исчислению времени божественными веками. При этом один божественный день был приравнен одному земному году, а длительность века Кали составила «печальное» значение ($30 \cdot 12 \cdot 1200 = 432000$ лет), ставшее причиной того, что древнеиндийская концепция познания потеряла значимость для современной хронологии [18, с. 16].

Относительно 499 г. н. э., установленного Шри Юктешваром Гири в качестве самой удалённой точки цикла, начало нисходящей дуги познания должно было прийти на 11499 г. до н. э. Зону максимальных ограничений в нисходящей дуге познания составляет 1200-летний период с 700 г. до н. э. по 499 г. н. э. Во время этого периода познавательная способность ограничена восприятием внешней формы явлений и объектов. Начало этого периода (т. е. около 700 г. до н. э.) соотносится с осевым временем, установленным К. Ясперсом (800–200 г. до н. э.) как время смены мифологического мировоззрения рациональным переосмыслением традиций, утверждением умозрительного философского метода.

Как констатирует Шри Юктешвар Гири, завершение первого периода восходящей дуги познания (с 500 по 1699 г. н. э., где первые и завершающие сто лет – переходные), было отмечено появлением способности к познанию электрических сил и их свойств. Подтверждением тому служат: обнаружение электричества во всех веществах У. Гилбертом (1600), формулировка законов астрономии И. Кеплером (1609), изобретение К. Дреббелом (Голландия) микроскопа (1621), формулировка И. Ньютоном закона всемирного тяготения (1670), применение Т. Сэвери паровой машины для поднятия воды (1700) [18, с. 15]. В данном контексте период европейского Возрождения выступает как период, ознаменовавший завершение «тёмных» веков Кали-юги, эпоха Просвещения – как переходный период (с 1700 по 1899 г.) а период с 1900 г. – собственно как начало Дваапара-юги (по 4099 г.), имеющей своим содержанием познание «всех электрических явлений, электрических сил и их характеристик» [18, с. 16].

Результаты исследования. Относительно саанкхи онтология цикла познания и исторического развития предстаёт в следующем виде.

Во-первых, трансцендентный Пуруша (порядк. номер – 25), создавая предпосылки для развития, подразделяет себя на четыре подпространства. Этот шаг допускается по аналогии с пространственной моделью индийской Ваасту-видьи, науки о ритуальном освоении пространства и строительстве. Но в ваасту-мандалах проекция осуществляется вовне, результатом проекции становится четырёхконечный прямой крест [5; 13; 15; 16]. В трипольском символе плодородия, известном как ромбо-точечный орнамент,

аналогичное действие производилось внутри ромба, поставленного на угол: в нём выделялись четыре малых ромба. Объяснение выделению в центральном пространстве четырёх подразделений может быть найдено в «Майтриупанишаде» (2.6). По легенде высшее божество, называемое Вишва (букв. «Всё»), посредством мышления проникает в созданные существа, делает их «как бы мыслящими» и приводит их в движение. Для «пробуждения существ» данное божество вынуждено разделиться на пять частей: «Уподобившись ветру, он проник в [них]. Один он не мог [пробудить их]. Он разделился на пять частей: дыхание [в лёгких], дыхание, идущее вниз, общее дыхание, дыхание, идущее вверх, дыхание, разлитое по телу» [17, с. 136]. В настоящем применении четырёх частям, на которые подразделяется целое, соответствуют четыре уровня рассматриваемой модели. «Всё», являя образ целостности, вмещает каждый из этих уровней.

Во-вторых, перед трансцендентальной Праkriti, структурированной восьмичастно, ставится задача по циклическому освоению этой четырёхэлементной парадигмы: $4 \cdot 2 = 8$.

В-третьих, 16 грубоматериальных элементов саанкхи приобретают статус переходных периодов (см. выше).

В качестве опытного рассмотрения древнеиндийской концепции оптимальным представляется обращение к 240-летнему циклу на материалах событий отечественной истории, хорошо известных российскому читателю. Данный цикл рассматривается как система взаимосвязанных элементов, каждому из которых свойственны определённые функции. Для позиционирования этого цикла обратим внимание на 60-летний китайский цикл. Последние четыре цикла начинались в 1804, 1864, 1924 и 1984 гг. Осевые в этом цикле – 1923 и 1924 гг. Следует полагать, что в каждом случае граница двух соседних циклов может выполнять «осевую» функцию, содержательно объединяя те или иные события. При этом один 60-летний период может входить в состав четырёх 240-летних циклов и обнаруживать параллели, свойственные каждому из них.

Особенность 240-летнего цикла в том, что в его центральной части выделяются три 72-летних периода. Так, по 72 года насчитывают: а) 36-, 24- и 12-летний периоды нисходящей дуги цикла; б) 24-, 12-, 12-, 24-элементные периоды,

образующие центральную часть; в) 12-, 24- и 36-летний периоды, восходящей дуги цикла.

Примерами 72-летнего цикла в отечественной истории служат век женских правлений, включающий правления Екатерины I (1725–1727 гг.), Анны (1730–1741 гг.), Елизаветы (1741–1762 гг.), Екатерины II (1762–1796 гг.), и период существования в России коммунистической идеологии (1917–1989). Актуальный яркий пример – период правления Елизаветы II, королевы Англии (06.02.1952–08.09.2022) [4].

Математически точно сработал 72-летний цикл в случае с украинским национализмом. Так, в октябре 1942 г. состоялась «Первая войсковая конференция ОУН(б)», на которой было принято решение о переориентации от Германии на западных союзников, а летом-осенью 2014 г. создавались условия для Евроинтеграции. На третьей конференции ОУН(б) с 17 по 23.02.1943 г. было принято решение о начале вооружённой борьбы как с советскими партизанами, так и с нацистами, поляками, а с 18 по 22 февраля 2014 произошёл нацистский переворот в Киеве [4].

В качестве средства для описания восьмизначного цикла ранее была предложена концепция поэтических переживаний, представленная в древнеиндийском трактате Бхараты о драматическом искусстве «Наатья-щаастра» (между II в. до н. э. и II в. н. э.). Согласно этому трактату, начальными являются 8 поэтических переживаний, учитывающихся и в современной кинопродукции Болливуда. В ходе анализа отечественных литературных текстов [3, с. 83–89; 6, с. 76–83] был установлен следующий порядок их реализации: 1) страстное (*скр.* ShRNgaaga- м. «страстное; нарядное, красивое»), 2) героическое (*скр.* viira м. – наличие как некой серьёзной проблемы, так и возможностей по её разрешению), 3) одиозное (от *лат.* odiosus «ненавистный, противный»; *скр.* biibhatsaa ж. «отвращение» – в силу несоответствия ожиданиям), 4) грозное (*скр.* gaudra- м. «гневное п. п.», «необузданность» – опасность для существования), 5) комическое (*скр.* haasya- *скр.* – неловкие действия, насмешка судьбы), 6) волшебное (*скр.* adbhuta- *скр.* «таинственное, дивное, чудное» – чудесное происшествие, устранение препятствий через нарушение мира обыденного), 7) боязливое (*скр.* bhayaanaka- *скр.* – переход через смертную черту), 8) печальное (*скр.* karuNa- м. «грустное, печальное», «жалкое, плачевное»). Печальное в качестве завершающего поэтического переживания приобретает дополнительные

функции достижения, всевмещения (мирное взаимодействие антагонистов), возвышенности, так как это результат всех предшествующих этапов, возвышающийся над ними (*греч.* páθος «страдание, страсть, возбуждение, воодушевление»). В силу этого актуальным становится сострадание тому, кто охвачен печалью. Отсюда авторская интерпретация восьмого поэтического переживания как сострадательно-патетического. Далее эти характеристики будут использоваться для обобщённого определения духа времени:

1. Страстное	+ 8. Печальное*
+ 2. Героическое	+ 7. Боязливое
+ 3. Одиозное	+ 6. Волшебное
+ 4. Грозное	+ 5. Комическое
- (2).

*Авторская интерпретация: сострадательно-патетическое

Динамическую структуру древнеиндийской модели отличает «широкий» характер первых двух и завершающих двух этапов (4800, 3600, ..., 3600, 4600 лет). Центральные четыре этапа относительно кратковременны (2400, 1200, 1200, 2400). Это открывает возможность для их обобщённого рассмотрения. Подобный подход представлен в концепции 5 форм правления, предложенной Платоном («Государство», кн. 8–9):

I (1). Тимократия	V (8). Аристократия
II (2). Олигархия	IV (7). Тирания
III (3–6). Демократия	(3),

а также в концепции 5 экономических формаций, принятой в коммунизме [16, с. 68–73].

Отнесём демократическую форму правления (III) к срединной части цикла (поэтич. переж. с 3-го по 6-е). Платон характеризует её одновременным наличием четырёх основных форм правления, ведущим к хаосу. Соответствующая экономическая формация представлена феодальной раздробленностью.

Тимократическая форма правления (I, позиционно соотв. страстному поэтич. переж.), открывающая в нашем применении пятиэлементный цикл, – форма правления *равных* собственников земли. Во время действия олигархической формы (II, позиционно соотв. героическому поэтич. переж.) происходит консолидация ресурсов и усилий. Тирания консолидирует власть (IV, позиционно соотв. боязливому поэтич. переж.). Аристократическая форма правления (V, позиционно соотв. сострадательно-патетическому

поэтич. переж.) рассматривается как стадия развития духовных потенциалов (*равенство духа*).

Осевые в рассматриваемом цикле – 1923 г., известный как первый год существования СССР, и 1924 г., в начале которого молодая Россия осталась без Ленина. Далее рассматриваются периоды, расположенные симметрично и содержащие исторические параллели.

12-летние периоды.

Период с 1912 по 1923 гг. включает грозные события (грозное поэтич. переж.) Первой мировой (2014–2018) и гражданской войн (2018–2023), иностранной интервенции (2018–2021).

Период с 1924 по 1935 г. – период укрепления советской власти, индустриализации, преодоления сложностей предшествующего этапа. Комическое поэтическое переживание часто принимает характер неловких действий (первые шаги СССР) и «насмешки судьбы» (смерть В. Ленина в 1924 г.). Для «духа» того периода характерно наличие авторитета Сталина, запретов, репрессий, что составляет параллель со стадией IV (тирания) формулы 3 (или её проекцию).

24-летние периоды.

Период с 1888 по 1911 гг. примечателен отходом от демократических реформ (см. далее), печальными событиями Русско-японской войны 1905 г. и революции 1905–1907 гг. Дух этого периода отражает одиозное поэтическое переживание, коренящееся в неприятии социальной реальности. Результатом этого неприятия стало активное вовлечение рабочих в революционное движение. В истории Самары начало этого периода отмечено прибытием семьи В.И. Ульянова (пребывание с 1889 по 1893 гг.). Принято считать, что покинул Самару он уже как Ленин, хотя псевдоним появился в 1901 г.

Период с 1936 по 1959 гг. – период непосредственно предшествующий и последующий за событиями Второй мировой войны (01.09.1939–02.09.1945). Это время «волшебное» тем, что, как в сказке, вместе с разрушением мира обыденного разрушается и то, что мешало движению в будущее. Одна из реализованных возможностей этого периода состоит в перемещении советской промышленности на Восток. Волшебное мироощущение возникло с запуском первого искусственного спутника Земли (04.10.1957), открывшим начало космической эпохи.

- 36-летние периоды.

Период с 1852 по 1887 гг. открывается событиями Крымской войны, известной как Нулевая мировая (10.1853–03.1856). Героическое поэтическое переживание предполагает наличие серьёзной опасности, для преодоления которой достаточно сил. Таковы были итоги Крымской войны: Россия выстояла, но ей пришлось идти на некоторые уступки перед западной коалицией, которая не достигла своих целей, но преуспела в сдерживании России (функция олигархической формы правления). На этот же период пришлась русско-турецкая война за освобождение южных славян (1877–1878). Продажа Аляски (1867) – единственная крупная территориальная потеря этого периода.

Крестьянская, земская, судебная, городская, образовательная реформы, проводимые с 1861 по 1870 гг., требовали от Александра II значительного мужества. По сравнению с этим «великим» временем правление Александра III (02.03.1881–20.10.1894) было временем «малых» созидательных дел. В начале рассматриваемого периода широкое распространение получило народничество (1860–1870), возникшее в среде разночинной интеллигенции, земских служащих и небогатого дворянства. Чуть позже последовала организация первых революционных организаций (1875, 1876). В завершающей части этого периода в качестве героических действий воспринимались революционно настроенными гражданами террористические акты против должностных лиц (1878–1881).

Период с 1960 по 1995 гг. закончился распадом СССР, самой крупной страны мира, и значительно большими уступками перед капиталистическим Западом. Боязливое поэтическое переживание, определяющее дух этого времени, может быть соотнесено, с одной стороны, с холодной войной. Оно контрастирует с героическим поэтическим переживанием симметричного периода. С другой, его порождает переход через смертную черту, в данном случае – через распад страны, который происходит в силу исчерпанности сил и возможностей. На соответствующей стадии актуальной становится такая форма правления, как тирания, реализованная в глобальном масштабе. Это проявилось в том, что к 1995 г. была установлена однополярная модель, состоящая в мировом господстве США.

- 48-летние периоды.

Период с 1804 по 1851 гг. содержит две взаимосвязанных тенденции. С одной стороны, мы имеем наполеоновские войны (11.1799–06.1815) в Европе, с другой, – установление Россией, Пруссией, Австрией Священного Союза (1815), нацеленного на подавление любых революций и действовавшего до конца 1840-х. Побуждающий мотив для каждой революции – проблема неравенства (сравни с принципом равенства в тимократии), а движущая сила – страстное начало.

Период с 1996 по 2043 гг., в середине которого мы сейчас находимся, имеет своим содержанием постепенный переход от однополярной модели мира к многополярности, которая состоит в мирном существовании разных форм государственной и политической организации, культурной и религиозной принадлежности. Таково содержание как сострадательно-патетического переживания, так и аристократической формы правления в концепции Платона. Можно ожидать, что в 2025 г. (симметрично 1815 г.) Россия займёт

позицию в мире, сопоставимую с отмеченным выше лидерством в Священном Союзе (1815).

Выводы. В ходе анализа было предложено онтологическое обоснование четырёх уровней древнеиндийской концепции познания, сформированное с учётом сопоставимых хронологических моделей древности, числовой модели индийской саанкхьи, а также культурных практик. Предпринятый анализ микромоделей древнеиндийского цикла на примере 240-летнего цикла позволил обнаружить симметричное расположение ключевых событий истории относительно центральной точки цикла. В анализе этой микромоделей в качестве общей характеристики процессов учитывались пятиэлементная концепция форм правления Платона и для определения «духа времени» – концепция поэтических переживаний древнеиндийской поэтики. Кроме того, в центральной части данного цикла было обнаружено действие 72-летнего ритма, обусловленного структурными особенностями рассмотренного цикла.

1. Былины / [под общ. ред. В. И. Чичерова]. – М.: МГУ, 1957. – 515 с.
2. Виноградов, Е. С. О физических факторах интеллекта / Е. С. Виноградов // Вопросы психологии. – 1989. – № 6. – С. 108–114.
3. Денисов, Д. В. Общие макроалгоритмические закономерности развёртывания текстовых структур: на стыке методологий Востока и Запада: монография / Д. В. Денисов. – Самара: СамГУПС, 2009. – 238 с.
4. Денисов, Д. В. Онтологические основания классификации исторических циклов / Д. В. Денисов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24, № 87. – С. 53–61. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-87-53-61.
5. Денисов, Д. В. Отражение онтологической модели саанкхьи в пространственной организации индийских васту-мандал // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23, № 80. – С. 60–67. DOI: 10.37313/2413-9645-2021-23-80-60-67.
6. Денисов, Д. В. Универсальная восьмерица: мера времени, человека и истории: монография / Д. В. Денисов. – Самара: СамГУПС, 2011. – 178 с.
7. Климишин, И. А. Календарь и хронология / И. А. Климишин. – М.: Наука, 1990. – 480 с.
8. Лазарев, С. С. Онтология точности и прогностичности / С. С. Лазарев // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 113–127.
9. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. Т. 1. Рождение эстетики. – М.: «Изд-во АСТ», 2000. – 511 с.
10. Лунный свет Санкхьи / [пер. с санскр. и комм. В. К. Шохина]. – М.: Ладомир, 1995. – 326 с.
11. Махабхарата. Выпуск VI. Лесная (книга III, гл. 80–175, 311–315) / [пер. с санск. Б. Л. Смирнова]. – Ашхабад: Ылым, 1989. – 584 с.
12. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва) / [пер. с санск. Я. В. Василькова, С. Л. Невелевой]. – М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1987. – 799 с.
13. Первоначала как фактор организации и освоения пространства: генезис, число, топология, вероятность, классификация: монография / Д. В. Денисов, М. Ю. Журавлёв, Н. Ю. Медведева и др.; под общ. ред. Д. В. Денисова. – Самара: Изд-во СамГУПС, 2016. – 352 с.
14. Платон. Собрания соч. в 3-х т. – Т. 3. – Часть 1. – М.: Мысль, 1971. – 487 с.
15. Тюлина, Е. В. Храм, мир, текст: вастувидья в традиции пуран. – М.: Вост. лит., 2010. – 255 с.
16. Универсальная топология процессов генезиса и самоорганизации: от числовых моделей бытия к секторальной модели освоения пространства: Монография / Д. В. Денисов, М. Ю. Журавлёв, Н. Ю. Медведева и др.; под общ. ред. Д. В. Денисова. – Самара: «Слово», 2022. – 320 с.
17. Упанишады. В 3-х книгах. Книга 2 / [пер. с санскр. А. Я. Сыркина]. – М.: Гл. ред. вост. лит.-ры, Научн.-изд. Центр «Ладомир», 1992. – 336 с.

18. Шри Юктешвар, Гири. Святая наука / Шри Юктешвар Гири; [пер. с англ. И. Л. Шабохина]. – М.: Прометей, 1991. – 88 с.

ONTOLOGICAL FOUNDATIONS AND CURRENT APPLICATIONS OF THE ANCIENT INDIAN CONCEPT OF KNOWLEDGE AND HISTORICAL DEVELOPMENT

© 2023 D.V. Denisov

*Denis V. Denisov, Candidate of Culture Sciences, Associate Professor
of the Department of linguistics*

E-mail: denisansk@gmail.com

*Samara State Transport University
Samara, Russia*

The author of the article continues to consider the possibility of constructing the cycle theory based on ancient Indian material. The ancient Indian concept of cognition and historical development arose in the context of the eight-element ontological models of antiquity. It is distinguished by the quantitative expression of qualitative characteristics. Special coefficients allow the transition from the "ideal" model to the modeling of real historical processes. The article clarifies the reasons why in the "axial" period in the application of this concept there was a transition to measuring time by divine ages, which made it irrelevant for measuring human history. The purpose of the analysis is to include the ancient Indian cycle into the scientific interdisciplinary discourse. The subject of research is the ontological levels that constitute this model. A 240-year period of national history is used as a micromodel of the analyzed cycle. The analysis takes into account comparable chronological models of antiquity, the numerical model of the Indian Sankhya, as well as cultural practices. When determining the general characteristics of the processes, the author applies the Plato's concept of government forms. When defining the "spirit of the times" he takes into account the concept of poetic experiences of ancient Indian poetics. The central part of this micromodel reveals the action of the 72-year rhythm, due to its structural features of the ancient Indian cycle.

Keywords: history, historical processes, historical development, historical cycles, cycle of knowledge, theory of knowledge, ontological modeling, functional-topological approach, Ancient India

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-60-69

1. Byliny (Epics) / [Pod obshch. red. V. I. Chicherova]. – Moscow: Moscow University Press, 1957. – 515 p.
2. Vinogradov, E. S. O fizicheskikh faktorah intellekta (On the physical factors of intelligence) // Voprosy psihologii. – 1989. – № 6. – pp. 108–114.
3. Denisov, D. V. Obshchie makroalgoritmicheskie zakonomernosti razvyortyvaniya tekstovykh struktur: na styke metodologij Vostoka i Zapada (General macro-algorithmic patterns of unfolding text structures: at the intersection of the methodologies of East and West). – Samara: SSTU Press, 2009. – 238 p.
4. Denisov, D. V. Ontologicheskie osnovaniya klassifikacii istoricheskikh ciklov (Ontological basics for classification of historical cycles) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, medikobiologicheskie nauki. – 2022. – Vol. 24. – № 87. – pp. 53–61.
5. Denisov, D. V. Otrazhenie ontologicheskoy modeli sankkh'i v prostranstvennoj organizacii indijskikh vastu-mandal (Reflection of the samkhyas' ontological model in the spatial organization of the indian vastu-mandal) // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, gumanitarnye, medikobiologicheskie nauki. – 2021. – Vol. 23, № 80. – pp. 60–67.
6. Denisov, D. V. Universal'naya vos'merica: mera vremeni, cheloveka i istorii (The Universal Eight: A Measure of Time, Man and History). – Samara: SSTU Press, 2011. – 178 p.
7. Klimishin, I. A. Kalendar' i hronologiya (Calendar and chronology). – Moscow: Nauka Publ., 1990. – 480 p.
8. Lazarev S. S. Ontologiya tochnosti i prognostichnosti (Ontology of accuracy and predictability) / S. S. Lazarev // Voprosy filosofii. – 2004. – № 1. – pp. 113–127.
9. Losev, A. F. Istoriya antichnoj estetiki. Rannyya klassika. T. 1. Rozhdenie estetiki (History of ancient aesthetics. Early Classic. Vol. 1. The birth of aesthetics). – In 2 vol. – Moscow: AST Publ., 2000. – 511 p.
10. Lunnyj svet Saankh'i (The Moonlight of the Sankhya) / [transl. from Sanskr. and comm. by V.K.Shohin]. – M.: Lodomir, 1995. – 326 p.

11. Makhabkharata. Vol. VI. Lesnaya (Book III. 80–175, 311–315) (Mahabharata. Vol. VI. Forest / [transl. from Sansk. B. L. Smirnova]. – Ashkhabad: Ylym, 1989. – 584 p.
12. Makhabkharata. Kniga tret'ya. Lesnaya (Aran'yakaparva) (Mahabharata. Book three. Forest (Aranyakaparva)) / [transl. from Sansk. Ya. V. Vasil'kova, S. L. Nevelevoy]. – Moscow: Nauka Publ., 1987. – 799 p.
13. Pervonachala kak faktor organizacii i osvoeniya prostranstva: genezis, chislo, topologiya, veroyatnost', klassifikaciya (Origins as a factor in the organization and development of space: genesis, number, topology, probability, classification) / Ed. by D.V.Denisov. – Samara: SamGUPS Press, 2016. – 352 p.
14. Platon. Sobraniya soch. v 3-h t. (Plato. Collected works in three volumes). Vol. 3. Part 1. – Moscow: Mysl' Publ., 1971. – 487 p.
15. Tyulina, E. V. Khram, mir, tekst: vaastuvid'ya v traditsii puran (The temple, the World, the Text: Vastuvidya in the Tradition of the Puranas). – Moscow: East literature Publ., 2010. – 255 p.
16. Universal'naya topologiya processov genezisa i samoorganizacii: ot chislovyh modelej bytiya k sektoral'-noj modeli osvoeniya prostranstva (Universal topology of the processes of genesis and self-organization: from numerical models of being to a sectoral model of space exploration) / Ed. by D. V. Denisov. – Samara: Slovo Publ., 2022. – 320 p.
17. The Upanishads. In 3 volumes. Vol. 2 / [transl. from Sanskrit by A.Ya. Syrkin]. – Moscow: East literature Publ., Scientific-ed. Center "Ladimir", 1992. – 336 p.
18. Shri Yukteshvar, Giri. Svyataya nauka (Kaivailya darshanam); [transl. from English by I. L. SHatohina]. Moscow: Prometej Publ., 1991. – 88 p.

УДК 316.74 (Институты культуры)

РОЛЬ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ГАСТРОНОМИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЙ В ФОРМИРОВАНИИ ТОЛЕРАНТНОГО И ИНТОЛЕРАНТНОГО ОБЩЕСТВА

© 2023 В.А. Ермолаев

*Ермолаев Владимир Александрович, доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры «Биотехнологии и производства продуктов питания»*

E-mail: ermolaevla@rambler.ru

**Кузбасская государственная сельскохозяйственная академия
Кемерово, Россия**

Статья поступила в редакцию 15.11.2022

Статья посвящена выявлению роли гастрономических различий между культурами в формировании толерантного и/или интолерантного общества. Автор в первую очередь рассматривает понятие толерантности и интолерантности. Формирование определенного отношения одного субъекта к другому, как было выявлено, может иметь в итоге неодинаковый уровень, а в том числе и в разных сферах жизни. Толерантность в указанном контексте – это не просто способность принимать культуру другого человека (людей), но и каким-либо образом принимать в ней участие либо осуществлять с ней активное взаимодействие. На этом основании можно говорить о том, что толерантность имеет ряд функций, которые справедливы как отдельно для личности и группы, так и для целых институтов: стабильность в обществе, сокращение числа конфликтов между представителями разных культур, формирование основ для воспитания будущего поколения и т.д. Воспитание толерантности имеет зависимость от форм общественного сознания, одной из которых является религия. Именно в религиозно-культурных рамках более всего можно отметить межкультурных различий, в том числе способы и уровень реагирования субъектов на эти различия. Приводятся несколько факторов, посредством которых обуславливается существование толерантности как необходимости сосуществования различных групп населения: бедность и богатство, а также четыре мировых религии, в рамках которых наибольшим различием можно назвать гастрономические. Проведенный теоретический анализ и опрос представителей различных конфессий показал, что уровень толерантности выше всего у христиан. В заключении предложена собственная интерпретация термина гастрономическая толерантность – способность субъекта проявлять готовность к проявлению терпимости к гастрономической культуре других субъектов, к принятию факта ее существования и созданию условий для ее развития, по возможности, и участия в реализации такой культуры.

Ключевые слова: толерантное общество, интолерантное общество, гастрономическая культура, межкультурные отличия, гастрономическая толерантность
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-70-78

Введение. Гастрономические практики в любом обществе складываются под влиянием различных статусов, характерных для той или иной группы людей или отдельного человека. Еще в первобытные времена пища была показателем принадлежности к тому или иному слою, на сегодняшний день эти различия также сохраняются, приобретая иногда и религиозный оттенок. Следует напомнить, что гастрономические различия иногда не позволяют людям вместе принимать трапезу, а значит, чаще всего, и общаться между собой, поскольку, во-первых, процесс употребления пищи во все времена особенно у состоятельных сословий, был скорее фоном для общения, чем самостоятельным действием, в

отличие от людей менее состоятельных; а, во-вторых, кардинальные религиозные различия требуют от верующих определенного гастрономического и общественного поведения. По указанным причинам сообщества, различающиеся, в первую очередь, гастрономическими пристрастиями, толерантны друг к другу, либо, наоборот, испытывают неприязнь, не желают не только совместно принимать трапезу, но и находиться рядом, сотрудничать и т.д., т.е. интолерантны.

Таким образом, гастрономические различия, которые чаще всего носят межкультурный характер, выступают как факторы, обуславливающие формирование соответствующих видов общества: толерантного либо интолерантного.

Методы исследования: исторический, логический, структурно-функциональный, семиотический

История вопроса. **Толерантное и интолерантное общество.** Толерантность как свойство современного человека стало популярным и обсуждаемым в последние двадцать лет – буквально с начала 1990-х гг. данный термин из устаревшего (каковым его признали в 30-хх гг. в СССР) превратился в современный и стал претендовать на приоритетную этическую доктрину. Толерантность приобрела большое значение в связи с тем, что в последнее время начавшееся объединение человечества или, иными словами, глобализация, может привести к слиянию культур, что, на наш взгляд, недопустимо. Именно для сохранения ценностей и национальных культурных особенностей от навязывания иных постулатов и нужна толерантность, поскольку она позволяет не только развивать личность каждого человека в обществе, но и выстраивать человеку отношения с окружающим его миром, в том числе это касается и культур, а также выстраивать невраждебные позиции общения с государством [20].

Понятие «толерантность» в разных культурах раскрывается неоднозначно. В переводе с латинского толерантность означает терпение, а в словарях современного языка определяется как терпимость или снисходительность. Например, В.И. Даль трактовал толерантность еще и как негативное отношение к явлению или свойствам человека, с которыми приходится мириться из необходимости или милости [5].

Воспитание толерантности обусловлено личностными факторами, т.е. готовностью субъекта проявлять терпимость к другим людям, их свойствам, а также событиям. Указанная способность, по нашему мнению, может быть обеспечена возможностью и желанием личности определять свои реальные предубеждения и тенденции поведения, устранять когнитивный диссонанс, снижать напряженности в рамках взаимодействия с другими людьми. Подобная позиция и принятие высокой культуры личности позволяет оказывать влияние на бесконфликтное развитие не только человека, но и всего общества.

При этом толерантность может проявляться в различных сферах общественной жизни и сознания [19], поэтому ее формирование следует осуществлять в различных слоях и группах населения.

Таким образом, можно определить, что толерантность представляет собой готовность субъекта принимать отличия социокультурного характера, общаться в бесконфликтной обстановке и т.д. Субъектами взаимодействия могут являться не только люди, но и социальные институты, организации, группы и т.д. Взаимодействие такого порядка имеет социальные, культурные и исторические особенности и преимущественно ими и определяется.

Понимание толерантности связано с ее функциями, которые реализуются применительно к каждому из субъектов (рис. 1).

Здесь необходимо уточнить, что стабильность общества и профилактика социальных конфликтов предполагает возможность включения в систему ценностей современной гуманистической этики и устранение противоречий между этическими требованиями современных международных документов и реальной деятельностью в политической, идеологической и культурной сферах.

Рассмотренные функции могут меняться и дополняться, в зависимости от условий развития толерантности и функционирования субъекта.

Анализ концепций изучаемого понятия связан с возможностью и сущностью принятия чужих взглядов и поведения. Способность принимать эти особенности возможна как на личностном уровне, так и на групповом, при взаимодействии, соответственно, личностей, либо групп между собой. Следует отметить, что уровень толерантности бывает неодинаков в различных сферах общественных отношений. Так, например, толерантный к пожилым людям человек может быть интолерантным к представителям других национальностей. Безусловно, уровень толерантности зависит от ряда характеристик, таких, как в целом культура личности, в том числе культура этического сознания, уровень удовлетворенности жизнью, тип личности (негативистский или позитивистский) и т.д. [10].

Рис. 1. Функции толерантности применительно к различным субъектам [10]
(Functions of tolerance in relation to various subjects)

На указанные характеристики оказывают влияние преимущественно формы общественно-го сознания, одной из которых является религия, отражающая общественные отношения. Религиозное сознание является одним из наиболее стабильных социально-психологических массовых феноменов, который сыграл большую роль в становлении и развитии человечества. Это, в частности, обусловлено тем, что каждая из религий определяет набор ценностей и установок, передаваемых из поколения в поколение, оказывающих влияние на формирование общества, а точнее, общественных групп, оказывая влияние на жизнь личности в духовном, эмоциональном и волевом плане. Одна из наиболее важных функций религии заключается, по мнению К.Г. Юнга и Э. Фромма, в формировании мировоззрения человека, в том числе и установление смысла жизни. Как считают ученые, личность, у которой утрачено понимание смысла происходящего, становится беспомощной и слабой. Т.е. религия дает возможность человеку на мировоззренческом уровне разрешать противоречия реального мира, достойно преодолевать жизненные невзгоды, страдания и даже смерть, т.к. для религиозного человека они исполнены глубоким смыслом.

В вопросах веры, многообразия религиозного опыта важны позиции взаимной терпимости, уважения между людьми верующими и неверующими, представителями разных конфессий и религиозных традиций; стремление решать конкретные проблемы, их существования на основе диалога, проявляя толерантность, но не как терпимость в виде безразличия или снисходительности, а как возможность иного видения, критического диалога, ведущего к обогащению и личного опыта.

Важно помнить, что опыт веры и участие в религиозной жизни одного человека будут отличаться от опыта религиозных традиций в других культурах и не станут образцом для представителей иных религий. Однако формирование толерантного отношения к лицам другой религии и культуры в настоящее время не является приоритетным в рамках образования, что может привести к позициям интолерантного поведения молодежи.

Поэтому в образовательных программах должны быть отражены позиции взаимной терпимости и толерантности в вопросах веры, в совокупности с формированием культурной идентичности человека (людей) в обществе.

Результаты исследования. Таким образом, толерантность, представляющая собой качество

взаимодействия между субъектом и объектом, проявляющееся в готовности субъекта принимать социокультурные отличия объекта, обусловлена необходимостью сосуществования различных культур в мировом сообществе. В большей степени, как представляется автору, указанные отличия основываются на дифференцированном подходе к питанию в рамках религиозно-культурных особенностей, что создает предпосылки для формирования толерантного или интолерантного общества.

Влияние гастрономических различий на формирование толерантности / интолерантности. Поиск идентичности, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений в современном мире [11]. Идентичность, особенно религиозная и этническая, лежала у истоков с начала развития человеческого общества. Люди часто организуются не вокруг того, что они делают, а на основе того, кем они являются.

В большей степени религиозные и другие культурные группы в рамках национального общества объединяют правила поведения и гастрономических предпочтений – запреты, ограничения и дозволения в еде в определенное время года/месяца/дня, соблюдение атрибутивных правил (например, определенные столовые приборы, сочетания продуктов, одежда, молитвы и т.д.).

На основании этого можно констатировать, что в обществе существует гастрономическое разделение, обусловленное религиозными канонами и культурными особенностями. Например, в рамках некоторых конфессий (протестантизм) пищевые ограничения основываются преимущественно на национальной продуктовой составляющей.

Смещение религиозных и национальных особенностей в питании позволяет говорить о существовании общего культурного кода, посредством которого происходит гастрономическое общение [15], при этом в большинстве случаев можно наблюдать толерантное отношение представителей разных культур друг к другу.

Здесь в качестве культуры мы рассматриваем не только национально-религиозные гастрономические обычаи, традиции и правила, но и социально-общественные: условное деление населения на бедных и богатых таким же образом дифференцирует особенности питания, но уже в рамках одного сообщества. В этом отношении

формируется социальное неравенство, а состояния различных слоев населения, обусловленные достаточностью или, наоборот, дефицитом питания, являются, по нашему мнению, одними из факторов формирования уровня толерантности в обществе. Так, в данном случае можно наблюдать межклассовое [17] неравенство, и отношение к этому феномену формируется с детства, как отмечает Т.В. Дробышева и др., в процессе взаимодействия с богатыми и бедными, под влиянием таких внешних факторов, как общественный дискурс и средства массовой информации. Представления о бедности и богатстве в некоторой степени раскрывают природу толерантности личности к представителям разных классов (слоев) населения. При этом внутренними являются такие факторы толерантности, как самооценка собственного экономического статуса и удовлетворенность им, в том числе оценка уровня по шкале «бедный-богатый» в качестве показателя экономической идентичности и финансовой тревожности (по терминологии Б.Ф. Ломова [8]).

Как можно увидеть из результатов исследования коллектива авторов во главе с Т.В. Дробышевой, уровень толерантности зависит от модальности представлений о бедных и богатых и уровня экономической идентичности. [16]. Как отмечают авторы, разделение на бедных и богатых связано с уровнем дохода, т.е. с экономическим статусом. Следовательно, есть группа населения, которая отличается от остальных и имеет неравные с ним социально-экономические возможности, в том числе и в отношении питания. В рамках этих групп постоянно создается габитус, так как нельзя сказать, что он полностью сформирован, поскольку в обществе постоянно происходят трансформации, меняющие культуру повседневности. Так, габитус людей, проживающих в условиях хронического недостатка питания, предполагает не только потребление более простой и низкоуровневой пищи, но и отсутствие этикета, как правило, в отличие от культуры питания в среде обеспеченных людей.

Как указывает Н.Н. Зарубина [6], действие габитуса проявляется в том, что в повседневной жизни он определяет стиль и культуру питания, где используется не только рациональный выбор, но и подсознательные предпочтения в питании (вкус), сформированные габитусом группы. В конечном счете, практики питания, принятые в указанных сообществах, становятся элементами групповой идентичности.

При этом даже повышение дохода и увеличение стоимости и качества пищи не характеризует изменение привычек и вкусов, согласно исследованиям, проведенным П. Бурдые [2, с. 543].

Т.В. Дробышева с соавторами указывают на то, что формирование толерантности к богатым и бедным происходит в семье, в процессе экономического воспитания [17] и восприятия родительских установок отношения к различным классам в обществе, в том числе и в рамках межкультурной коммуникации. Если говорить об обществе, в котором человек находится в пределах своей национально-религиозной культуры, то как показало указанное исследование, толерантность представляет собой побочный эффект экономико-психологической зрелости, когда на первый план выходят не уровень доходов, а прогнозирование роли финансовых и материальных ресурсов для построения семьи.

Между тем дифференциация на бедных и богатых и их возможностей в плане обеспечения себя качественным и разнообразным питанием является лишь одним из аспектов влияния гастрономических культурных особенностей на формирование толерантного общества. Еще одним аспектом, или фактором, не менее важным, становится, по нашему мнению, религиозная принадлежность личности или группы людей. Данное предположение основывается на том, что гастрономическая религиозная культура весьма специфична и отражает правила и принципы поведения в рамках той или иной конфессии. Следовательно, в подавляющем большинстве случаев по характеру питания (пищевым предпочтениям, времени приема пищи, обрядовой составляющей) можно отнести человека к определенному культу.

Так, например, наиболее известны пищевые ограничения – кошерная и некошерная еда – наблюдается в иудаизме; халяль (разрешенная еда), макрух (допустимая) и харам (запрещенная) – в исламе; вегетарианство – в индуизме [16]. В связи с растущей потребностью верующих в подобающей пище в мире даже стала формироваться индустрия кошерной и халяльной пищи. Например, в начале 90-х годов республиках Башкортастан, Татарстан [3], на Северном Кавказе стали появляться торговые точки, предлагав-

шие верующим халяльные продукты. В России также стал развиваться рынок кошерных продуктов (например, сеть магазинов «Кошер Гурмэ»).

Надо отметить, что в христианстве подобных запретов нет (по Новому Завету), поэтому верующее население преимущественно толерантно относится к гастрономическим проявлениям иных конфессий.

Так, нами всего было опрошено 100 человек, из которых 20 считают, что они глубоко верующие православные христиане (и по 20 для каждой религии – ислам, иудаизм и буддизм). Из них ни один респондент не отреагировал негативно на вопрос толерантности к пищевым запретам и дозволениям верующих других религий, тогда как в идентичной по количеству группе мусульман (сунниты) процент интолерантных верующих увеличился до 0,14% (14 человек), в группе иудеев – до 0,12% (12 человек) (в группе присутствовали литваки и хасиды – приверженцы одноименных ортодоксальных течений в иудаизме), однако в группе буддистов процент интолерантных личностей составил всего 0,03% (3 человека) (рис. 2).

Интолерантное отношение к другим культурам в гастрономическом смысле обусловлено тем, что, по нашему мнению, людям с раннего возраста внушаются нормы поведения согласно Священным писаниям (Библия, Тора, Коран, Трипитака и др.). Например, в иудаизме вполне может обсуждаться такой вопрос, как возможность съесть хлеб, испеченный неевреем (пат нохри) или любое приготовленное им блюдо (бишуль нохри). В Талмуде даже указывается суть подобных запретов – минимизация социальных интеракций с неевреями. Существует также полный запрет на употребление некошерной пищи, даже если она приготовлена евреем. Если все же нееврей пришел в дом к еврею для обсуждения профессиональных вопросов, то и здесь следует соблюдать осторожность – евреев должно быть за столом большинство, а поведение не должно допускать фривольности и легкомыслия. Покупать выпечку у арабов (которые преимущественно исповедуют ислам) в иудаизме запрещено [18].

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о толерантности к пищевым запретам и дозволениям верующих других религий (Distribution of respondents' answers to the question about tolerance to food prohibitions and permissions of believers of other religions)

Что касается мусульман, то здесь надо понимать, что два главенствующих течения – суннизм и шиизм, – имеют существенные различия по уровню толерантности к представителям других религий. Так, например, сунниты менее терпимы к иным верующим, признавая их заблудшими душами. Шииты же более толерантны к религиозной культуре других народов. Несмотря на такие отличия, отношение, сложившееся, по крайней мере, в России, мусульман этих двух течений к христианской культуре, неоднозначное. Большое влияние на уровень толерантности между указанными религиями оказывает, в первую очередь, соответствующая гастрономическая культура. Следует вспомнить, что в Ветхом Завете так же, как и в Коране, говорится о том, что «нечистая» пища имеет те же признаки, что и «нечистые» животные и птицы, т.е. сохраняет свойства исходного продукта, а значит приземляет человека, не дает ему возможности обращаться к Богу, расти в духовном плане, усмирять праздность и т.д. Кроме того, как указывается в Библии, разделяя таким образом пищу, в том числе и предписывая особым образом ее готовить (например, использовать различные пряности, приправы и специи, каждая из которых тоже символизирует какой-либо религиозный аспект), Моисей тем самым убеждает верующих не признавать никого из животных и птиц, которые послужили источником продуктов питания, Богом, так как это считалось бы грехом [9]. Как видим, предписания идентичны тем, что приняты в исламе [14]. Однако следует помнить

о том, что современные православные – преимущественно новозаветные, т.е. исповедуют Новый Завет, где подобных запретов на употребление определенной пищи не существует. Т.е. в действительности религиозные культуры, которые должны быть, согласно Корану, «ближе всех в любви к верующим» [7], в том числе и к представителям других конфессий, в частности, к христианам, так как «среди них есть священники и монахи, и потому, что они не проявляют высокомерия» [6], интолерантны друг к другу, причем нетерпимость проявляется как со стороны мусульман, так и со стороны христиан. Признание христианина или представителя другой религии кафиром [1] («неверным» человека, которые не верит в существование единого Бога; чаще всего христиан признают кафирами, так как, согласно религии, существует Святая Троица, а это, по Корану, наказуемое многобожие) культивируется, и, по нашему мнению, довольно агрессивно; в современном мире, с раннего возраста дети (особенно это касается представителей ислама) следуют заповедям Корана, которые, как правило, истолковываются не совсем верно (как заметили сами верующие). Особенно различие между религиями прослеживается в вопросах питания, так как это – одно из первых, в чем подрастающее поколение видит несовпадение с семейными установками своего круга общения и культуры.

Коран, на наш взгляд, как и Ветхий и Новый Заветы, не проясняет массу вопросов, оставляя их решение на усмотрение верующего. Не пре-

тендую на правильность толкования предписаний Священных писаний, предположим, что проявление толерантного отношения как к самим верующим-христианам, так и к христианской пище в Коране обусловлено тем, что последние проповедуют Ветхий Завет, а не Новый. Как уже указывалось, идентичные запреты и дозволения в питании, а также указание на проявление религиозной терпимости к верующим других конфессий позволяют говорить о формировании толерантного общества в целом, тогда как очевидные различия, когда в рамках одной религии определенная пища (чаще речь идет о «нечистой») недопустима, а в рамках другой – может употребляться практически в любое время (кроме постов – Великого, Петрова, Успенского и др.), допускают формирование интолерантного отношения в обществе к лицам, принадлежащим к иной культуре, по причине допущения, как представляется, переноса свойств пищи на свойства человека. Подобное (о приобретении свойств пищи людьми) мы находим еще в первобытном обществе [13], поэтому сформированный и заложенный еще в тот период развития человечества стереотип, неуместный, конечно, в наши дни, но все же от этого не менее распространенный, обуславливает отсутствие толерантности к людям, употребляющим в пищу запретные продукты.

Более толерантны в отношении питания к другим религиям буддисты. Будучи вегетарианцами, они не имеют предубеждений насчет чистоты пищи, однако запрещено есть мясо коров, лошадей и слонов, а также чеснок и лук. Дело

здесь не столько в свойствах самих продуктов, а в том, какое влияние они оказывают на организм человека – большинство животных просто считаются священными, а лук и чеснок обуславливают выработку гормонов, поэтому не подходят тем, кто находится в самом начале пути совершенствования [12]. При этом религия направлена не на внешнюю атрибутику, а во внутренний мир человека, поэтому каждый сам для себя решает, какие продукты ему есть, кроме, конечно, мяса священных животных. Что касается другой пищи, то по причине отсутствия строгих запретов в питании, буддист преимущественно более толерантен к представителям других религий.

Выводы. Подводя итоги, следует подчеркнуть, что формирование толерантного и интолерантного обществ обусловлены преимущественно различием в гастрономических традициях взаимодействующих субъектов в поликультурном пространстве. Для обозначения способности принимать и проявлять терпимость к пищевым особенностям представителей иных культур, предлагается применить термин «гастрономическая толерантность», используемый, например, в работе В.В. Горбуновой [4], но не раскрытый ею, по нашему мнению, достаточно четко. Поэтому под гастрономической толерантностью следует понимать способность субъекта проявлять готовность к проявлению терпимости к гастрономической культуре других субъектов, к принятию факта ее существования и созданию условий для ее развития, по возможности, и участия в реализации такой культуры.

1. Али-заде, А. Исламский энциклопедический словарь. – М.: Ансар, 2007. – 400 с.
2. Бурдые, П. Различение: социальная критика суждения. Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики. – М.: РОССПЭН, 2004. – С. 537–568.
3. Гараева, А. М. Экономика повседневности мусульман Республики Татарстан: репрезентации «Халяль» // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 244–247.
4. Горбунова, В. В. Гастрономическая толерантность современного Берлина // Язык, культура, ментальность: Германия и Франция в европейском языковом пространстве. – Н.Новгород, 2019. – С. 73–77.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах: Том 4. – М.: Рипол, 2016. – 672.
6. Зарубина, Н. Н. Практики питания как маркер и фактор социального неравенства в России: история и современность // Историческая психология и социология истории. – 2014. – Т. 7. – № 2. – С. 46–62.
7. Коран. Сура 5: «Аль-Маида» («Трапеза») [Электронный ресурс] – URL: <https://islam.global/verouchenie/koran/sura-5-al-maida-trapeza/> (дата обращения 30.09.2022).
8. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
9. Лопухин, А. П. Толкование на книгу Левит [Электронный ресурс] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_03/11 (дата обращения 30.09.2022).
10. Магомедова, М. З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума. – Махачкала: ИПФ «Наука Дагестан», 2009. – 168 с.

11. Муравьев, В. В. Питание населения и духовная культура общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 28. – С. 59-69.
12. Новикова, М. В., Султаева, Н. Л., Галицкий, В. В. К вопросу об особенностях питания приверженцев различных религиозных традиций // Сервис в России и за рубежом. – 2013. – № 5 (43). – С. 96-103.
13. Павловская, А. В. Человек и еда: к истории зарождения традиций питания // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2. – С. 72-82.
14. С чем связан запрет на свинину у мусульман — запрет в Коране [Электронный ресурс]. – URL: <https://islamnur.ru/pochemu-musulmanam-nelzya-svininu/> (дата обращения 30.09.2022).
15. Седых, А. П., Седых, Н. В. Гастрономическая коммуникация как диалог культур: русские и французы // Диалоги без границ: язык, культура, карьера: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Белгород, 10-11 нояб. 2016 г. / М-во образования и науки РФ, НИУ БелГУ; под ред. А.П. Седых. – Белгород, 2017. – С. 116-123.
16. Смолянский, Б. Л., Лифляндский, В. Г. Священная кухня. Религия и питание. – СПб.: Амфора, 2012. – 544 с.
17. Экономико-психологическая зрелость личности в системе отношений с другими людьми: различия в толерантности к бедным и богатым в группе учащейся молодежи / Т.В. Дробышева [и др.] // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: психологические науки. – 2019. – № 4. – С. 16-27.
18. Эссас, Э. Совместная трапеза с неевреем; пища, изготовленная неевреем [Электронный ресурс] URL: <https://evrey.com/sitep/askrabbi1/q.php?q=otvet/q911.htm> (дата обращения 30.09.2022).
19. Gibson, J. Enigmas of intolerance: Fifty years after Stouffer's communism, conformity, and civil liberties // Perspectives on Politics. – 2006. – № 4(1). – Pp. 21–34.
20. Van Doorn, M. The nature of tolerance and the social circumstances in which it emerges // Current Sociology. – 2014. – № 62(6). – Pp. 905-927.

THE ROLE OF INTERCULTURAL GASTRONOMIC DIFFERENCES IN THE FORMATION OF A TOLERANT AND INTOLERANT SOCIETY

© 2023 V.A. Ermolaev

*Vladimir A. Ermolaev, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Production*

E-mail: ermolaevvla@rambler.ru

*Kuzbass State Agricultural Academy
Kemerovo, Russia*

The article is devoted to identifying the role of gastronomic differences between cultures in the formation of a tolerant and/or non-tolerant society.

The author primarily considers the concept of tolerance and intolerance. The formation of a certain attitude of one subject to another, as it was revealed, may eventually have an unequal level, including in different spheres of life.

Tolerance in this context is not just the ability to accept the culture of another person (people), but also to take part in it in some way or to carry out active interaction. On this basis, we can say that tolerance has a number of functions that are valid both separately for an individual and a group, and for entire institutions: stability in society, reducing the number of conflicts between representatives of different cultures, forming the foundations for the upbringing of the future generation, etc.

The education of tolerance depends on the forms of social consciousness, one of which is religion. It is in the religious and cultural framework that intercultural differences can be noted most of all, including the ways and level of subjects' response to these differences.

The author considers several factors that determine the existence of tolerance as a necessity for the coexistence of different groups of the population: poverty and wealth, as well as four world religions, within which the greatest difference can be called gastronomic. –

A theoretical analysis and a survey of representatives of various faiths showed that the level of tolerance is highest among Christians (there are no people with an intolerant attitude among 20 respondents), lower among Muslims (Sunni) (14 out of 20 respondents have an intolerant attitude).

In conclusion, the author proposed his own interpretation of the term gastronomic tolerance – the ability of a subject to show willingness to show tolerance for the gastronomic culture of other subjects, to accept the fact of its existence and create conditions for its development, if possible, and participation in the implementation of such culture.

Keywords: tolerant society, intolerant society, gastronomic culture, intercultural differences, gastronomic tolerance

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-70-78

1. Ali-zade, A. *Islamskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Islamic Encyclopedic Dictionary)*. – М.: Ansar, 2007. – 400 s.

2. Burd'ye, P. Razlicheniye: sotsial'naya kritika suzhdeniya. Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: Khrestomatiya sovremennoy klassiki (Distinction: social criticism of judgment. Western economic sociology: Reader of modern classics). – M.: ROSSP-EN, 2004. – S. 537–568.
3. Garayeva, A. M. Ekonomika povsednevnosti musul'man Respubliki Tatarstan: reprezentatsii «Khalyal'» (The economy of everyday life of Muslims in the Republic of Tatarstan: representations of "Halal") // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2017. – № 4. – S. 244-247.
4. Gorbunova, V. V. Gastronomicheskaya tolerantnost' sovremennogo Berlina (Gastronomic tolerance of modern Berlin) // Yazyk, kul'tura, mental'nost': Germaniya i Frantsiya v evropeyskom yazykovom prostranstve. – N.Novgorod, 2019. – S. 73-77.
5. Dal', V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka (Explanatory dictionary of the living Great Russian language). V 4 tomakh: Tom 4. – M.: Ripol, 2016. – 672.
6. Zarubina, N. N. Praktiki pitaniya kak marker i faktor sotsial'nogo neravenstva v Rossii: istoriya i sovremennost' (Nutrition practices as a marker and factor of social inequality in Russia: history and modernity) // Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii. – 2014. – T. 7. – № 2. – S. 46-62.
7. Koran. Sura 5: «Al'-Maida» («Trapeza») (Koran. Sura 5: "Al-Maida" ("Meal")) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://islam.global/verouchenie/koran/sura-5-al-maida-trapeza/> (data obrashcheniya 30.09.2022).
8. Lomov, B. F. Metodologicheskiye i teoreticheskiye problemy psikhologii (Methodological and theoretical problems of psychology). – M.: Nauka, 1984. – 444 s.
9. Lopukhin, A. P. Tolkovaniye na knigu Levit (Interpretation of the book Leviticus) [Elektronnyy resurs] URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_03/11 (data obrashcheniya 30.09.2022).
10. Magomedova, M. Z. Identichnost' i tolerantnost' kak usloviye stabil'nosti severokavkazskogo sotsiuma (Identity and tolerance as a condition for the stability of the North Caucasian society). – Makhachkala: IPF «Nauka Dagestan», 2009. – 168 s.
11. Murav'yev, V. V. Pitaniye naseleniya i dukhovnaya kul'tura obshchestva (Nutrition of the population and the spiritual culture of society) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 28. – S. 59-69.
12. Novikova, M. V., Sultayeva, N. L., Galitskiy, V. V. K voprosu ob osobennostyakh pitaniya priverzhentsev razlichnykh religioznykh traditsiy (On the question of the nutritional habits of adherents of various religious traditions) // Servis v Rossii i za rubezhom. – 2013. – № 5 (43). – S. 96-103.
13. Pavlovskaya, A. V. Chelovek i eda: k istorii zarozhdeniya traditsiy pitaniya (Man and food: on the history of the origin of food traditions) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. – 2014. – № 2. – S. 72-82.
14. S chem svyazan zapret na svininu u musul'man — zapret v Korane (What is the reason for the ban on pork among Muslims - the ban in the Koran) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://islamnur.ru/pochemu-musulmanam-nelzya-svininu/> (data obrashcheniya 30.09.2022).
15. Sedykh, A. P., Sedykh, N. V. Gastronomicheskaya kommunikatsiya kak dialog kul'tur: russkiye i frantsuzy (Gastronomic communication as a dialogue of cultures: Russians and French) // Dialogi bez granits: yazyk, kul'tura, kar'yera: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Belgorod, 10-11 noyab. 2016 g. / M-vo obrazovaniya i nauki RF, NIU BelGU; pod red. A.P. Sedykh. – Belgorod, 2017. – S. 116-123.
16. Smolyanskiy, B. L., Lifyandskiy, V. G. Svyashchennaya kukhnya. Religiya i pitaniye (acred cuisine. Religion and food). – SPb.: Amfora, 2012. – 544 s.
17. Ekonomiko-psikhologicheskaya zrelost' lichnosti v sisteme otnosheniy s drugimi lyud'mi: razlichiya v tolerantnosti k bednym i bogatym v gruppe uchashcheysya molodezhi (Economic and psychological maturity of the individual in the system of relations with other people: differences in tolerance for the poor and the rich in the group of students) / T.V. Drobysheva [i dr.] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: psikhologicheskiye nauki. – 2019. – № 4. – S. 16-27.
18. Essas, E. Sovmestnaya trapeza s neyevreyem; pishcha, izgotovlennaya neyevreyem (Joint meal with a non-Jew; food made by a non-Jew) [Elektronnyy resurs] URL: <https://evrey.com/sitep/askrabbi1/q.php?q=otvet/q911.htm> (data obrashcheniya 30.09.2022).
19. Gibson, J. Enigmas of intolerance: Fifty years after Stouffer's communism, conformity, and civil liberties // Perspectives on Politics. – 2006. – № 4(1). – Pp. 21–34.
20. Van Doorn, M. The nature of tolerance and the social circumstances in which it emerges // Current Sociology. - 2014. – № 62(6). – Pp. 905-927.

КИНО КАК КУЛЬТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ: СОВРЕМЕННОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

© 2023 Ляо Я.

Ляо Яньни, аспирант факультета искусств

E-mail: sevenflower@vip.qq.com

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 12.12.2022

В данной статье проанализированы возможности использования киноискусства для создания и распространения мифов (политических, социальных, культурных). При этом отмечена роль кино в качестве культурной индустрии, где создание экранной реальности выступает в качестве особого вида мифотворчества, которое оценивается не только с точки зрения экономического эффекта, но, прежде всего, как механизм создания новых оригинальных образов, имеющих социально-терапевтическое значение. Кинопроизведение рассматривается как знаковый ансамбль, при этом определено, что уровень насыщенности знаками и выбор знаковых систем подчинены замыслу автора, соответственно закономерно возникает вопрос: чему «подчинен» сам замысел автора. При этом массовый кинематограф выстраивает свое воздействие таким образом, чтобы адресат получил максимально возможное эмоциональное впечатление с гарантированным удовольствием. Поэтому он «настроен» на «широкую» публику с максимально усредненной степенью восприятия, с максимально известными иконическими знаками. В работе приводится анализ мифологии советского кино, голливудского мифотворчества. По мнению автора данного исследования, создатели современных мифов, не игнорируя термины и понятия «мифотворчество» и «мифологизация», оперируют новым понятием – «мифотехнологии», которые, в зависимости от целей, отличаются для кинематографа тем, что в процессе будет создаваться «новый мифологический образ» или будет использоваться уже существующий.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, кино, киноиндустрия, культурные индустрии

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-79-86

Введение. Разные периоды человеческой истории, отмеченные радикальными преобразованиями, проявлялись в создании мифов. Воспринимая мифологию как начальный этап человеческого сознания, необходимо понимать, что данный процесс не был одномоментным. В ситуации постоянных изменений условий существования человек вновь и вновь пытался «примириться» с действительностью, объясняя в особой «мифопоэтической» форме возникающие противоречия, обретая с ними чувство сопричастности к значимому событию, в визуальной или вербальной форме создавая наглядные образы. Мифотворчество является результатом мифологического освоения мира, которое как процесс не может быть прекращено.

Вполне естественно, что с появлением возможности использования аудиовизуального динамического образа, который создает экранная культура, кинематограф был вовлечен в данный процесс. Экранная реальность, создаваемая кинематографом, является частью жизненного опыта и переживаемой действительности.

При этом, как пишет П.К. Огурчиков, «экранная культура рождает мифы в широком и узком понимании этого слова; она не только искажает реальность в угоду тем или иным социальным и культурным запросам, но и порождает мифы социальной сопричастности, деформирующие представление о себе массового зрителя» [14, с. 134].

Таким образом, можно отметить, что кино (в том числе и в качестве культурной индустрии), создавая экранную реальность, активно участвует в мифотворчестве, и этот процесс может иметь как положительную, так и отрицательную сторону.

Методы исследования. В данной работе использовался метод сравнительного анализа, структурированного наблюдения и индуктивного обобщения.

История вопроса. Общеизвестно академическое отношение к мифу как к вечной духовной субстанции культуры. Мифотворчество же определяется как способ познания мира. Теоретические подходы к пониманию мифа и мифотворчества определяют миф как форму существования

общественного сознания, как некие «правила», содержащие ценностные и социальные ориентиры для осуществления коллективного сосуществования. Как отмечал А.Ф. Лосев, «миф – необходимейшая – прямо нужно сказать, трансцендентально-необходимая – категория мысли и жизни; и в нем нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного или фантастического. Это – подлинная и максимально конкретная реальность» [13, с. 4-5].

Однако XX в. внес свои дополнения в общее понимание мифа, и этот термин стали все чаще использовать для обозначения механизма идеологической ориентации социальных групп, характеризующейся иллюзорностью представляемых образов.

Исследуя знаки и знаковые системы, Р. Барт создал теорию о происхождении и сущности мифа как вторичной знаковой системы, порождающей новые смыслы. Французский ученый трактует миф как способ воздействия на современное общество для достижения определенных целей.

Несмотря на то что Р. Барт подходит к сущности мифа с позиции семиотики, которая исследует знаковые системы через латентные смыслы, требующие декодировки, он полагает, что мифы ничего не скрывают: «Сколь ни парадоксально это может показаться, но миф ничего не скрывает: его функция – не скрадывать, а деформировать» [2, с. 247].

В более поздней статье Р. Барта «Мифология сегодня» дана трактовка «современного мифа»: «"Современный миф" дискретен: он высказывается не в больших повествовательных формах, а лишь в виде "дискурсов"; это не более чем фразеология, набор фраз, стереотипов; миф как таковой исчезает, зато остается еще более коварное мифическое» [21, с. 79].

Р. Барт видел различие в древних (первобытных) и современных мифах. Целью первобытных мифов было построение логической модели для разрешения неких противоречий, что требовало художественно организованного построения (драматического, эпического), повествования. Современные мифы не разрешают противоречия, а направлены на их «натурализацию» [5, с. 16], они не являются повествованием, а лишь сообщением.

Некоторые исследователи [16] считают, что целью Р. Барта было разрушение идеологически иллюзорного мифологического сознания. Для

этого он стремился объяснить механизм создания мифа, показывая «как это работает» [16, с. 195].

Поскольку миф – это особый тип мироощущения, то его невозможно разрушить рациональными доводами и фактами. «Бороться» с ним можно только его же «методами», путем создания «новой» мифологии. Поскольку в 90-е гг. XX в. в России резкая смена политического строя требовала разрушения старых мифов, этот временной отрезок полон подобных примеров. Например, широко известно высказывание В.И. Ленина «...из всех искусств для нас важнейшим является кино», которое вписано во все учебники по истории отечественного кинематографа. Но это тоже миф, поскольку об этих словах В.И. Ленина мы знаем только по рассказу А.В. Луначарского, именно он назвал вождя пролетариата поклонником кино. Нигде в трудах самого В.И. Ленина подобных высказываний мы не найдем.

Иными словами, мифотворчество является закономерным для социальной жизни любого общества вне зависимости от политического и социального устройства.

Е.Н. Шапинская пишет: «Современная мифология охватывает широчайший круг популярных верований, ценностей, предрассудков и мыслительных процессов» [19]. Основной «набор» мифологем (жизнь-смерть, добро-зло, родина-мать, судьба, божественный ребенок и т.д.) создают некий «каркас» общественного сознания, воссоздавая картину мира. В зависимости от обстоятельств (экономических, политических, культурных и проч.) они могут обретать различный смысл.

С другой стороны, последнее свойство позволяет через социально-культурное проектирование обеспечить «успех» того или иного «проекта». Как мифология древнего человека стала основой «рациональной» картины мира, а религиозные представления многие века «руководили» действиями целых сообществ, точно так же нынешние мифы, используемые в качестве способа социальной мобилизации, апеллируя к эмоциям, создают ореол сопричастности и побуждают к действию.

Создатели идеологических мифов используют социальные мифы (основанные на эмоциях, верованиях, надеждах), которые также конструируют альтернативную социальную реальность, ее образ.

На идиоме социальной успешности основывались наиболее удачные идеологические мифы: капиталистический миф говорит о том, что если преуспеть с финансами, то станешь владельцем «заводов, газет, пароходов», а социалистический – о том, что если будет равноправие, то преуспеют все. Идеологизировались мифы о сильном лидере и (или) добром государе. Согласно первому, использовалась формула «крепкое государство = сильный лидер», согласно второму – «доброта = справедливость».

С одной стороны, миф объясняет социально-культурные процессы, с другой стороны, наполняет идеей действенной трансформации реальности, не отвечающей мифологическим установкам. Эти свойства всегда будут востребованы в общественной жизни для получения результата, необходимого в идеологическом, социальном, политическом, экономическом контексте.

Результаты исследования. Вполне естественно, что в культуре возник спрос на создание и «трансляцию» мифов, то есть мифотворчество.

И здесь, на наш взгляд, именно киноискусство обладает наибольшим объемом возможностей для создания мифа, его распространения и оказания наиболее глубокого воздействия на человека и общество.

Р. Барт считал, что «... носителем мифического слова способно служить все – не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама» [2, с. 204].

Знание о том, что художественное произведение обладает особой степенью воздействия, существует со времен Платона [11]. Погружаясь в произведение, получатель информации воспринимает его мир как нечто естественное для себя и не может контролировать воздействие текста, поскольку перестает воспринимать его как внешнее воздействие.

В этом Р. Барт видел одну из самых серьезных угроз со стороны идеологии, проникающей в художественное произведение в качестве мифа, поскольку внутри произведения «получатель теряет иммунитет против идеологии самого произведения, так и против всех тех мелких идеологов, из которых соткан скрывающийся за ними Текст» [11, с. 22].

Кинематограф обладает весьма существенным преимуществом перед классическими искусствами (литературой, изобразительным искусством, музыкой), поскольку аудиовизуальное восприятие способствует более глубокому погружению, неотрывному воздействию в течение

определенного форматом кинопроизведения времени.

А. Базен отмечает: «Как в области пластического содержания кадра, так и в области монтажа кино располагало целым арсеналом средств, чтобы навязывать зрителю свою интерпретацию изображаемого события. К концу немого периода этот арсенал был полностью освоен» [1, с. 27].

Кино имеет возможность создать необходимую коннотацию. Впервые это было доказано знаменитым опытом Л.В. Кулешова, который используя монтаж и демонстрируя зрителю крупным планом лицо актера, определил, что зрителю кажется, будто его выражение меняется в зависимости от продемонстрированного предшествующего кадра.

Анализируя документальное кино, А. Базен отмечает, что монтаж исторических документов (кинохроника), лишь отдаленно относящихся к конкретному описываемому на экране событию, позволяет выстраивать такие логические построения, которые призваны «...не только показывать, сколько доказывать» [1, с. 55]. Исследователь утверждает, что «...таким путем можно убедить зрителей, будто они видят воочию события, на самом деле являющиеся вымышленными и склеенными из чего попало» [1, с. 57].

Анализируя кинопроизведение как знаковый ансамбль, мы неоднократно определяли, что уровень насыщенности знаками и выбор знаковых систем подчинены замыслу автора. Возникает вопрос: а чему «подчинен» сам замысел автора? При этом массовый кинематограф выстраивает свое воздействие таким образом, чтобы адресат получил максимально возможное эмоциональное впечатление с гарантированным удовольствием. Поэтому он «настроен» на «широкую» публику с максимально усредненной степенью восприятия, с максимально известными иконическими знаками. Как отмечают Е.А. Кожемякин и Д.К. Манохин, «...особенности семиозиса игрового кино позволяют интерпретировать его как феномен массовой культуры, который в отличие от рекламы направлен не столько на конструирование системы идей и установок (побудительная функция), сколько на реализацию рационально организованной гедонистической функции дискурса, целью которого является комфорт и удовольствие адресата» [10, с. 128].

Л.Г. Интымакова считает, что качество, определяющее устойчивость современного мифа, зависит от того, «насколько глубоко он побуждает

человека обращаться к "коллективному бессознательному", как к некоему хранилищу общечеловеческих изначальных образов» [9]. Путем воспроизведения универсальных образов, которые для зрителя являются узнаваемыми на бессознательном уровне, «современный миф», как сообщение, встраивается в повествование, основанное на «древнем» мифе. Например, исследователь анализирует фильм «Титаник» (реж. Д. Кэмерон, 1997 г.) и указывает на повторение мифа об Орфее, особенно явно проглядывающем в повествовании, когда корабль тонет: оркестр играет отрывки из «Орфея в аду» Ж. Оффенбаха, а Джек проводит Роуз через «ад» – топку корабля, чтобы спасти. При этом в данном фильме также отчетливо возникает интерпретация новой прогрессивной «американской мечты»: реализация Роуз как свободного от предрассудков человека, равноправие мужчин и женщин, свобода выбора как главная ценность.

Используя образы классической мифологии, обращаясь к древней символической повествованию возвращает человека к утраченной самоидентификации, к истокам, дает прикоснуться к «чуду». Это определяет состав используемых кинематографом моделей мифов: миф о волшебной палочке или золотой рыбке, о благородном герое, о Золушке, миф о дремлющих сверхспособностях и т.д. Используется завораживающая возможность «прикоснуться к божественному», например, разгадав древнюю библейскую тайну, как в романе Д. Брауна «Код да Винчи» и его экранизации (реж. Р. Ховард, 2006 г.). Затрагивая столь сокровенные чувства у массового зрителя, автор мифа «снимает иммунитет» и имеет возможность беспрепятственно «искажать» некие внутренние установки отдельной личности.

В полной мере только кинопроизведение может позволить себе встраивать миф в структуру повествования таким образом, чтобы эту «надстройку» невозможно было заметить. Используя свойство «глубокого погружения» зрителя в иллюзорную реальность, кино выполняет две свои главные функции – мифообразующую и коммуникативную.

В исторической ретроспективе киноиндустрии мы, несомненно, можем найти множество примеров использования киноискусства для создания современных мифов с идеологической направленностью.

Новый социум первых лет советской страны нуждался не только в том, чтобы запечатлеть нынешнее, а «желал» увидеть новый миф – «светлое будущее». Так, идеальные образы были созданы уже на основе новой истории, естественно, с закреплением идеологических основ. Мифология могла возникнуть в отношении не только человеческого образа, но и образа города или региона. Так, документальный фильм «Симфония Донбасса» («Энтузиазм») (реж. Д. Вертов, 1930 г.) не только «описывает» Донбасс как «всесоюзную кочегарку», но и на долгие годы создает этому региону имидж «шахтерской республики». В противовес старой столице Российской империи возникает новая «живая», вечно в движении, столица Москва с ее громадными стройками.

Мифология киноискусства советской страны строилась на новых принципах. Полное крушение старых ценностей требовало новых идеологических основ и идеалов. Возникают образы Революционера, Рабочего, Советского человека, мудрого Вождя. Однако следует согласиться с мнением Г.С. Прожико, что «тридцатые годы были характерны всенародной готовностью осознавать себя в двухуровневой ситуации, когда мир реальный и идеальный сосуществуют в самосознании и в равной степени переживаются» [17, с. 38].

Активизация мифологического сознания с необходимым дополнением древними историческими символами отчетливо отразилась в творчестве С.М. Эйзенштейна. Его новые революционные образы фильма «Броненосец Потемкин» постепенно сменились обращением к истории и поисками символических образов в ней. Так возникла киноэпопея «Александр Невский» (1938 г.) со знаменитым лозунгом «Кто с мечом к нам придёт, от меча и погибнет!», в скором будущем ставшим грозным предостережением, а во время войны – призывом. Далее выходит фильм «Иван Грозный» (1948 г.) о мудром и сильном Вожде, где вторая часть «позволила себе» историческое соответствие, которое не вписывалось в мифотворчество советской киноиндустрии. В результате, первая часть удостоена Сталинской премии, а вторая (1958 г.) так и не вышла в прокат. Не увидел зритель и первую попытку построения нового мифа С.М. Эйзенштейном – мифологизацию образа Павлика Морозова в фильме «Бежин Луг» (1935 г.).

Впоследствии в советском кино будет закреплён и мифологизирован образ Простого Солдата: «Судьба человека» (реж. С. Бондарчук, 1959 г.), «Баллада о солдате» (реж. Г. Чухрай, 1958 г.), «В бой идут одни старики» (реж. Л. Быков 1973 г.), «Дом, в котором я живу» (реж. Л. Кулиджанов и Я. Сегель, 1957 г.), романтизирован образ Рабочего: «Большая семья» (реж. В. Кочетов 1954 г.), «Весна на Заречной улице» (реж. Ф. Миронер и М. Хуциев, 1956 г.), «Иван Бровкин на целине» (реж. И. Лукинский, 1958 г.), «Девчата» (реж. Ю. Чулюкин, 1961 г.), появятся фильмы о достижении «Золушкой» счастья в советском понимании: «Светлый путь» (реж. Г. Александров, 1940 г.), «Свинарка и пастух» (реж. И. Пырьев, 1941 г.), «Девушка без адреса» (реж. Э. Рязанов, 1957 г.).

Можно сослаться и на успех и долголетие голливудского мифотворчества. Как заметил Н.С. Михалков: «Сила американского кинематографа в том, что он создал миф, которому американцы и следуют...» [цит. по: 12]. Нужно заметить, что становление кинематографа в США практически совпадает с сильнейшим экономическим кризисом в стране. Зритель, потерявший опору в реальности, в период социальной неуверенности получил психологическую поддержку в сюжетных построениях фильма – движение от «неуспеха к успеху»: неудачника – к удаче, одинокого – к супружескому счастью, слабого – к победе над сильным, бедного – к богатству и т.д. При этом у киноперсонажа и зрителя были точки соприкосновения: социальные, бытовые, психологические. Таким образом иллюзорная реальность ассоциировалась с реальной жизнью и давала надежду на лучшее. Проецирование качеств киногероя на конкретного человека способствовало созданию «фабрики звезд», эти звезды пополнили ряды «человеческих икон», знаменитых, реально чего-то добившихся людей (спортсмены, изобретатели, художники, музыканты, миллионеры). Впоследствии укрепление экономического благосостояния США позволило экспортировать кинопродукцию по всему миру, с распространением самого главного мифа современности – той самой американской мечты.

Создатели современных мифов, не игнорируя термины и понятия «мифотворчество» и «мифологизация», оперируют новым понятием – «мифотехнологии». В зависимости от целей, мифотехнологии будут отличаться для кинематографа тем, что в процессе будет создаваться «новый мифологический образ» или будет использоваться

уже существующий. Но так или иначе, современные мифотехнологии не упускают возможность использовать мифотворческую функцию кинематографа и его удивительные «магические» свойства в этом вопросе.

Одним из ярких примеров создания мифологического образа Голливудом является образ Джеймса Бонда. Про него еще Р. Барт написал, что он «...красивый объект, который управляет другими объектами; он совершенно гомогенен миру устройств, в котором живёт» [22, с. 1026], отметив, что он не выглядит размышляющим (вспомним, тему размышлений римских патрициев и их «потеющих лбов» в работе того же Барта), но всегда принимает решение, ему неведома усталость, он «износостойкий и не пачкающийся» [Там же]. Однако именно таким он и задуман: красивая рекламная обложка глянцевого журнала по ходу действия рекламирующая все: машины, картины, запонки, шикарные костюмы, – все, что можно отнести к понятию «стиль жизни». Образ Бонда един: красивое атлетическое тело, на котором безупречно сидит никогда не мнущийся дорогой костюм, из-под которого видны полоски чистейших манжет. Этот мифический образ едва не был разрушен, как только его героя попробовали сделать «менее глянцевым» и более эмоциональным в фильме «Лицензия на убийство» (реж. Дж. Глен, 1989 г.). Не удивительно, что исполнитель роли Бонда Тимоти Далтон и два фильма с ним в главной роли стали единственными из бондианы, не номинированными ни на одну кинопремию. В дальнейшем режиссеры больше так не экспериментировали, ставя во главу угла «стиль Джеймса Бонда».

Эксплуатируя уже существующий образ, производители даже не всегда утруждаются приглашать актеров, исполнителей данной роли, для рекламы. Достаточно дать ассоциативное визуальное изображение стиля «а-ля Бонд». Например, рука в белоснежной манжете и предполагаемом дорогом костюме держит ключи от мелькнувшей в фильме последней машины Бонда. Возникающий код мгновенно вырабатывает ответную эмоцию и выстраивает логическую цепочку: если Джеймс Бонд «износостойкий и не пачкающийся» [Там же], значит его машины такие же (а его «парк» в разное время составляли: Астон Мартин, Bentley, Toyota, BMW, Ford Mustang).

В этот момент стоит вспомнить об «Экономике впечатлений» и знаменитом примере со стоимостью чашечки кофе «с видом на Кремль»

[6], в котором «кофе без вида» будет стоить значительно дешевле, чем «кофе с видом», поскольку обещает не только насыщение, но и эмоции. Чтобы необходимая эмоция возникла у человека, нужно создать определенные бессознательные коннотации, при этом желательно в массовом порядке.

Кино, вызывая эмоцию с тенденцией побуждения к действию, позволяет мифу укорениться в сознании и способствует возникновению бессознательного «подражания». При этом, в отличие от навязчивой рекламы, зритель на подсознательном уровне воспринимает информацию. Впоследствии достаточно лишь «всколыхнуть» в памяти едва уловимый образ, и проявятся бессознательные коды. Мы уже отмечали, что продукция киноиндустрии является эмоциональным полем, где происходит осознание человеком фундаментальных понятий эстетики, отражающих многообразие совершенного вне самого человека. Кино способно своими средствами выразительности вызывать специфическое эмоциональное восприятие.

Выводы. Таким образом, кино как культурная индустрия, участвуя «в производстве социального смысла» [18, с. 27], является наилучшим «создателем» мифов. На смену ритуальности приходит погружение в виртуальную реальность. А поскольку культурная индустрия обладает еще и «активным творческим началом для преобразования действительности» [Там же], «проводимость» мифов в кино значительно усиливается.

На наш взгляд, не стоит относиться к этому свойству кино, в том числе с привязкой к понятию культурной индустрии, с негативной оценкой. В конце концов, само кино обязано своим широким распространением коммерческой «жилке» братьев Люмьер, которые популяризировали новый вид творчества с целью «заработать» на продаже изобретенных ими технических устройств для кино съемки, фактически с первых дней «создав» культурную индустрию.

Развитость голливудской киноиндустрии была определена с самого начала стараниями А. Цукора, который создал «систему кинозвезд» [1, с. 148]. Понимая, что кино для большинства зрителей, привыкших к театральным постановкам, является «балаганным развлечением», он начал с того, что скупил права на экранизации лучших драматических произведений, и стал «переманивать» звезд театра в кино. Последнее обеспечить

было тяжелее всего, поскольку публика театра – это «высший свет» и «интеллектуалы», и звезды сцены просто опасались нанести урон собственной репутации участием в «аттракционе». Однако постепенно массовость кино обеспечила актерам небывалую ранее узнаваемость и популярность. Стать «звездой кино» стало престижно и прибыльно. Таким образом, именно массовость стала основой рождения института кинозвезды.

Мифологизированность кино активно используется другими культурными индустриями. Например, образ Парижа как самого романтического города навязан произведениями киноискусства. Это отражается как в желаниях отдельных героев сделать предложение в Париже с видом на Эйфелеву башню, так и в названиях фильмов, которые просто ставят знак равенства между словами «Париж» и «любовь», несмотря на жанр произведения от боевика до романтической комедии («Париж», «Ночь в Париже», «Уикенд в Париже», «Полночь в Париже», «Париж я люблю тебя», музыкальный «Мулен Руж», боевик «Из Парижа с любовью» и т.д.). Вполне естественно, что туристическая индустрия использует данную мифологию для собственной прибыли. Еще более известным примером создания «искусственного» мира в реальности является Диснейлэнд – отдельный мир (теперь уже в пяти городах мира) с созданными сказочными и фантастическими героями анимации и кинопродукции.

При этом, несмотря на то что кино как культурная индустрия относится и к экономическим сферам, главной оценкой мифотворчества, которое в киноискусстве отражается и как создание новых и оригинальных образов, и как преобразование различного мифологического опыта, является не прибыль от продаж, а наиболее полное духовное удовлетворение потребителя. Прибыль же является своеобразным показателем массовости получаемого удовлетворения.

Социологи признают, что одна из функций любого мифа является «...обеспечение иллюзорного равновесия индивида с миром» [8, с. 384], отмечая их терапевтическое значение как для общества в целом так и для отдельной личности. Таким образом, процесс мифотворчества с созданием иллюзорной экранной реальности средствами киноиндустрии является естественным социокультурным процессом, имеющим «древние корни» и получившим новые возможности благодаря технической эволюции.

1. Базен, А. Что такое кино? Сборник статей. – М.: Искусство, 1972. – 383 с.
2. Барт, Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – 351 с.
3. Барт, Р. S/Z. Пер. с фр. 2-е изд., испр. Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
4. Ветров, С. А. Мифотворчество в процессе институциональных трансформаций культуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2013. – № 2. – С. 2–8.
5. Зенкин, С. Н. Ролан Барт – теоретик и практик мифологии. Вступительная статья // Барт Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 5–69.
6. Иванова, Т. Е. «Экономика впечатлений» – инновационная ступень в повышении качества жизни. – URL: <http://www.eco-oos.ru/biblio/konferencii/mezhdunarodnaia-nauchno-prakticheskaja-konferencija-ustoichivoe-razvitiie-ratsionalnoe-prirodopolzovanie-tekhnologii-zdorovia-2011/56/> (дата обращения 15.02.2021).
7. Ивлева, А. Ю. Концепция символических смыслов Р. Барта // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 3. – С. 104–111.
8. Ильин, В. И. Социология потребления / В. И. Ильин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 433 с.
9. Интымакова, Л. Г. Проблема мифологизации и секуляризации сознания в современном обществе // Концепт. – 2013. – Спецвыпуск № 07. – URL: <http://e-koncept.ru/2013/13568.htm> (дата обращения: 15.03.2022).
10. Кожемякин, Е. А, Манохин, Д. К. Семиотические аспекты массовой культуры // Культура и текст. – 2013. – № 1 (14). – С. 115–132.
11. Косиков, Г. К. Идеология. Коннотация. Текст. Вступительная статья // Р.Барт S/Z. / Пер. с фр. 2-е изд., испр. под ред. Г.К. Косикова. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 8–30.
12. Лёвкин, В. Е. Экранная культура и смыслообразование в свете психотехнической методологии // Экранная культура в генезисе смыслообразования / Тюмень, Издательство «Вектор Бук», 2004. – 170 с.
13. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
14. Огурчиков, П. К. Традиции и проблемы экранной культуры в контексте современного коммуникативного пространства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2010. – № 1. – С. 131–139.
15. Пантюхина, Т. Л. Мифотворчество как состояние культуры // Вестник Курганского государственного университета. – 2011. – № 3 (22). – С. 116–118.
16. Позниозкина, И. Ф. Семиолог Р. Барт и социальный миф: современное прочтение // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2017. – № 5 (95). – С. 190–197.
17. Прожико, Г. С. Концепция реальности в экранном документе. – М.: ВГИК, 2004. – 454 с.
18. Хезмондалш Д. Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. – 456 с.
19. Шапинская, Е. Н. Практики массовой культуры. Мифы и герои // Электронный журнал «Культура культуры»: Практики массовой культуры. Мифы и герои (cult-cult.ru). – URL: <http://www.cult-cult.ru/practice-of-mass-culture-myths-and-heroes/?ysclid=160jfwdgu0426946917>(дата обращения: 15.05.2022).
20. Шульга, Н. В. Мифотворчество в средствах массовой информации // Концепт. – 2013. – № 03 (март). – URL: <http://ekoncept.ru/2013/13063.htm> (дата обращения: 15.03.2022).
21. Barthes, R. Le bruissement de la langue. – Paris: Seuil, 1993. – 439 p.
22. Barthes, R. Réponse à une question sur James Bond // Barthes R. Œuvres complètes en 5 tomes / Ed. E. Marty. – Paris: Seuil, 2002. – 1099 p.

CINEMA AS A CULTURAL INDUSTRY: MODERN MYTH-MAKING

© 2023 Liao Ya.

Liao Yanni, graduate student of the Faculty of Arts

E-mail: sevenflower@vip.qq.com

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

This article analyzes the possibilities of using cinema to create and disseminate myths (political, social, cultural). At the same time, the role of cinema as a cultural industry is noted, where the creation of screen reality acts as a special type of myth-making, which is evaluated not only in terms of economic effect, but, above all, as a mechanism for creating new original images of social and therapeutic value. A film work is considered as a sign ensemble, while it is determined that the level of saturation with signs and the choice of sign systems are subject to the author's intention, accordingly, the question naturally arises: what is the author's intention "subject to". At the same time, mass cinema builds its influence

in such a way that the addressee receives the maximum possible emotional impression with guaranteed pleasure. Therefore, it is "tuned" to the "general" public with the maximum average degree of perception, with the most famous iconic signs. The paper provides an analysis of the mythology of Soviet cinema, Hollywood myth-making. According to the author of the article, the creators of modern myths, without ignoring the terms and concepts of "myth-making" and "mythologization", operate with a new concept - "mythotechnologies", which, depending on the goals, differ for cinema in that in the process a "new mythological image" or an existing one will be used.

Keywords: myth, myth-making, cinema, film industry, cultural industries

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-79-86

1. Bazen, A. Chto takoye kino? Sbornik statey (What is cinema? Digest of articles). – M.: Iskusstvo, 1972. – 383 s.
2. Bart, R. Mifologiya (Mythology) / Per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. – M.: Akademicheskii Proyekt, 2008. – 351 s.
3. Bart, R. S/Z. Per. s fr. 2-ye izd., ispr. Pod red. G. K. Kosikova. – M.: Editorial URSS, 2001. – 232 s.
4. Vetrov, S. A. Mifotvorchestvo v protsesse institutsional'nykh transformatsiy kul'tury (Myth-making in the process of institutional transformations of culture) // Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal «Kontsept». – 2013. – № 2. – S. 2–8.
5. Zenkin, S. N. Rolan Bart – teoretik i praktik mifologii. Vstupitel'naya stat'ya (Roland Bart - theorist and practitioner of mythology. Introductory article) // Bart R. Mifologiya / Per. s fr., vstup. st. i komment. S. Zenkina. – M.: Akademicheskii Proyekt, 2008. – S. 5–69.
6. Ivanova, T. Ye. «Ekonomika vpechatleniy» – innovatsionnaya stupen' v povyshenii kachestva zhizni ("Economy of impressions" – an innovative step in improving the quality of life). – URL: <http://www.eco-oos.ru/biblio/konferencii/mezhdunarodnaia-nauchno-prakticheskaiia-konferentsiia-ustoichivoe-razvitie-ratsionalnoe-prirodopolzovanie-tekhnologii-zdorovia-2011/56/> (data obrashcheniya 15.02.2021).
7. Ivleva, A. YU. Kontsepsiya simvolicheskikh smyslov R. Barta (R. Bart's concept of symbolic meanings) // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. – 2007. – № 3. – S. 104–111.
8. Il'in, V. I. Sotsiologiya potrebleniya (Sociology of consumption) / V. I. Il'in. – 2-ye izd., ispr. i dop. – M.: Izdatel'stvo Yurayt, 2021. – 433 s.
9. Intymakova, L. G. Problema mifologizatsii i sekulyarizatsii soznaniya v sovremennom obshchestve (The problem of mythologization and secularization of consciousness in modern society) // Kontsept. – 2013. – Spetsvypusk № 07. – URL: <http://ekoncept.ru/2013/13568.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2022).
10. Kozhemyakin, Ye. A, Manokhin, D. K. Semioticheskiye aspekty massovoy kul'tury (Semiotic aspects of mass culture) // Kul'tura i tekst. – 2013. – № 1 (14). – S. 115–132.
11. Kosikov, G. K. Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst. Vstupitel'naya stat'ya (Ideology. Connotation. Text. Introductory article) // R.Bart S/Z. / Per. s fr. 2-ye izd., ispr. pod red. G.K. Kosikova. – M.: Editorial URSS, 2001. – S. 8–30.
12. Lovkin, V. Ye. Ekrannaya kul'tura i smysloobrazovaniye v svete psikhotehnicheskoy metodologii (Screen culture and sense formation in the light of psychotechnical methodology) // Ekrannaya kul'tura v genezise smysloobrazovaniya / Tyumen', Izdatel'stvo «Vektor Buk», 2004. – 170 s.
13. Losev, A. F. Dialektika mifa (Dialectics of myth). – M.: Mysl', 2001. – 558 s.
14. Ogurchikov, P. K. Traditsii i problemy ekrannoy kul'tury v kontekste sovremennogo kommunikativnogo prostranstva (Traditions and problems of screen culture in the context of modern communicative space) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika». – 2010. – № 1. – S. 131–139.
15. Pantyukhina, T. L. Mifotvorchestvo kak sostoyaniye kul'tury (Myth-making as a state of culture) // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – № 3 (22). – S. 116–118.
16. Ponizovkina, I. F. Semiolog R. Bart i sotsial'nyy mif: sovremennoye prochtenie (Semiologist R. Bart and the social myth: a modern reading) // Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova. – 2017. – № 5 (95). – S. 190–197.
17. Prozhiko, G. S. Kontsepsiya real'nosti v ekrannom dokumente (The concept of reality in the screen document). – M.: VGIK, 2004. – 454 s.
18. Khezmondalsh D. Kul'turnyye industrii (Cultural industries) / per. s angl. I. Kushnarevoy; pod nauch. red. A. Mikhalevoy. – M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2018. – 456 s.
19. Shapinskaya, Ye. N. Praktiki massovoy kul'tury. Mify i geroi (Practices of mass culture. Myths and Heroes) // Elektronnyy zhurnal «Kul'tura kul'tury»: Praktiki massovoy kul'tury. Mify i geroi (cult-cult.ru). – URL: <http://www.cult-cult.ru/practice-of-mass-culture-myths-and-heroes/?ysclid=160jfdgu0426946917> (data obrashcheniya: 15.05.2022).
20. Shul'ga, N. V. Mifotvorchestvo v sredstvakh massovoy informatsii (Myth-making in the media) // Kontsept. – 2013. – № 03 (mart). – URL: <http://ekoncept.ru/2013/13063.htm> (data obrashcheniya: 15.03.2022).
21. Barthes, R. Le bruissement de la langue. – Paris: Seuil, 1993. – 439 p.
22. Barthes, R. Réponse à une question sur James Bond // Barthes R. Œuvres complètes en 5 tomes / Ed. E. Marty. – Paris: Seuil, 2002. – 1099 p.

УДК 008:130.2:316.28 (Цивилизация. Культура. Прогресс / Философия культуры. Системы культуры.
Культурологические учения / Теория коммуникации)

ЦИФРОВЫЕ МЕДИА В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

© 2023 Ляо Я.

Ляо Яньни, аспирант факультета искусств

E-mail: sevenflower@vip.qq.com

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Статья посвящена научной дискуссии, развернувшейся в современной гуманитаристике вокруг понятия «цифровые медиа». Автор анализирует исследования феномена «медиа» в трудах представителей разных научных направлений, уточняет само понятие, выявляет теоретические основы цифровых медиа, соотносит феномены «цифровые медиа» и «новые медиа», прослеживает формирование новых гуманитарных наук – Digital Humanities и медиафилософии. Автор приходит к выводу, что под цифровыми медиа следует понимать совокупность культурных объектов и технологических инструментов, первые из которых сгенерированы, растажированы или созданы при помощи вторых, основанных на использовании цифрового формата. На сегодняшний день самым прогрессивным (инновационным) техническим способом создания (генерирования, копирования, тиражирования) является цифровой метод, а это означает, что главным квалификационным признаком в понятии «цифровые медиа» становятся цифровые технологии. Следовательно, «новые медиа» в настоящий момент аналогичны «цифровым медиа». Предполагается, что дальнейшая техническая эволюция в какой-то момент «сотрет» между ними знак равенства. Таким образом, понятия «медиа», «новые медиа» и «цифровые медиа» на данный момент являются «хронически открытыми» понятиями с академически неустоявшимися критериями и градацией. Их понимание в системе гуманитарных знаний носит конвенциональный характер. Дополнение и уточнение в данном случае зависит не только и не столько от количества и качества исследований, сколько от выбранного исследовательского «поля» с конкретизацией его цели.

Ключевые слова: медиа, цифровые медиа, новые медиа, коммуникация, культура, медиафилософия
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-87-93

Введение. Понимая информационное пространство как континуум вариантов человеческой деятельности в семантическом контексте, отметим, что оно имманентно присуще общественному развитию. Другое дело, что информационное пространство эволюционировало достаточно длительный период и было отчасти локализованным, что не придавало ему глобального значения и носило отпечаток региональной сингулярности.

При этом, по мнению Ю.М. Лотмана, «культура, являясь сложной семиотической системой, целостна и уникальна, никогда не являлась замкнутой, поскольку, обращаясь к прошлому опыту и опыту других культур, выполняя свою основную функцию (память), способна адаптировать элементы иной культуры, поскольку среди ее основных черт – накопление. <...> Однако культура – не склад информации. Это чрезвычайно сложно организованный механизм, который хранит информацию, постоянно вырабатывая для этого наиболее выгодные и компактные

способы, получает, зашифровывает и дешифровывает сообщения, переводит их из одной системы знаков в другую» [14, с. 228].

Техническая революция XX в. привела к развитию коммуникационных технологий, естественных изменений в большинстве сфер социального бытия, с соответствующей трансформацией информационного пространства и его глобализацией.

В этом едином информационно-коммуникационном пространстве посредством ИТ-технологий осуществляется оперативное внедрение социокультурных моделей, ценностных приоритетов метаморфозы креативной практики в соответствующий продукт с общим доступом. По сути дела, инновационные средства коммуникации сформировали новую среду обитания человека, в том числе с выходом за рамки виртуального пространства, став составляющей масштабных социокультурных изменений.

Изменение и расширение форм коммуникативных каналов, основанное на развитии информационных технологий, проникая во все сферы жизни общества, оказывает свое воздействие и на

культуру, создавая пространство глобальной культуры.

Глобализирующаяся до всемирных масштабов культура не только подвергается внешнему воздействию при синтезе с другими культурами, но и под влиянием новых цифровых технологий обогащается новыми средствами выразительности, все более подчиняясь элементам мультимедийности.

Оба упомянутых фактора влияния на культуру нашли свое отражение в расширении цифровых технологий и на данный момент уже не просто имеют свою историю, а прошли стадию от изучения «киберпространства» до создания новых гуманитарных наук Digital Humanities и медиафилософии [18].

Однако, как это отмечают некоторые исследователи [21], скорость изменений в современной реальности такова, что не позволяет ученым накопить достаточный опыт для установления точных, академически принятых терминов и определений гуманитарных предметов.

Тем не менее, для проведения нашего исследования требуется уточнение и систематическое обоснование некоторых взаимосвязанных феноменов и терминов, с необходимостью обращения к иным гуманитарным наукам.

Поскольку главным образом инновационные технологии способствуют созданию единого медиапространства с соответствующим требованием к формату культурных объектов, возникает необходимость детального анализа термина «цифровые медиа» в контексте культурной парадигмы, а также сопоставлении его с сопутствующим термином «новые медиа» [19].

Логика исследования указывает на необходимость определения термина «медиа» с этимологической точки зрения. Данное слово имеет латинские корни с отсылкой к слову «medium» (middle, medium, mean), которые означают «середина, среднее, посредник, медиум» [2, с. 514]. При этом такое толкование дают словари философских терминов с отсылкой к употреблению в значении «посредник» в работах Фомы Аквинского и Блаженного Августина, где слова «mean» и «medium» они употребляют при трактовании роли Иисуса как проводника божественных истин [12].

Наделяя анализируемый термин главной определяющей чертой – посредничество – его связывают с герменевтикой, в смыслах искусства

толкования и течения в философии. Эту мысль находим в работе Августина: «Меркурий означает самую речь, как показывают толкования его имени, ибо Меркурий как бы бегающий посредник, назван так оттого, что речь между людьми перебегает от одного к другому» [5, с. 360-361].

Англо-русский словарь терминов коммуникативистики определяет «медиа» как средства связи и передачи информации (трактуя понятие как «средство, способ») и, определяя эти средства во множестве видов «от древних узелковых писем до современных глобальных информационных контентов, выделяет в особую категорию «масс-медиа» [8, с. 200].

Изучение феномена «медиа» привело к возникновению новой отрасли философии – медиафилософии, которая стала развиваться с конца 90-х гг. XX в. и направлена на абстрактное и фундаментальное понимание данного феномена, а также феноменов «медиапространство» и «медиареальность».

История вопроса. В парадигме медиафилософии феномен «медиа» воспринимается как среда, возникают термины «медиасреда» и – близкое по значению – «медиапространство». Р.С. Исмагилов считает, что в целом для медиафилософии характерно расширение значения «медиа» от аппаратного (технологического) понимания до формулы «все есть медиа» на основе того, что средства коммуникации вне человека, а медиа – внутри [9].

Культурологическая теория, основываясь на конвенциональности социального знания индивида и сообщества, трактуют термин «медиа», с точки зрения Н.А. Кабацкова, как:

- технологическую основу отдельных индустрий и экономики в целом;
- компонент осознания человека в качестве участника социальной коммуникации («Я» - «Мы» - «Они»);
- ресурс воспроизведения отдельного индивида в качестве социального субъекта [10, с. 53].

Методы исследования. В данной работе, кроме обзора научной литературы, мы прибегли к методу сравнительного анализа, структурированного наблюдения и индуктивного обобщения.

Таким образом, понятие «медиа» в самом общем виде определяется в разных гуманитарных науках как посредник в передаче сообщения от коммуникатора к реципиенту. Из установок дан-

ного понятия вытекает, что медиа может являться любой элемент человеческого мира, как социальный институт (например, СМИ), так и древний артефакт (например, наскальные рисунки). Медиа «доносят» информацию как до конкретного индивида, так и до множества людей, и, в конечном счете, влияют на человеческое общество и всю его социальную историю.

На рубеже XIX-XX вв. рост аналоговых аудио- и визуальных технологий (фотография, кино, телефон, граммофон и т.д.) вызвали рост дискуссий в философии. Относя вышеуказанные новинки к новым коммуникативным каналам, философы Франкфуртской школы первыми обратили на них особое внимание. В работах Т. Адорно, В. Бенямина, М. Хоркхаймера, Ю. Хабермаса, Г. Маркузе аналоговые медиа рассматривались как разрушающие уникальность произведений искусства и ведущие к кризису культуры, переходу к «индустрии культуры», поскольку являются в первую очередь носителем признака «массовости».

В трактовках Т. Адорно технические медиа создают отчуждение публики от культуры, являются источником искажения мировоззренческих установок, делая человека «социальной марионеткой» [1]. Такого же мнения придерживался Г. Маркузе, подразумевая, что данные медиа являются развлекательным феноменом и тиражируют «суррогаты искусства» [17]. На культурные перемены в своих работах обращал внимание Бенямин, отмечая, что культурные ценности лишаются ценностной составляющей, «ауры уникальности» [4].

Для указанных исследователей (за исключением В. Бенямина, который изучал влияние на культуру) роль данных медиа была важна только с точки зрения инструментария для властвования, поскольку велика возможность влиять через массовые каналы на формирование мышления и мировоззрения людей. Данная политизированность восприятия медиа концептуально сужала понимание медиа в современном обществе.

В последующих концепциях коммуникации феномен «медиа» в основном воспринимался как канал и коммуникация. Это отражено в социальной антропологии У. Перри и Э. Хэвлока, в математических и кибернетических теориях К. Шеннона, Г. Лассуэлла, Н. Винера, в социально-психологических теориях П. Лазарсфельда и Р. Мертона.

Можно назвать «прорывным» исследованием теорию М. Маклюэна, отраженную в работах «По-

нимание Медиа» и «Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры». Возникло новое понимание термина «медиа», которое до этого ассоциировалось только с массовой культурой, что позволило исследователям посмотреть сквозь призму новой доктрины истории и теории культуры.

Теория М. Маклюэна основана на том, что человеческая история меняется вместе с медиа, поскольку ее качественные сдвиги связаны с появлением новых средств коммуникации. Так, благодаря письменности, стало возможным преодолеть изолированность человеческих сообществ, связав разрозненное в единый организм. Книгопечатанье стало следующей ступенью, затем от книги человечество перешло к экрану. Телевидение дало массовость и наднациональность сообщений, что, по мнению Маклюэна, стало новой эрой человеческой истории. Таким образом, медиа определены как ключевой элемент трансформации социальной субстанции – общества: «... средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия» [16, с. 11].

Авторству М. Маклюэна принадлежит понятие «глобальная деревня» («global village»), ставшее устойчивым выражением в качественном отображении современного мира с его информационным обществом, где медиа – сообщения, и его основополагающей фразой «medium is the message» («средство информации является сообщением»). Исследователь его творчества, Ч.А. Болдуин, считал, что вся теория медиа М. Маклюэна заключена в этой фразе [22]. Другой исследователь, М. Федерман, отмечал, что фраза имеет и иной смысл: «Новое средство коммуникации несет новый тип информации» [23]. Это утверждение вытекает из утверждения М. Маклюэна: «...содержание средства коммуникации – это всегда другое средство коммуникации» [16, с.8].

Обратим внимание на тот факт, что в своей работе М. Маклюэн провел классификацию медиа: к первичным отнес речь, мимику, жесты, то есть те, которые не требуют дополнительных приспособлений для отправителя и получателя; ко вторичным – письменность, книгопечатанье, флажковый семафор, т.е. то, что требует от передающей стороны дополнительных технических средств; к третьим отнесены те, что не могут функционировать без технических средств (телефон, телеграф, граммофон и т.д.).

Теорию М. Маклюэна критиковали за афористичность и «поэтизацию» языка, превышающие

философскую составляющую. Основатель и теоретик медиологии Р. Дебре довольно эмоционально оценил его труды: «... хотя верно, что Маклюэн мыслитель проницательный и интуитивный, но совсем не строгий, употребляет термин "медиум" вкривь и вкось, но упрощенную мысль все-таки нельзя назвать идиотической» [6, с. 66]. Несмотря на это, Маклюэн признан одним из ученых, вставших у истоков синкретичности научных исследований, а также одним из основателей медиологии и медиафилософии.

Гуманитарная парадигма концентрирует внимание не на каналах связи, а на контактах, где медиа отвечает за понимание, смыслы. Тот же Р. Дебре, критикуя и анализируя теорию М. Маклюэна, все же развивает ее более широко. Он выводит понятие «медиафера», которая, по его мнению, «дает приют» автономным культурным экосистемам. Возникновение «нового носителя», по мнению Дебре, не приводит к немедленному уничтожению предыдущего, так и медиафера реконструирует на собственных условиях, а не «изменяет» предыдущую. Переход от одной медиаферы в другую происходит посредством «революции в машинах», при этом затронуты не только технические, но и социальные аспекты. Одним из условий технической революции Дебре называет «благоприятную культурную среду» [6, с. 82-83].

Выделение понятий «медиафера» и «медиасреда» особенным образом исследуется в ноосферной парадигме (В.И. Вернадский, Э. Леруа) в которой медиафера рассматривается как часть ноосферы, где информационные сущности ожидают субъект, который будет интерпретировать и декодировать, то есть ожидают деятельности человека по отношению к ней.

В основе лингвистической традиции лежат разработки Ф. де Соссюра, который определяет язык (не тождественен речи) как особую знаковую систему, код. Такое изучение языковых структур позволяет выявлять смысловые алгоритмы, общие для индивидов в определенном обществе.

Исследуя знаки и знаковые системы, Р. Барт создал теорию о возникновении мифа как вторичной знаковой системы, порождающей новые смыслы [3]. Сближаясь в этой части с представителями Франкфуртской школы, он трактует функции мифа (заменяя им понятие медиа) как способ

воздействия через медиа на современное общество. Исследователи его творчества отмечают «родство» понятия «миф» и «медиаоболочки» [11, с. 13].

Развитие лингвистической теории Ч. Пирсом и Ю.М. Лотманом с точки зрения семиотики культуры изменило понимание коммуникации как прямолинейной («отправитель-получатель»). Поскольку «отправитель» кодирует сообщение в рамках своего опыта, традиций, суждений и задач, а «получатель» производит декодировку также основываясь на собственном культурном коде, то рассогласования не происходит или оно укладывается в рамки погрешности только в случае единства культур, иначе коммуникативный процесс нарушается и приводит к неправильной интерпретации сообщения. Данный культуроориентированный взгляд на коммуникативный процесс стал основой исследования С. Холла, который предложил учитывать в медиакоммуникации этап кодирования и этап декодирования информации, что более подходит для динамично развивающегося общества [20].

В своем исследовании Ю.М. Лотман отмечал: «Акт коммуникации следует рассматривать не как простое перемещение некоторого сообщения, остающегося адекватным самому себе, из сознания адресанта в сознание адресата, а как перевод некоторого текста с языка моего «я» на язык твоего «ты» [15, с. 653]. Это приводит к определенным выводам о том, что культура непосредственно связана с функционированием медиа, иначе происходит нарушение процесса воспроизводства смыслообразующих понятий.

Результаты исследования. Подводя некоторые итоги, следует определить, что понятие «медиа» объединило в себе специфические научно-философские, социальные и технологические явления, направленные на обеспечение эффективности коммуникации в обществе и самореализации человека.

Исследователи определяют следующую классификацию медиа (признавая, что трудно «зафиксировать четкие границы» явлений, и в этой связи не стоит переоценивать значение ранжирования): «...прамедиа, рукописные медиа, печатные медиа, электронные медиа, цифровые медиа, интегрированные медиа» [7, с. 173]. Обратим внимание на то, что каждый новый вид в исторической перспективе отличается от предыдущего

инновационностью, характерной для времени своего возникновения.

В такой парадигме (берущей начало в теории М. Маклюэна, считавшего медиа квинтэссенцией технологического ядра культуры) самым элементарным объяснением «цифровых медиа» следует признать наличие в них технологической составляющей.

Выводы. Итак, на наш взгляд, под цифровыми медиа следует понимать совокупность культурных объектов и технологических инструментов, первые из которых сгенерированы, растиражированы или созданы при помощи вторых, основанных на использовании цифрового формата.

Понятие «цифровые медиа» по вполне понятным причинам необходимо соотнести с понятием «новые медиа», основным квалификационным признаком которого является инновационность технического средства, обеспечивающего коммуникативность. Сегодня самым прогрессивным (инновационным) техническим способом

создания (генерирования, копирования, тиражирования) является цифровой метод, а это означает, что главным квалификационным признаком в понятии «цифровые медиа» становятся цифровые технологии. Следовательно, «новые медиа» в настоящий момент аналогичны «цифровым медиа». Конечно, такая ситуация не вечна, и дальнейшая техническая эволюция в какой-то момент «сотрет» между ними знак равенства.

В заключение хотелось бы отметить, что понятия «медиа», «новые медиа» и «цифровые медиа» на данный момент являются, по выражению И.В. Лизуновой, «хронически открытыми» понятиями с академически неустоявшимися критериями и градацией [см. 13]. Их понимание в системе гуманитарных знаний носит конвенциональный характер. Дополнение и уточнение в данном случае зависит не только и не столько от количества и качества исследований, сколько от выбранного исследовательского «поля» с конкретизацией его цели.

1. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / под общ. ред. д. филос. н. В. П. Култыгина. – М.: Серебряные нити, 2001. – 416с.
2. Антология средневековой мысли. Теология и философия европейского Средневековья. В двух томах. Под ред. С.С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. – СПб.: РХГИ, 2001–2002. – В 2-х т. – Т. 2 – 635 с.
3. Барт, Р. Мифология / пер с фр., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 312 с.
4. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М.: Медиум, Культурный центр имени Гете, 1996. – 240 с.
5. Блаженный Августин Аврелий. О граде Божием. В 4 т. – М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. – Т. 1. – 1456 с.
6. Дебре, Р. Введение в медиологию / Пер. с франц. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2010. – 368 с.
7. Жилавская, И. В. Классификация медиа. Проблемы, понятия, критерии // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2016. – № 2 (4). – С.169–175.
8. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
9. Исмаилов, Р. С. Медиафилософия как подход к исследованию медиапространства // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 17 (346). – Вып. 33. – С. 14–16.
10. Кабацков, А. Н. История и теория медиа. - Пермь: ПГНИУ, 2020. – 89 с.
11. Кириллова, Н. Б. Медиалогия. – М.: Академический проект, 2015. – 424 с.
12. Латино-англо-русский словарь философских терминов [Электронный ресурс]. – URL: http://navadhi.narod.ru/el_texts/lat_rus/vocabulary.html (дата обращения: 15.03.2022).
13. Лизунова, И. В. Медиакультура как диалог культур современного общества // Библиосфера. – 2017. – № 4. – С. 30–34.
14. Лотман, Ю. М. Культура как коллективный интеллект и проблема искусственного разума. – М., 1977. – 243 с.
15. Лотман, Ю. М. Об искусстве. – СПб.: Искусство, 1998. – 702 с.
16. Маклюэн, М. Понимание Медиа / пер. с англ. В. Николаева. – М; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц., Кучково поле, 2003. – 464 с.
17. Маркузе, Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / пер. с англ. А. Юдина. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.
18. Савчук, В. Неизбежность медиафилософии [Электронный ресурс]. – URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability (дата обращения: 21.03.2022).
19. Стинс, О., Ван Фухт, Д. Новые медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – Сер. 8: Литературоведение. Журналистика. – № 7. – С. 98–106.
20. Холл, С. Культурные исследования: две парадигмы // Логос. – 2012. – №1 (85). – С. 157–183.

21. Шамшури́н, Д. А. Цифровые медиа как фактор культурной глобализации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 6–2 (72). – С. 70–75.
22. Baldwin, C. A. *Vanishing Aesthetics: Mediality and Literature after Merleau-Ponty, Virilio, and McLuhan* // Dissertation for Ph. D. degree / C.A. Baldwin. – New York: New York University, 1999. – 466 p.
23. Federman, M. (2004, July 23). What is the Meaning of the Medium is the Message? [Электронный ресурс]. – URL: http://individual.utoronto.ca/markfederman/article_mediumisthemessage.htm (дата обращения: 15.03.2022).

DIGITAL MEDIA IN HUMANITIES RESEARCH

© 2023 Liao Ya.

Liao Yanni, graduate student of the Faculty of Arts

E-mail: sevenflower@vip.qq.com

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

The article is devoted to the scientific discussion that unfolded in modern humanities around the concept of "digital media". The author analyzes the studies of the phenomenon of "media" in the works of representatives of various scientific fields, clarifies the concept itself, identifies the theoretical foundations of digital media, correlates the phenomena of "digital media" and "new media", traces the formation of new humanities – Digital Humanities and media philosophy. The author comes to the conclusion that digital media should be understood as a set of cultural objects and technological tools, the first of which are generated, replicated or created using the second, based on the use of a digital format. To date, the most progressive (innovative) technical method of creation (generation, copying, replication) is the digital method, which means that digital technologies are becoming the main qualification in the concept of "digital media". Therefore, "new media" is currently analogous to "digital media". It is assumed that further technical evolution at some point will "erase" the equal sign between them. Thus, the concepts of "media", "new media" and "digital media" are currently "chronically open" concepts with academically unsettled criteria and gradation. Their understanding in the system of humanitarian knowledge is conventional. Supplementation and clarification in this case depends not only and not so much on the quantity and quality of research, but on the chosen research "field" with the specification of its purpose.

Keywords: media, digital media, new media, communication, culture, media philosophy

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-87-93

1. Adorno, T. *Issledovaniye avtoritarnoy lichnosti (Study of the authoritarian personality) / pod obshch. red. d. filos. n. V. P. Kultygina.* – M.: Serebryanyye niti, 2001. – 416s.
2. *Antologiya srednevekovoy mysli. Teologiya i filosofiya yevropeyskogo Srednevekov'ya. V dvukh tomakh (Anthology of medieval thought. Theology and philosophy of the European Middle Ages. In two volumes).* Pod red. S.S. Neretinoi; sost. S.S. Neretinoi, L.V. Burlaka. – SPb.: RKHGI, 2001–2002. – V 2-kh t. – T. 2 – 635 s.
3. Bart, R. *Mifologiya (Mythology) / per s fr., vstup. st. i komment. S.N. Zenkina.* – M.: Izd-vo im. Sabashnikovoykh, 1996. – 312 s.
4. Ben'yamin, V. *Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannyye esse (A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected Essays).* – M.: Medium, Kul'turnyy tsentr imeni Gete, 1996. – 240 s.
5. Blazhennyy Avgustin Avreliy. *O grade Bozhiyem (About the city of God). V 4 t.* – M.: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr', 1994. – T. 1. – 1456 s.
6. Debre, R. *Vvedeniye v mediologiyu (Introduction to Mediology) / Per. s frants. B. M. Skuratova.* – M.: Praxis, 2010. – 368 s.
7. Zhilavskaya, I. V. *Klassifikatsiya media. Problemy, ponyatiya, kriterii (Media classification. Problems, concepts, criteria) // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva.* – 2016. – № 2 (4). – S.169–175.
8. Zemlyanova, L. M. *Kommunikativistika i sredstva informatsii: Anglo-russkiy tolkovyy slovar' kontseptsiy i terminov (Communication and media: English-Russian explanatory dictionary of concepts and terms).* – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. – 416 s.
9. Ismagilov, R. S. *Mediafilosofiya kak podkhod k issledovaniyu mediaprostranstva (Media philosophy as an approach to the study of media space) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2014. – № 17 (346). – Vyp. 33. – S. 14–16.
10. Kabatskov, A. N. *Istoriya i teoriya media (History and theory of media).* - Perm': PGNIU, 2020. – 89 s.
11. Kirillova, N. B. *Medialogiya (Medialogy).* – M.: Akademicheskii proyekt, 2015. – 424 s.

12. Latino-anglo-russkiy slovar' filosofskikh terminov (Latin-English-Russian dictionary of philosophical terms) [Elektronnyy resurs]. – URL: http://navadhi.narod.ru/el_texts/lat_rus/vocabularium.html (data obrashcheniya: 15.03.2022).
13. Lizunova, I. V. Mediakul'tura kak dialog kul'tur sovremennogo obshchestva (Media culture as a dialogue of cultures of modern society) // *Bibliosfera*. – 2017. – № 4. – S. 30–34.
14. Lotman, Yu. M. Kul'tura kak kollektivnyy intellekt i problema iskusstvennogo razuma (Culture as a collective intelligence and the problem of artificial intelligence). – M., 1977. – 243 s.
15. Lotman, Yu. M. Ob iskusstve (About art). – SPb.: Iskusstvo, 1998. – 702 s.
16. Maklyuyen, M. Ponimaniye Media (Understanding Media) / per. s angl. V.Nikolayeva. – M; Zhukovskiy: KANON-press-TS., Kuchkovo pole, 2003. – 464 s.
17. Markuze, G. Odnomernyy chelovek. Issledovaniye ideologii Razvitogo Industrial'nogo Obshchestva (One-dimensional man. Study of the ideology of the Advanced Industrial Society) / per. s angl. A. Yudina. – M.: REFL-book, 1994. – 368 s.
18. Savchuk, V. Neizbezhnost' mediafilosofii (The inevitability of media philosophy) [Elektronnyy resurs]. – URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteka/articles/savchuk_inevitability (data obrashcheniya: 21.03.2022).
19. Stins, O., Van Fukht, D. Novyye media (New Media) // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. – 2008. – Ser. 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika. – № 7. – S. 98–106.
20. Khol, S. Kul'turnyye issledovaniya: dve paradigmy (Cultural Studies: Two Paradigms) // *Logos*. – 2012. – №1 (85). – S. 157–183.
21. Shamshurin, D. A. Tsifrovyye media kak faktor kul'turnoy globalizatsii (Digital media as a factor of cultural globalization) // *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. – 2018. – № 6–2 (72). – S. 70–75.
22. Baldwin, C. A. Vanishing Aesthetics: Mediality and Literature after Merleau-Ponty, Virilio, and McLuhan // *Dissertation for Ph. D. degree / C.A. Baldwin*. – New York: New York University, 1999. – 466 p.
23. Federman, M. (2004, July 23). What is the Meaning of the Medium is the Message? [Электронный ресурс]. – URL: http://individual.utoronto.ca/markfederman/article_mediumisthemessage.htm (дата обращения: 15.03.2022).

УДК 008. 009: 82 (Цивилизация. Культура. Прогресс. Гуманитарные науки в целом. Художественная литература. Литературоведение)

**КУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ ГРЕХОВНОСТИ
В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ А. ДЕ КЮСТИНА «РОССИЯ В 1839 ГОДУ»)**

© 2023 Е.А. Семухина

*Семухина Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры «Переводоведение и межкультурная коммуникация»*

E-mail: semuh@rambler.ru

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю.А.
Саратов, Россия

Статья поступила в редакцию 16.11.2022

Культурологическое исследование феноменов, относящихся к художественной коммуникации, является одним из актуальных направлений научных исследований, поскольку отличается междисциплинарным характером. Его задача – проанализировать культурные доминанты, влияющие на систему взглядов автора художественного произведения и его современников. Актуальность исследования текста XIX в. определяется его значимостью для настоящего исторического этапа. Книга де Кюстина «Россия в 1839 году» легла в основу современного восприятия западноевропейцами России и россиян. Созданные маркизом мифы отличаются стойкостью и влияют на стереотипы и в целом на успешность сегодняшней межкультурной коммуникации. Целью исследования стало выявление и изучение специфики единиц культурного знания, объективированных в книге де Кюстина «Россия в 1839 году». Результатами исследования стал ряд выявленных концептов: грех, леность, гордыня, зависть, являющихся наиболее частотными в произведении де Кюстина. Специфическим для русской культуры автор считает грех лености, в то время как гордыня и зависть свойственны и европейцам тоже. Формально выводы автора основаны на наблюдениях, что позволило читателям считать их объективными. В то время как более глубокий анализ доказывает, что писатель создавал свое произведение, основываясь на идеях, почерпнутых из французской романтической литературы. Произведение А. де Кюстина является малоизученным в российской культурологии и предоставляет широкое поле для изысканий. Настоящая статья посвящена изучению такого культурного феномена, как категория греховности, которая ранее не подвергалась анализу в контексте художественной коммуникации.

Ключевые слова: категория культуры, концепт, грех, греховность, XIX век

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-94-100

Введение. Художественное произведение, художественный текст является фактом художественной коммуникации, одного из самых распространенных и многоплановых видов коммуникации.

Читатель художественного произведения не просто воспринимает информацию из последнего, но является истинным коммуникантом, адресатом, находящимся в контакте с автором (или адресантом). Эту возможность художественный текст приобретает благодаря своим воздействующим свойствам, которыми его наделяет автор согласно интуитивным законам. Выявить их пытаются многие поколения лите-

ратуроведов, лингвистов, культурологов. Рассматриваются стилистические, лексические, синтаксические особенности организации художественных произведений, когнитивные структуры, лежащие в основе текстов и многое другое. Одним из актуальных направлений исследований является культурологическое, позволяющее проанализировать культурную специфику художественного произведения и дать ответ на вопрос о том, какие культурные доминанты формировали взгляды автора произведения, его современников. Интересно, что благодаря воздействующему свойству художественного текста культурные феномены, репрезентированные в них, становятся значительными для

современного читателя вне зависимости от времени создания произведения. Как указывают современные исследователи этот процесс становится возможным в результате объективации в литературных произведениях «энтелехии культуры», движущей силы, составляющей сущность культуры и определяющей ее развитие, сохранение и трансляцию следующим поколениям. Как верно подметила М.А. Дударева, благодаря энтелехии культура одной эпохи может принять ценности и смыслы более ранней, в случае, если таковые являются для нее релевантными (подробнее об энтелехии культуры см. [1, с. 73]).

В связи с вышесказанным представляется актуальным исследование художественного произведения XIX века с целью анализа объективированных в нем единиц культурного знания и выявления их специфических характеристик.

Подчеркнем также, что, если художественное произведение позапрошлого века остается привлекательным для современного читателя, значит оно соответствует законам художественного жанра, его существования, и может быть принято разными поколениями. Если обратиться к книге А. де Кюстина «Россия в 1839 году», переведенной на современный русский язык в 1996 г. В. Мильчиной, то можно отметить, что это произведение, несмотря на дату выхода в свет, по-прежнему остается актуальным, поскольку считается одним из базовых источников сведений о России, российской культуре и характерах у западноевропейского читателя, знать и понимать которые необходимо в современной ситуации.

Важным представляется также тот факт, что автор произведения осуществляет сравнение культурных особенностей, замеченных им во время путешествия по России, с французскими культурными феноменами, что позволяет и исследователю текста делать ценные выводы.

Несмотря на интерес западноевропейских читателей к произведению А. де Кюстина (см. например [11]), оно остается малоизученным в российской культурологии, и предоставляет, таким образом, широкое поле для изысканий. Представляется также значимым, что, согласно современным исследованиям, европейские стереотипы о русских во многом совпадают с теми, которые были созданы благодаря влиянию книги маркиза (напомним, в XIX веке культура характеризовалась литературоцентричностью) [2].

Методы исследования и материалы. Материалом для настоящей статьи послужил художественный текст книги А. де Кюстина, понимаемый как акт художественной коммуникации и исследуемый в связи с ситуативными факторами, историческими обстоятельствами и литературными тенденциями, современными автору произведения. Основными методами исследования послужили метод сплошной выборки из текста книги фрагментов и высказываний, соотносимых с идеей греха и собственно с культурной категорией греховности. Использовался также метод наблюдения за фактами объективации культурных категорий и структурно-функциональный метод анализа единиц для выявления значения и свойств отдельных единиц культуры, в частности, категории греховности.

История вопроса. Маркиз А. де Кюстин был относительно известным писателем начала XIX в., был вхож в литературные круги и дружил с О. де Бальзаком, был знаком со Стендалем, Бодлером, Сент-Бёвом и другими литераторами и критиками. Несмотря на то что его романы читали с интересом, он не мог считаться выдающимся автором [6]. Но вот книга А. де Кюстина «Россия в 1839 году» стала настоящим бестселлером, рассказывающим о России и ее жителях [8, с. 143]. Об интересе читателей к этому произведению говорит тот факт, что за период с 1843 по 1857 гг. книга «Россия в 1839 году» переиздавалась шестнадцать раз общим тиражом более 200 тысяч экземпляров. Роман был переведен на несколько языков, и повлиял на становление стереотипов о России не только во Франции, но и в других европейских странах. В самой России книга была запрещена к изданию, и лишь отдельные ее части были переведены на русский и опубликованы в 1891 г. [5, с. 114]. В 1910 г. В. В. Нечаев опубликовал избранные отрывки из книги, снабженные собственными комментариями.

Отметим, что взгляд маркиза де Кюстина на российскую действительность XIX в. отнюдь не был комплиментарным. По своей сути, его книга представляет собой острокритический памфлет [7, с. 29], содержащий жесткую критику самодержавия [9, с. 198], написанный резко, в насмешливом тоне, чему немало способствовал литературный дар автора, заключавшийся в умении скорее рассуждать, чем создавать яркие образы [10]. Это удачное сочетание авторских

умений и жанра заметок путешественника совпало с периодом, когда отношение к русским у французов заметно ухудшилось в результате победившей Июльской революции и последовавшему реакционному ответу в царской России, выразившемся в том числе и в подавлении Варшавского восстания 1831 года. Возможно, именно в этом и кроется секрет успеха произведения [12].

Стойкость мифов, созданных А. де Кюстином о России, основывается не только на том, что в его книге удачно сочетаются жанр и авторский талант, время выхода произведения и исторические обстоятельства, но также и на том, что писатель много и аргументированно рассуждает об этике, продолжая французскую традицию XVII-XVIII веков. Таким образом, его книга, по сути не являющаяся гениальным произведением, оказалась на острие читательского внимания благодаря удачному стечению обстоятельств и соответствию ожиданиям французов от книги такого рода.

Что касается этических взглядов автора, они базируются на религиозных основаниях и репрезентируются в многочисленных афоризмах и моралистических сентенциях. Автор широко использует модели романтической французской литературы, приемы психологической характеристики и рационалистической абстракции, обращение к эпистолярному жанру, известные ему в том числе по творчеству Паскаля, Ларошфуко, Ривароля и других французских мыслителей.

Рассуждения автора о морали также носят критический и часто обвинительный характер. Как справедливо отмечает А.Р. Ощепков, де Кюстин не верит в искренность русских людей, он полагает, что все вокруг всего лишь играют роли и носят маски, не позволяя никому и даже сами себе быть хоть сколько-нибудь естественными [8, с. 148-149]. Таким образом, творчество маркиза подчинено двум основным тенденциям:

- соблюдению традиций романтической французской литературы, что привело к созданию стилистически образного текста, наполненного символами, метафорами и лирическими отступлениями;

- соответствию идеям классицизма в отношении создания моралистических комментариев и сентенций.

Именно частотное обращение де Кюстина к вопросам морали и ее оценка с точки зрения христианской этики делает это произведение интересным для исследования репрезентации в нем культурной категории греховности.

Подчеркнем, что под категорией культуры мы понимаем единицу культурного знания, морфологическую единицу культуры, имеющей структурную внутреннюю организацию. Категория культуры, как и всякая другая категория включает в себя множество объектов разной природы, объединенных по принципу соотнесенности с одной идеей. Так, в частности, исследуемая категория может включать в себя концепты (такие, как *грех*, *искупление*, *святость*, *прощение*), артефакты (предметы религиозного культа, имеющие культурное значение, произведения изобразительного искусства), культурные смыслы, мемы, универсалии и пр.

Данная категория относится к типу содержательных, которые, в отличие от универсальных (таких, как время, пространство, категории межличностных отношений, общественного устройства), связаны с личностными установками, экзистенциальной структурой личности [3, с. 18]. Содержательные категории соотносятся с положительной или отрицательной оценкой фактов окружающей нас действительности и имеют в связи с этим регулятивный характер, поскольку направляют и регулируют поведение личности и общественных групп.

Исследование данной категории и ее актуализации в XIX веке представляет интерес для понимания процессов изменения морально-этических императивов общества, и их возможной антиципации.

Результаты исследования. Произведение А. де Кюстина представляет собой заметки путешественника, перемежаемые рассказами о действительных событиях или историями, которые автор пересказывает с чужих слов.

Рассматривая репрезентацию категории греховности, остановимся на случаях явной актуализации, когда автор прямо говорит о грехе, греховности или называет один из смертных грехов (напомним, их всего семь: гордыня, ленность, алчность, зависть, чревоугодие, прелюбодеяние, гнев).

Поскольку А. де Кюстин был практикующим католиком и в юности даже собирался посвятить свою жизнь религии, то он открыто и часто

говорит о грехе, понимая под ним нарушение религиозных законов. В его тексте грех «низвергает» человека во прах по всем канонам католической веры, а шагает писатель по «грешной земле» [4, с. 12; 75]. Маркиз рассуждает о востребованности христианства, о понятии первородного греха, о последствиях отказа от религии, в результате которого общество начинает «повиноваться одним лишь законам природы», очевидно, отринув всякую мораль [4, с. 11]. Говорит он также и о своей греховной натуре, и необходимости получить отпущение грехов (см. в рассуждениях о том, что русский народ простит его авторскую резкость) [4, с. 252]. Де Кюстин относил к своим личным греховным свойствам отсутствие воли, праздность, уныние, с которыми он вел безрезультатную, по его собственным оценкам, борьбу [4, с. 387].

Таким образом, путем когнитивного анализа текста произведения «Россия в 1839 году» определяется реализация принадлежащего исследуемой категории греховности базового концепта «грех», его основное значение, совпадающее в зафиксированном в толковых словарях.

Греховность в понимании маркиза де Кюстина может заключаться не только в отступлении от религиозных норм и правил, но и в нарушении законов совести и справедливости. Так, например, в рассказе о своем отце, маркиз пишет, что тот всегда поступал согласно данному им слову, и сохранял верность правительству, несмотря на политические изменения: «... но батюшка... ни в чем не желал погрешить против совести» [4, с. 30]. В то же время автор указывает на то, что настоящий грех – это именно религиозное понятие. В частности, говоря о современных нравах, он подчеркивает, что многие современники готовы «отменить небеса и преисподнюю», лишь бы только не задеть своим мнением кого-нибудь [4, с. 54].

Говоря о русских, он видит иное понимание справедливости, толкающее на нарушения религиозных норм. Так, например, в истории с Теленевым, взбунтовавшиеся крестьяне, следуя идее справедливости, готовы казнить любого. При этом они рассуждают о смерти как о чем-то незначительном, полагая, что им важно сохранить принцип – истребить всех из ненавистного рода. Но добрые люди после смерти попадут в рай, что искупает совершенный грех: «Папашу мы отправим в ад, а дочку в рай» [4, с. 324]. Эта страшная история становится одной из тех, что

лежат в основе западного мифа о русских – жестоких и безжалостных людях.

Интересно, что далеко не все грехи из перечня смертных репрезентированы в произведении А. де Кюстина. Но одним из важнейших для него, очевидно, представляется *гордыня*. Он приписывает ее как французскому народу, так и русскому.

Французы, по мнению маркиза, могут оказаться в ситуации, когда человечество более не будет смотреть на их родину как на центр католической Европы, что он объясняет происходящими там революционными изменениями и периодом безверия. Так, по мнению де Кюстина, произойдет смерть нации, превратившей Францию в «погасший очаг гордыни» [4, с. 87].

Гордцами и честолюбцами маркиз считает атеистов и богоборцев, которые полагают, что добро и зло – это «порождение человеческого ума», а вовсе не творение Бога [4, с. 12]. Но гордыней наполнены и сердца тех христиан (европейцев), которые призывают к разделению церкви по национальному признаку. Автор полагает, что рано или поздно атеистические идеи угаснут, так как утомится ум, а душа почувствует свою беспомощность, и тогда гордыня безверия будет усмирена, а «бренным миром» будет вновь повелевать церковь [4, с. 12].

Гордыня русских людей, по мнению де Кюстина, не связана с религией, она проистекает от социального положения и включается в раболепство (у дворян), является скрытой у коронованных особ, приводит к развитию хитрости у крестьян. Так, в частности, де Кюстин пишет, что Екатерина, установив памятник Петру, написала с «мнимой простотой», фразу, исполненную гордыни: «Петру I Екатерина II» [4, с. 124]. Очевидно, что маркиз действительно ищет и находит доказательства того, что все в России притворно и лицемерно, а если таковых не находится, де Кюстин домысливает за своих персонажей, вкладывая в их поступки двойной смысл.

Гордыней русских монархов писатель также называет участие в войнах, где гибнут подданные. За их смерть, по мнению маркиза, обязательно придет возмездие – и от самих граждан, и от бога (см. подробнее [4, с. 215]).

Санкт-Петербург де Кюстин также считает плодом царской гордыни: Петр Великий создавал его вопреки природе, которая неоднократно разрушала город, но «это чудесное творение

гордыни и воли» возводили вновь и вновь [4, с. 138].

Причину гордыни у дворянства писатель видит в деспотической самодержавной власти, в результате воздействия которой у высших сословий развивается «гордыня и лицемерное великодушие», смесь «надменности с низостью», а у низших – трепет и раболепие. Развивая свою мысль о характере русских крестьян, де Кюстин пишет, что они, несмотря на свое униженное положение, не склонны к порокам, часто умны и горды, что приводит к необходимости все время хитрить, чтобы выжить в их сложном положении [4, с. 151].

Еще один немаловажный грех, который зафиксировал в своем произведении А. де Кюстин – *леность*. Автор пишет, что эта черта характера свойственна всем русским, у европейца он ее не обнаруживает. Леность, по мнению маркиза, сочетается с другими, часто противоположными характеристиками. Так, русский человек у де Кюстина одновременно «отважен и ленив», «ленив и мстителен», «ленив и поверхностен» [4, с. 63-340].

Тирания самодержавия, леность и гордыня приводят к появлению, по мнению де Кюстина, еще одного греха – *зависти*. Русские завидуют европейским народам, поскольку отстают в своем развитии и вынуждены копировать передовые культуры. Вторичность русской цивилизации вызывает рост зависти, полагает маркиз. Санкт-Петербург, по мнению писателя, не является истинно европейским городом – это всего лишь декорация, из которой народ смотрит на высокоразвитую Европу, испытывая «дикую ревность и ребяческую зависть» [4, с. 345]. Сама идея самодержавия имеет греховные основания: царь из-за гордыни лишен возможности простого человеческого общения, зависть к нему не позволяет никому из подданных быть с ним искренним, в результате одинокого монарха окружают униженные и пресмыкающиеся невольники: «Деспоту в его гордыне потребны рабы», – омекает де Кюстин [4, с. 148].

Зависть представляется де Кюстину большим грехом, проявлением демонических сил (он пишет о существовании демона зависти), результатом унижения и безосновательного честолюбия, свойством «каменного сердца» и «подлой

души» [4, с. 40-53]. В отличие от лениности, зависть, как пишет автор исследуемой книги, свойственна всем народам. Одним из ярких примеров человека, пораженного этим пороком, является Робеспьер, по сути – «сама зависть, получившая абсолютную власть» [4, с. 53].

Интересно, что другие грехи репрезентированы в книге де Кюстина фрагментарно, автор не уделяет им большого внимания, лишь вскользь упоминая о них как о незначительных человеческих недостатках.

Выводы. Художественная коммуникация, осуществляемая через художественные произведения, включает в себя факты репрезентации культурных категорий. Рассмотрение объективации категории греховности в книге А. де Кюстина «Россия в 1939 году» позволило установить ряд особенностей данной категории, характеризующих не только авторское понимание, но и ее общекультурное значение, актуальное для XIX в. Как показал анализ текста, в сознании автора грех имеет религиозную коннотацию, его значение совпадает с основным определением. Кроме того, А. де Кюстин относит к категории греховности факты нарушения справедливости, законов совести, отсутствие воли, праздность, уныние. Писатель, описывая характер русского народа, находит у него такие грехи, как гордыня, леность и зависть. Европейцы, по мнению де Кюстина, не повинны в лениности, но при этом могут быть гордыми и завистливыми.

Взгляды маркиза де Кюстина на русскую культуру, частью которой является категория греховности, опираются на идею двойственности, почерпнутую из французской литературы. Ему кажется, что все, что он видит и описывает в путешествии, не более чем демонстративное поведение, театр, за которым скрывается лицемерие и порок. В связи с этим взгляды автора не могут быть признаны объективными, тем не менее, они воспринимались западноевропейским читателем как реалистичные и легли в основу мифов о России, существующими и в настоящее время. Исследование основ этих мифов, их объяснение может стать важным шагом на пути к взаимопониманию между народами, удачной межкультурной коммуникацией.

1. Дударева, М. А. Энтелехия культуры в книге стихов А. Шацкова «Лебеди Тютчева» / М. А. Дударева, Н. В. Гращенко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 82. – С. 73-78. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-82-73-78.
2. Зотова, М. В. Повседневная жизнь в российском пограничье: мотивы и факторы трансграничных практик / М. В. Зотова, А. А. Гриценко, А. Б. Себенцов // Мир России. Социология. Этнология. – 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 56-77. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
3. Конев, В. А. Категории культуры / В. А. Конев // Мир русского слова. – 2006. – №4. – С. 14-21.
4. Кюстин, А. де. Россия в 1839 году: в 2 т. / пер. с фр. под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата / А. де Кюстин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. – 528 с.
5. Летняков, Д. Э. «Россия, которую создал Петр Великий, не умеет ни жить, ни учиться, полагаясь на самое себя»: А. де Кюстин как критик петровской европеизации / Д. Э. Летняков // Знание. Понимание. Умение. – 2020. – № 3. – С. 113-125. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.9.
6. Мильчина, В. А. Автор в маске интервьюера: комментарий к нескольким страницам книги Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» / В. А. Мильчина // Семиотика поведения и литературные стратегии. Лотмановские чтения - XXII, Москва, 23–24 декабря 2014 года. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2017. – С. 129-143.
7. Немцев, В. И. Маркиз де Кюстин о России / В. И. Немцев // Наука и культура России. – Самара, 2012. – С. 28-31.
8. Ощепков, А. Р. «Феномен Кюстина»: книга «Россия в 1839 году» / А. Р. Ощепков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – №21(707). – С. 142-151.
9. Павлов, И. Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Библихина / И. Павлов // Социологическое обозрение. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 195-223. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-195-223.
10. Corbet, Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894) / Ch. Corbet. – P.: Didier, 1967. – 491 p.
11. Depaule, J. En compagnie du marquis de Custine / J. Depaule // Vertigo. – Vol. 24. – no. 1. – 2003. – P. 28-32.
12. Nora, P. Préface / P. Nora // Custine A. de. Lettres de Russie. La Russie en 1839. – P.: Gallimard, 1975. – P. 3–20.

**THE CULTURAL CATEGORY OF SINFULNESS
IN THE COMMUNICATIVE SPACE OF A LITERARY TEXT
(BASED ON THE MATERIAL OF A. CUSTINE'S BOOK "RUSSIA IN 1839")**

© 2023 E.A. Semukhina

*Elena A. Semukhina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Translation Studies and Intercultural Communication*

E-mail: semuh@rambler.ru

*Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
Saratov, Russia*

The culturological study of phenomena related to artistic communication is one of the most relevant areas of scientific research, since it is characterized by an interdisciplinary nature. Its task is to analyze the cultural dominants that influence the system of views of the author of the work of art and his contemporaries. The relevance of the study of the text of the XIX century is determined by its significance for the present historical stage. Custine's book "Russia in 1839" formed the basis of the modern perception of Russia and Russians by Western Europeans. The myths created by Marquis are persistent and influence stereotypes and, in general, the success of today's intercultural communication. The purpose of the study was to identify and study the specifics of the units of cultural knowledge objectified in Custine's book "Russia in 1839". The main research methods were the continuous sampling method, the method of observing the facts of objectification of cultural categories and the structural and functional method of analysis. The results of the study were a number of identified concepts: sin, laziness, pride, envy, which are the most frequent in Custine's work. The author considers the sin of laziness to be specific to Russian culture, while pride and envy are characteristic of Europeans too. Formally, the author's conclusions are based on observation, which allowed readers to consider them objective. While a deeper analysis proves that the writer created his work based on ideas drawn from French romantic literature. The work of Custine is poorly studied in Russian cultural studies, and provides a wide field for research. This article is devoted to the study of such a cultural phenomenon as the category of sinfulness, which has not previously been analyzed in the context of artistic communication.

Key words: Category of culture, concept, sin, sinfulness, XIX century

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-94-100

1. Dudareva, M. A. Entelekhia kul'tury v knige stihov A. Shatskova «Lebedi Tyutcheva» (Entelechy of culture in the book of poems by A. Shatskov "Tyutchev's Swans") / M.A. Dudareva, N. V. Grashchenkov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo

- centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2022. – Т. 24. – № 82. – С. 73-78. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-82-73-78.
2. Zotova, M. V. Povsednevnyaya zhizn' v rossijskom pogranich'e: motivy i faktory transgranichnyh praktik (Everyday life in the Russian Borderland: motives and factors of cross-border practices) / M. V. Zotova, A. A. Gricenko, A. B. Sebencov // Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya. – 2018. – Т. 27. – № 4. – С. 56-77. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-4-56-77.
 3. Konev, V. A. Kategorii kul'tury (Culture categories) / V. A. Konev // Mir russkogo slova. – 2006. – №4. – С. 14-21.
 4. Kyustin, A. de. Rossiya v 1839 godu (Russia in 1839) / per. s fr. pod red. V. Mil'chinoj; komment. V. Mil'chinoj i A. Ospovata / A. de Kyustin. – М.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1996. – 528 s.
 5. Letnyakov, D. E. «Rossiya, kotoruyu sozdal Petr Velikij, ne умеет ni zhit', ni učit'sya, polagayas' na samoe sebya»: A. de Kyustin kak kritik petrovskoj evropeizacii ("Russia, which was created by Peter the Great, does not know how to live or learn, relying on itself": A. de Custine as a critic of Peter's Europeanization) / D. E. Letnyakov // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2020. – № 3. – С. 113-125. – DOI 10.17805/zpu.2020.3.9.
 6. Milchina, V. A. Avtor v maske interv'yuera: kommentarij k neskol'kim stranicam knigi Astol'fa de Kyustina «Rossiya v 1839 godu» (The author in the interviewer's mask: commentary on several pages of Astolphe de Custine's book "Russia in 1839") / V. A. Mil'china // Semiotika povedeniya i literaturnye strategii. Lotmanovskie chteniya - XXII, Moskva, 23–24 dekabrya 2014 goda. – Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2017. – С. 129-143.
 7. Nemcev, V. I. Markiz de Kyustin o Rossii (Marquis de Custine on Russia) / V. I. Nemcev // Nauka i kul'tura Rossii. – Samara, 2012. – С. 28-31.
 8. Oshchepkov, A. R. «Fenomen Kyustina»: kniga «Rossiya v 1839 godu» ("The Custine Phenomenon": the book "Russia in 1839") / A. R. Oshchepkov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. – 2014. – №21(707). – С. 142-151.
 9. Pavlov, I. Ontologiya vlasti kak ontologiya istorii: politicheskaya filosofiya Vladimira Bibihina (The Ontology of Power as the Ontology of History: the Political Philosophy of Vladimir Bibikhin) / I. Pavlov // Sociologicheskoe obozrenie. – 2019. – Т. 18. – № 3. – С. 195-223. – DOI 10.17323/1728-192x-2019-3-195-223.
 10. Corbet, Ch. L'Opinion française face à l'inconnue russe (1799–1894) / Ch. Corbet. – P.: Didier, 1967. – 491 p
 11. Depaule, J. En compagnie du marquis de Custine / J. Depaule // Vertigo. – Vol. 24. – no. 1. – 2003. – P. 28-32.
 12. Nora, P. Préface / P. Nora // Custine A. de. Lettres de Russie. La Russie en 1839. – P.: Gallimard, 1975. – P. 3–20.

УДК 74.01/.09 (Теория, эстетика, техника искусства. История и стили. Объекты изображения. Применение и т. п.)

ART & SCIENCE: АЛЬЯНС ХУДОЖНИКА И УЧЕНОГО В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2023 Т.Е. Фадеева

Фадеева Татьяна Евгеньевна, кандидат искусствоведения,
доцент Школы дизайна Факультета креативных индустрий

E-mail: tfadeeva@hse.ru

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 05.12.2022

Предмет статьи: проекты актуального искусства, реализуемые в области art & science. Основным критерием отбора проектов для данного исследования является выразительность связи художественного образа и технологий и/или «научного инструментария», а также анализ роли и вклада художника и ученого в проект. Объект статьи: анализ стратегий взаимодействия художника и ученого в междисциплинарной области art & science. Цель проекта: актуализировать для научного мира информацию о характере взаимодействия художника и ученого в «междисциплинарном пространстве», сформулировать основания для создания типологии, позволяющей описать стратегии данного взаимодействия. Проведённое исследование показало, что художник, вступая в коллаборацию с ученым, либо совмещая компетенции ученого и художника, позиционирует себя следующим образом: 1) позиция заинтересованного наблюдателя/любителя (как вариант – в рамках персонажного высказывания); 2) позиция практико-ориентированного взгляда на art & science; 3) позиция, позволяющая проводить футурологическое прогнозирование (осмысление влияния технопроцессов на общество) и моделирование (создание альтернативных существующим моделям отношений, моделей будущего и т.д.). По результатам данного исследования была прояснена позиция художника в проектах, подразумевающих альянс современного искусства и науки. Формальный и структурный анализ наиболее репрезентативных art & science проектов дал нам возможность частично подтвердить и скорректировать исходную гипотезу и указать на актуальность подобного рода исследований в контексте современного культурного процесса, обладающего чертами междисциплинарности, многовекторности и синергичности.

Ключевые слова: art & science, современное искусство, новые медиа, междисциплинарные исследования
DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-101-107

Введение. Сегодня в области art & science, «на стыке» искусства, науки и технологий появляется все больше проектов, которые имеют художественное измерение, при этом представляя собой достижения современной научно-технической мысли в самых различных областях – от роботехники до геномной инженерии. Традиционно стратегии, которыми руководствуются учёные и художники, разнятся: первые исходят из принципа экономии мышления, вторые – избытка. Однако встреча в «междисциплинарном пространстве», в «складке» (в терминологии Ж. Делеза) позволяет и тем, и другим оказаться вне привычной системы координат: на территории «искусства» учёный лишен ряда институциональных ограничений, а художник, в свою очередь, оказавшись в зоне «науки», может связать ее с зоной воображаемого в рамках «свободной игры познавательных

способностей» (И. Кант). В этой связи И.Н. Вольнов отмечает следующее: «Science-Art можно рассматривать как принцип объединения этих двух способов мышления, когда на поле избыточного и в том числе бесконечного принципом экономии задается (плетется) конкретная «нить» (пучок нитей) мышления, которая далее становится основанием практической деятельности» [1, с. 562].

История вопроса. Проанализировав ряд наиболее репрезентативных проектов в области art & science последних лет, мы пришли к выводу, что стратегии взаимодействия учёных и художников существенно варьируются. Так, в некоторых случаях один исследователь совмещает компетенции и художника, и ученого в своей практике. В других случаях мы наблюдаем различные формы коллаборации художников и учёных. Рассмотрим эти стратегии подробнее.

Методы исследования. Методология работы построена на посылке о том, что подобная встреча художников и ученых в пространстве без стабильных границ между дисциплинами позволяет и тому, и другому оказаться вне привычной системы координат: на территории «искусства» ученый лишен ряда институциональных ограничений, а художник, в свою очередь, оказавшись в зоне «науки», может связать ее с зоной воображаемого в рамках «свободной игры познавательных способностей». В связи с этим был проведен анализ наиболее выразительных примеров успешного сотрудничества ученых и художников, включая такие проекты, где актер (художник-ученый или ученый-художник) совмещает эти компетенции.

Результаты исследования.

Альянс художника и ученого. Коллаборации художников и ученых могут быть обусловлены институциональным сближением науки и искусства – к примеру, научная лаборатория может решить популяризировать свои исследования через выставки, соединив художественное высказывание и научный эксперимент, для чего обращается к современному художнику – либо это может быть совместная работа художника и ученого, основанная на некоей общности интересов. При этом обе стороны связывает научный интерес. «Произведения “science art” объединяет ощущение тайны мироздания, предчувствие разгадки или восторг открытия» [3, с. 598], – отмечает С.К. Казакова. В качестве примера здесь можно привести проект «Нейроны» испанской художницы Марии Пениль Кобо и исследователя-микробиолога Мехмета Беркмена. С начала 2010-х гг. Пениль выращивала разноцветные узоры из бактерий, консультируясь относительно механики процесса с микробиологом Мехметом Беркменом. Этот проект можно сравнить с некоторыми цветочными натюрмортами голландских художников. Дело в том, что на таких картинах зачастую изображались сочетания цветов, которые цветут в разное время года, поэтому их присутствие в рамках одного букета проблематично. Эти цветы требуют различных условий ухода, могут начать вянуть, однако на картине голландского

художника они всегда предстают перед нами свежими и яркими. В свою очередь современные художники, работающие с «живым материалом», должны учитывать некоторые тонкости, в частности, – возвращаясь к нашему примеру, – все бактерии, которые использует художница, разных видов. Это означает, что процессы их роста и питания варьируются. Некоторые изначально имеют определённый цвет, другие приобретают его со временем. Все это необходимо учитывать при составлении композиций, которые сегодня называются «агар-искусством». Именно агар, обеспечивая питательную среду для микроорганизмов, позволяет выращивать бактерии, плесневелые грибы, дрожжи и пр., обычно для химической или пищевой промышленности, однако в данном случае он выступает как составная часть художественного проекта.

В рамках агар-арта (или агарового искусства, существующего внутри биоарта) художники «выращивают» свои работы в чашках Петри, создавая сложные композиции. Американские микробиологи провели первый международный конкурс по агар-арту («The Agar art») в 2015 г., и в рамках этого конкурса работа Марии Пениль Кобо и Мехмета Беркмена заняла первое место. В самой работе были задействованы различные штаммы бактерий – *Nesterenkonia*, *Deinococcus* и *Sphingomonas*, которые обеспечили привлекательную палитру цветов (рис. 1). Бактерии «вызревали» в лаборатории Беркмана 2 дня при температуре 30 °С, после чего стали ясно «читаться» цвета и контуры «рисунка». Еще через несколько дней работа была запечатана «эпоксидной» смолой [7].

Конкурсы и мероприятия, посвященные агар-арту, стали проводиться ежегодно, в них принимают участие как художники, так и ученые; они способствуют популяризации микробиологии. В связи с этим Е.А. Комлева справедливо отмечает, что «Сайнс арт, при должной поддержке и при взаимодействии с другими каналами коммуникации науки, может оказывать сильное эмоциональное влияние на аудиторию, что приводит к росту интереса к научной сфере» [4, с. 169].

Рис. 1. Ян Брейгель Старший «Натюрморт с большим букетом» (1620-е) / Мария Пениль Кобо, Мехмет Беркмен, «Нейроны» (2015) (Jan Brueghel the Elder "Still life with a large bouquet" (1620s) / Maria Penil Cobo, Mehmet Berkmen, "Neurons" (2015))

Еще один пример успешной реализации стратегии «альянса» художника и ученого – сотрудничество художника Игоря Захарова-Росса с немецким психологом и нейробиологом профессором Эрнстом Пеппелем. Уже на протяжении длительного времени художник развивает концепцию синтопии, т.е. «связывания» различных пространств, взятых как в конкретно-географическом измерении, так и осмысленных как дискурсивные поля, те или иные структуры, современности, при этом в этой логике комбинаторики свободно и на равных правах участвуют как эти пространства, так и человеческие и нечеловеческие акторы. Также в эту логику укладывается и идея сближения науки и искусства, которую художник развивает совместно с ученым, профессором Э. Пеппелем, в исследованиях деятельности человеческого мозга, живых тканей и пр., «конвертируя» эти исследования в конкретно-чувственные структуры произведений искусства, предлагающих зрителю опыт «встречи» с другими акторами в той или иной «сборке» (системе отношений). Синтопия – это то, что альтернативно выстраиванию барьеров и дуальных оппозиций, разделению, она предполагает объединение, связывание, производство общих смысловых «полей», в которых есть место спонтанности и креативности.

Два описанных выше примера – это примеры «ситуативных» сборок. Однако сегодня мы все чаще наблюдаем процессы выстраивания «системных» сборок, связанных с институциональным сближением науки и искусства. Так, в 2014 г. в Центр искусств и инноваций МакКолла была приглашена Лиза Хоффман, специалист в области ботаники и микробиологии, для управления проектами в сфере экологии и охраны окружающей

среды, призванными привлечь художников и общественность к решению местных экологических проблем.

Подобные примеры институциональных коллабораций представляются наиболее перспективными. К примеру, фонд LABORATORIA Art&Science (в 2021-2022 гг. – резидент Новой Третьяковки, второго здания Третьяковской галереи, расположенной на Крымском Валу, в парке Музеон), сотрудничает с «Лабораторией Касперского». Благодаря этому художники получают возможность консультироваться со специалистами в той или иной научной области. Так, проект «Ooze» немецкой художницы Терезы Шуберт, который можно было увидеть на выставке «New Elements» (2021, организованной фондом LABORATORIA Art&Science), был создан при участии главного технологического эксперта «Лаборатории Касперского» Александра Гостева.

Все чаще при университетах и крупных научных центрах создаются художественные резиденции. Так, в ЦЕРНе (Европейском совете ядерных исследований), где находится Большой адронный коллайдер, была создана программа под названием «COLLIDE». Художники из разных стран мира приезжают на территорию университетского городка, чтобы принять участие в программе в рамках формата «Artist-in-Residence» (художественной резиденции).

Таким образом, в последнее время коллаборация ученых и художников происходит не только на уровне личной инициативы тех и других, но и все чаще – на уровне больших «институций» – университетов, исследовательских центров, лабораторий и т.д. Часто эта коллаборация предполагает формат «консультаций» – ученый помогает художнику реализовать свой проект «нетипичными средствами» либо художник предлагает

ученому взглянуть на свое исследование под новым углом, с точки зрения культурных и «человеческих» смыслов, релевантных для широкой общности. Приведем следующий пример: проекты художника Тино Сегала, которые он называет «ситуациями» или «ритуалами», выводя их из фрейма «перформанса», придавая им новое измерение. Эти проекты вызвали интерес у исследователей-нейробиологов и стали фокусом симпозиума «Диалог искусства и нейронауки», который проводился в рамках Венецианской биеннале (2013). Обсуждение было посвящено взаимоотношениям между людьми, эмпатии, природе эстетического переживания и т.д. В этом отношении показателен еще один проект «Измеряя магию взгляда» (2011-2012) Марины Абрамович, который был реализован на сей раз по инициативе художницы. Основатель и директор LABORATORIA Art & Science Дарья Пархоменко описывает его так: «Она [Марина Абрамович] пришла к учёным со своей идеей – узнать, что меняется в сознании человека, когда он пристально и долго смотрит в глаза другому человеку. Происходит ли при этом «разговор» на каком-то другом, невербальном уровне? В качестве инструмента проверки этой гипотезы нейробиологи предложили Марине энцефалограф, который должен фиксировать активность мозга» [2]. В результате возникло некое новое качество понимания того, что такое невербальное общение (как полноценный способ взаимодействия), какие эмоции оно может вызывать у участников, как это можно верифицировать с помощью научных приборов, насколько, наконец, важно «присутствие художника» (это один из ключевых сюжетов в творчестве Абрамович).

В связи с этим Е.Н. Рассолова выделяет две стратегии профессионализации сайнс-арта: «Первая стратегия – “сверху” – обусловлена возникновением новых магистерских программ и профессионализацией направления сайнс-арт в вузах, вторая стратегия – “снизу” – связана с развитием практики сайнс-арта вне академических сообществ» [5, с. 117]. В целом соглашаясь с таким подходом, мы постараемся, однако, показать некое дополнительное измерение «внутри» этих

стратегий, связанное с осмыслением идентичности художника. Безусловно, исследуя различные случаи взаимодействия художника и ученого, необходимо «следовать за акторами», описывать примеры успешной (или, наоборот, неудачной) коллаборации, постепенно создавая некий набор эвристик или методологических интуиций, демонстрируя те сети взаимоотношений, которые выстраиваются вокруг подобных альянсов, а также перформативность самого процесса (вовлечение институций, зрителей, участников процесса, которых связывает взаимный интерес, ожидание успеха и пр.). Здесь вполне применима методология АСТ (акторно-сетевой теории Б. Латура) с ее антиметафизичностью и нацеленность на исследование в первую очередь микроуровня взаимоотношений. Очевидно, что в данный момент в этом поле происходит «первоначальное накопление» паттернов и стратегий взаимодействия, еще не существует устоявшихся форматов взаимоотношений, которым, вероятно, еще предстоит быть выработанными. Сегодня мы наблюдаем отказ от четкого деления акторов на «физиков и лириков», преодолением искусством и наукой границ своих предметных областей, их взаимодополнение, попытку встретиться *посередине*.

Совмещение компетенций. Проекты в области art & science могут создаваться и одним актором, который совмещает в себе компетенции и художника, и ученого. Истории известны подобные ситуации. Так, одним из самых ярких примеров является Леонардо да Винчи, который был и художником, и изобретателем. Известный русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов создавал мозаичные картины (мозаика «Портрет Петра I», 1754) (рис. 2). Первые проекты в рамках будущего агар-арта были созданы именно ученым – Яном Флемингом, известным широкой публике прежде всего своими научными открытиями, в частности, открытием пенициллина. Самюэль Морзе, создатель азбуки, названной его именем, был художником, учился в Королевской академии художеств в Лондоне, а позже стал президентом Нью-Йоркской академии дизайна, однако в историю он вошел именно как ученый, а не художник (рис. 3).

Рис. 2. М.В. Ломоносов. Мозаика «Портрет Петра I», 1754 (M.V. Lomonosov. Mosaic "Portrait of Peter I", 1754)

Рис. 3. С. Морзе. Автопортрет, 1818 (S. Morse. Self portrait, 1818)

Сегодня художники, работающие в области art & science, также нередко имеют научный «бэкграунд». Хрестоматийный пример – произведения Джо Дэвиса, пионера биоарта (биологического искусства, которое в качестве медиума использует «проявления жизни», от различных организмов до ткани, кровеносной системы пив и пр.; термин «биоарт» – биологическое искусство – был популяризирован художником Эдуардо Кацем). Джо Дэвис – американский биолог, научный сотрудник факультета биологии Массачусетского технологического университета. Проекты, созданные им, имеют прямое отношение к его научным интересам (проекты Audio Microscope, Microvenus, Malus ecclesia и др.), в том числе записать данных в ДНК.

Также показателен пример художника, обладающего компетенциями ученого, – работа-исследование Лауры Родригез «Неприкасаемые» (2020). Проект стал своеобразной реакцией на пандемию COVID-19, проблему изоляции и невозможности близкого контакта между людьми из-за ковидных ограничений в некоторых странах (рукопожатия и объятия оказались под запретом). Художница предлагает альтернативу – контакт, осуществляемый посредством бактериальной целлюлозы, реагирующей на свет и создающей импульсы, которые передаются на коврики под ногами зрителей, которые таким образом, благодаря свету и вибрации могли «касаться» друг друга. По первому образованию Лаура Родригез – биолог, она окончила магистерскую про-

грамму в Сколковском институте науки и технологий. За свою работу художница получила премию Курехина в номинации «Лучший science art проект».

Джо Дэвис и Лаура Родригез – это ученые-художники, которые осуществляют свою деятельность за пределами исключительно научной области, предлагая новые стратегии ее интерпретации. В этой связи можно назвать еще таких ученых-художников, как Орон Каттс и Йонат Цурр (основатели SymbioticA), Гай Бен-Ари, Кеннет Голдберг, Аристарх Чернышев, Ипполит Маркелов и др. Художественное произведение может стать частью научного исследования в рамках формата Practice-as-Research [6]. В проектах таких художников происходит осмысление актуальных технопроцессов, производятся соответствующие дискурсы (что это для нас значит? что будет, если это экстраполировать/довести до логического завершения и пр.? возможны ли альтернативные варианты?). Здесь сильна прогностическая функция, при этом художник волен экспериментировать, поскольку область art & science не имеет четко прописанных «процедур».

Существует и другой вариант – художник-ученый, который в процессе работы над проектом может получить дополнительные навыки, компетенции и даже образование. Часто такие художники исследуют темы «жизни-с-технологиями» – и здесь можно вспомнить проект Эдуардо Каца «Альба» (2000, «химера» кролика и медузы), работы Стеларка, посвященные морфологической

свободе, проект Ольги Киселевой по «воскрешению» старого вяза из Бискаросса (дерево погибло от грибка, однако художница скрестила сохранившийся отросток оригинального дерева с сибирской породой вяза, который к грибку оказался устойчив, в результате чего удалось вырастить молодое дерево на месте старого вяза), и т.д.

Область применения результатов. Расширение границ применения искусствоведческой методологии и смежных дисциплин способствует развитию языка описания феноменов современного искусства в междисциплинарной области современных медиа, в частности, в динамично развивающейся области art & science. Данное исследование также может быть применено для разработки и совершенствования образовательных программ ВУЗов в области современного искусства (например, магистерские программы в университетах ИТМО, МАИ, МИСИС).

Выводы. Проведённое исследование показало, что художник, вступая в коллаборацию с ученым, либо совмещая компетенции ученого и художника, позиционирует себя следующим образом:

- Позиция заинтересованного наблюдателя/любителя (как вариант – в рамках персонажного высказывания): художник «солидаризируется» со зрителем и предлагает ему ситуацию, в которой возможна совместная рефлексия относительно той или иной технической новации. Чаще всего такую позицию занимает художник-ученый; такую условно наивную позицию занимает Эдуардо Кац в проекте «Альба» предлагает зрителю «встречу» с достижениями современной генной инженерии, действующей в логике «избыточности» (Кац модифициро-

вал кролика не для пищевой промышленности, а для художественной дискуссии), а Стеларк в своих сюрреалистических перформансах затрагивает вопрос, о том, как сегодня, в контексте развития технологий, человеческое тело можно воспринимать как «интерфейс»;

- Позиция практико-ориентированного взгляда на art & science, когда художник находит возможность средствами искусства изменить жизнь в лучшую сторону, и здесь искусство пересекается не только с наукой, но и с дизайном и инженерным делом (примеры – работы Ольги Киселевой, Лауры Родригез);

- Позиция, позволяющая проводить футурологическое прогнозирование (осмысление влияния технопроцессов на общество) и моделирование (создание альтернативных существующим моделям отношений, моделей будущего и т.д.). В данном случае проект в области art & science существует не как иллюстрация, а как метафора возможного будущего и его рабочий прототип.

Проекты art & science существуют сегодня не только на площадках музеев и выставочных пространств, но и в рамках научных центров и образовательных инфраструктур. Подобное сотрудничество представляется продуктивным и для искусства, и для науки. Мышление художника направлено на то, чтобы контекстуализировать и ре-контекстуализировать вещи и феномены, вписывать их в новые сборки, создавать новые способы взаимодействия с ними, а кроме того – деконструировать их, порой подвергая сомнению те базовые посылки, которые лежат в их основе.

1. Вольнов, И. Н. Science-Art: единство науки и искусства // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2017. – №4. – С. 557-563.
2. Дарья Пархоменко: «Суждения по „ведомственным“ признакам устаревают» // Искусство. – 2013. – № 4 (587) [Электронный ресурс]. – URL: <https://iskusstvo-info.ru/darya-parhomenko-suzhdeniya-po-vedomstvennym-priznakam-ustarevayut/> (дата обращения: 28.11.2022).
3. Казакова, С. К. Science art: к вопросу о критериях качества произведения современного искусства // Искусствознание. – 2012. – №3-4. – С. 592-598.
4. Комлева Е. А. Сайнс арт как форма коммуникации науки и инноваций для общества // Коммуникология. – 2019. – №4. – С. 169-181.
5. Рассолова, Е. Н. Хобби или профессия? Особенности профессионализации направления сайнс-арт // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2022. – №1 (65). – С. 117-124.
6. Сахно, И. М., Алябьева, Л. А., Фадеева, Т. Е. “Practice as research”: исследовательская и творческая практика в формате постдипломного обучения // Дом Бурганова. Пространство культуры. – 2021. – № 4. – С. 91-109.

7. How to Create Agar Art with Living Microbes. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LXwxU-nIcDY&t=28s> (дата обращения: 28.11.2022).

ART & SCIENCE: AN ALLIANCE OF AN ARTIST AND A SCIENTIST IN THE SPACE OF CONTEMPORARY CULTURE

© 2023 T.E. Fadeeva

*Tatiana E. Fadeeva, PhD in Art History,
Associate professor of Faculty of Creative Industries*

HSE Art and Design School, of the Higher School of Economics “National Research University”
Moscow, Russia

The subject of the article: contemporary art projects implemented in the field of art & science. The main criterion for selecting projects for this study is the expressiveness of the connection between the artistic image and technologies and/or “scientific tools”, as well as an analysis of the role and contribution of the artist and scientist to the project. *The object of the article:* analysis of strategies for interaction between an artist and a scientist in the interdisciplinary field of art & science. *The purpose of the project:* to update for the scientific world information about the nature of the interaction between the artist and the scientist in the “interdisciplinary space”, to formulate the grounds for creating a typology that allows describing the strategies for this interaction. The study showed that the artist, entering into a collaboration with a scientist, or combining the competencies of a scientist and an artist, positions himself as follows: 1) the position of an interested observer / amateur (as an option - within the framework of a character statement); 2) the position of a practice-oriented view of art & science; 3) a position that allows for futurological forecasting (comprehension of the impact of technological processes on society) and modeling (creation of alternative models of relations to existing ones, models of the future, etc.). *Conclusion:* according to the results of this study, the position of the artist in projects involving the alliance of contemporary art and science was clarified. A formal and structural analysis of the most representative art & science projects gave us the opportunity to partially confirm and correct the original hypothesis and point out the relevance of this kind of research in the context of the modern cultural process, which has the features of interdisciplinarity, multi-vector and synergy.

Keywords: art & science, contemporary art, new media, interdisciplinary research

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-101-107

1. Vol'nov, I. N. Science-Art: yedinstvo nauki i iskusstva (Science-Art: the unity of science and art) // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2017. – №4. – S. 557-563.
2. Dar'ya Parkhomenko: «Suzhdeniya po „vedomstvennym“ priznakam ustarevayut» (“Judgments based on ‘departmental’ signs are becoming obsolete”) // Iskusstvo. – 2013. – № 4 (587) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://iskusstvo-info.ru/darya-parhomenko-suzhdeniya-po-vedomstvennym-priznakam-ustarevayut/> (data obrashcheniya: 28.11.2022).
3. Kazakova, S. K. Science art: k voprosu o kriteriyakh kachestva proizvedeniya sovremennogo iskusstva (Science art: on the quality criteria of a work of contemporary art) // Iskusstvoznaniye. – 2012. – №3-4. – S. 592-598.
4. Komleva Ye. A. Sayns art kak forma kommunikatsii nauki i innovatsiy dlya obshchestva (Sainz art as a form of communication of science and innovation for society) // Kommunikologiya. – 2019. – №4. – S. 169-181.
5. Rassolova, Ye. N. Khobbi ili professiya? Osobennosti professionalizatsii napravleniya sayns-art (Hobby or profession? Features of the professionalization of the direction of science art) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki. – 2022. – №1 (65). – S. 117-124.
6. Sakhno, I. M., Alyab'yeva, L. A., Fadeyeva, T. Ye. “Practice as research”: issledovatel'skaya i tvorcheskaya praktika v formate postdiplomnogo obucheniya (“Practice as research”: research and creative practice in the format of postgraduate education) // Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury. – 2021. – № 4. – S. 91-109.
7. How to Create Agar Art with Living Microbes. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LXwxU-nIcDY&t=28s> (дата обращения: 28.11.2022).

УДК 74.01/.09 (Теория, эстетика, техника искусства. История и стили. Объекты изображения.
Применение и т. п.)

«СОЮЗ» ХУДОЖНИКА С НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМ АГЕНТОМ – УТОПИЯ ИЛИ РАБОЧАЯ МОДЕЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА?

© 2023 Т.Е. Фадеева

Татьяна Евгеньевна Фадеева, кандидат искусствоведения, доцент

Школы дизайна Факультета креативных индустрий

E-mail: tfadeeva@hse.ru

Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики»
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 05.12.2022

Предмет статьи: произведения современного искусства, созданные посредством привлечения нечеловеческих агентов, на примере которых можно проанализировать способы интеракции современных художников с нетривиальными медиа (алгоритмами, роботами, «полуживыми художниками» и пр.). Объект статьи: влияние технологических новаций на современное художественное производство, а также необходимость в связи с обращением художника к науке и новейшим технологиям переосмыслить цели и задачи коммуникации посредством образов и само понятия искусства. Цель проекта: актуализировать для научного мира информацию о стратегиях взаимодействия художника-человека и нечеловеческого агента, а также вопрос о характере этого взаимодействия. Проведённое исследование показало, что создание произведения искусства (как физическое, так и в рамках стратегии постпродукции, как переозначивание) – это, несмотря на критику антропоцентризма со стороны представителей Акторно-сетевой теории и отдельных теоретиков медиа, все же должно пониматься как целенаправленная деятельность, присущая человеку, но не нечеловеческому агенту. Обращение к нечеловеческим агентам можно рассматривать в рамках парадигмы «ассистивных технологий» и «химического» актора. По результатам данного исследования были обозначены ключевые тенденции, определяющие характер нашего взаимодействия с другим в процессе создания произведения искусства и взаимодействия с ним. Область применения результатов: расширение границ применения искусствоведческой методологии и смежных дисциплин, что способствует развитию языка описания феноменов современного искусства в междисциплинарной области современных медиа, в частности, в динамично развивающейся области art & science.

Ключевые слова: art & science, агентность, современное искусство, новые медиа

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-108-115

Введение. Многие художники сегодня так или иначе рефлексируют относительно дискурсов, связанных с *нечеловеческим*, включая вопросы нечеловеческой агентности, которую проблематизируют Бруно Латур и его последователи. Попытка переосмыслить способы интеракции с нечеловеческими агентами и отказаться от антропоцентрической оптики становится доминантой творческих поисков в основном тех художников, которые так или иначе имеют отношение к области art & science. Они полагают, что с помощью медиа возможно преобразование оптики не только отдельных групп людей, но и широких слоев населения, трансформация ценностей массовой культуры и способов мыслить причину движения современности (в том числе и в рамках критики современного состояния капитализма, в

котором человека можно заменить на робота или алгоритм) как проект апофатический (путь к человеку лежит через опровержение). При этом нельзя отрицать, что технологии, которыми мы пользуемся, уже на нас влияют, и остается открытым вопрос, обращаемся ли мы к нечеловеческому, когда взаимодействуем, к примеру, с той же нейросетью, или речь идет об особым образом контейнированным «человеческом»?

История вопроса. А. Евангели отмечает, что Джина Нефф для описания взаимодействия людей и технологических систем предлагает термин «симбиотическая агентность» [2, с. 194]. Далее автор поднимает вопрос об эстетической агентности алгоритма (добавим – и шире, нечеловеческого агента), и именно этой теме будет посвящено настоящее исследование, цель которого –

пролить свет на стратегии взаимодействия художника-человека и нечеловеческого агента, а также характер этого взаимодействия.

Методы исследования. Методология работы опирается на семиотический анализ, но идет гораздо дальше, поскольку наша работа построена на посылке о том, что инновации служат стимулом для создания новых художественных проектов, «подрывающих» прежние схемы теоретизирования об искусстве и представляющие для современных исследователей методологический вызов, поскольку с развитием технологий меняется сам характер «производства» искусства, происходит его демократизация, размываются представления о художнике как об Авторе (уже подорванные в рамках концепций постмодернизма).

Результаты исследования. **Возможности нечеловеческого творческого процесса: алгоритмизация как художественный метод.** Тема нечеловеческой агентности находится сегодня в фокусе различных исследователей – философов,

социологов, культурологов и др. – не обходят ее вниманием и художники, которые исследуют возможности нечеловеческого творческого процесса. Отметим, что сегодня искусственный интеллект способен создавать убедительный высокодетализированный визуальный «продукт», изображения, которые могут пройти условный «тест Тьюринга» (фото 1). К примеру, искусственный интеллект – нейросеть Midjourney – использовал художник Джейсон Аллен, участвуя в творческом конкурсе в Колорадо, для создания работы «Théâtre D'opéra Spatial», – и победил, заняв первое место. Нейросети сочиняют песни в стиле популярных исполнителей, от группы «Nirvana» и Джимми Хендрикса до «Гражданской обороны». Наконец, компания Microsoft представила приложение для графического дизайна «Designer», которое будет доступно в подписке на продукты «Office» и упростит для пользователей разработку бренд-дизайна.

Фото 1. Изображения, сгенерированные Stable Diffusion (Images generated by Stable Diffusion)

Помимо нейросетей конкуренцию художникам и иллюстраторам составляют роботы. Так, в Петербургском государственном электротехническом университете (СПбГЭТУ) создали робота-художника, который умеет самостоятельно смешивать краски и наносить их на холст. Успехом у широкой публики пользуется и другой робот – «Аи-Да» (Ai-Da, 2019, получила свое имя в честь математика и программистки Ады Лавлейс). Робот был разработан Engineered Arts в сотрудничестве с учеными из Оксфордского университета, университета Лидса, а также другим академическими институтами и технологическими компаниями. Благодаря тому, что ученые снабдили

робота бионической рукой, «Аи-Да» способна создавать картины, в частности, портреты и автопортреты. В 2019 г. работы Аи-Ды были представлены в колледже Сент-Джонс (Оксфорд), робот принимал участие в серии семинаров и др. активностях на площадках Tate Modern, TEDx, Ars Electronica и пр., в 2021 г. в Музее дизайна в Лондоне состоялась выставка «Аи-Да: Портрет робота», где были представлены автопортреты, написанные «Аи-Дой». Проект направлен, помимо прочего, на популяризацию «ИИ-арта» и знакомство публики с возможностями современной робототехники (фото 2).

Развитие науки и техники сегодня порождает много возможностей для художников, однако, с другой стороны, – и вызовов. Доступ широкой аудитории к таким сервисам, как Midjourney и Stable Diffusion, работающих по принципу

text2image, т.е. генерирующим текстовый запрос («техзадание») в «картинку», – это ситуация, которая вызывает беспокойство у ряда художников и иллюстраторов, поскольку она может повлиять на спрос и предложение на рынке искусства.

Фото 2. Обложка печатного издания журнала Cosmopolitan, созданная с помощью алгоритма DALL-E 2 от OpenAI (Cosmopolitan print cover created using OpenAI's DALL-E 2 algorithm)

Сама идея автоматизация творчества не раз озвучивалась на протяжении XX в., наиболее четко, на наш взгляд, ее сформулировал Энди Уорхол: «Я думаю, каждый должен быть машиной... Я думаю, что кто-нибудь может сделать все мои картины за меня» [10]. Произведения Э. Уорхола, действительно, близки к машинной эстетике, в них – и в произведениях других художников направления поп-арт – используются готовые образы массовой медиакультуры и будто бы предвосхищается последующее широкое распространение графических фильтров и эстетика «style transfer art» («перенос стиля»). Автоматизация творческих процессов (производство не только визуальных образов, но и музыкальных композиций, поэтических произведений и даже объектов дизайна) – это часть более широкого тренда, связанного с широкомасштабной автоматизацией производственных процессов в самых различных

областях жизни общества. До недавнего времени возможности искусственного интеллекта казались ограниченными, однако изобилие данных и появление дешевых вычислительных мощностей привели к росту этого сектора экономики вследствие больших инвестиций. Как отмечает С. Омохундро: «Технологии ИИ, например, самообучающиеся системы, – уже сейчас привычный инструмент для распознавания речи, перевода, моделирования поведения, роботизированного управления, оценки рисков и др.» [5, с. 34]. Появление ИИ в сфере креативных индустрий воспринимается неоднозначно различными их представителями. Показательна история дизайнера Николая Иронова, работающего «на удаленке» в студии А. Лебедева. Впоследствии выяснилось, что никакого «Иронова» не никогда существовало. В течение года ИИ, созданный студией, успешно

выдавал себя за человека и за это время реализовал более 20 коммерческих проектов. Однако эта история и подобные ей – в частности, проект Джейсона Аллена, о котором мы писали выше – порождает ряд вопросов, связанных с меняющейся ролью художника и дизайнера в современной культурной ситуации, а также о статусе произведения искусства.

Эффект «зловещей долины» и размывание границ между человеческим и нечеловеческим автором произведения. Уже в 1930-х гг. известный социолог Франкфуртской школы В. Беньямин в своем труде «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» отмечает некую «девальвацию» произведения искусства в связи с изменившимися условиями его производства и дистрибуции: «С появлением различных методов технической репродукции произведения искусства его экспозиционные возможности выросли в таком огромном объеме, что количественный сдвиг в балансе его полюсов переходит, как в первобытную эпоху, в качественное изменение его природы. Подобно тому как в первобытную эпоху произведение искусства из-за абсолютного преобладания его культовой функции было в первую очередь инструментом магии, который лишь позднее был, так сказать, опознан как произведение искусства, так и сегодня произведение искусства становится, из-за абсолютного преобладания его экспозиционной

ценности, новым явлением с совершенно новыми функциями, из которых воспринимаемая нашим сознанием, эстетическая, выделяется как та, что впоследствии может быть признана сопутствующей» [1, с. 31].

И действительно, сегодня с производством визуально привлекательных образов вполне успешно справляются нейросети. Глядя на галерею работ, созданных с помощью нейронных сетей Midjourney или Stable Diffusion, можно обнаружить, что искусственный интеллект, обучившись на массивах больших данных, научился распознавать и воспроизводить то, что человек может посчитать эстетически приятными (анализируя определенные композиционные приемы, колорит и т.д., в частности, определяя доминирующие и подчиненные объекты). Известный немецкий теоретик медиа Ф. Киттлер (фото 3) писал: «Универсальная дискретная машина, как Тьюринг называл свою компьютерную принципиальную схему, сегодня предшествует любому письму и познанию» [3]. Ф. Киттлер указывает на связь между теми способами мышления и осмысления себя, которые приняты в нашей культуре, и производимыми нами технологиями. Обучаясь на сотнях тысячах изображений, созданных человеком, машины начинают воспроизводить все более точно то, что мы хотели бы увидеть.

Фото 3. Ф. Киттлер (F. Kittler)

При этом машины начинают реже ошибаться, можно даже сказать, что они начинают работать *слишком хорошо*. Чтобы понять суть этой претензии, достаточно посетить сайт thispersondoesnotexist.com. Воспользовавшись

этим сервисом, можно получить изображения несуществующих людей, сгенерированных нейросетью, и в большинстве своем они будут визуально убедительны. В этом случае отсутствие эффекта «зловещей долины» создает ощущение

еще более зловещего, поскольку вполне можно вообразить себе использование этих фотографий в контекстах рекламы, маркетинга, SMM и пр. Никто не может теперь поручиться, что отзыв в социальной сети на интересующий пользователя товар не пишет бот, «прикрывшись» фотографией несуществующего человека.

В этой связи интересно отметить следующую тенденцию: художники проявляют больший интерес к первым поколениям нейросетей, совершившим значительное количество «ошибок» (с точки зрения человека), чем к их более продвинутым «младшим коллегам», таким как Midjourney и Stable Diffusion. Так, в 2015 г. был запущен сервис DeepDream от Google, предназначенный для обработки изображений и открытый для пользователей. Алгоритм умеет трансформировать загруженные в него изображения в соответствии с теми данными, на которых он обучался. Художники – такие, как Джин Коган (Gene Kogan) и Родриго Перес Эстрада (Rodrigo Pérez Estrada), – начинают экспериментировать с возможностями DeepDream и создавать произведения, напоминающие путешествия по ландшафтам сна. Об эстетике, возникшей благодаря DeepDream, пишет Д.Ф. Тестов, рассуждая об «инцепционистских» изображениях (получивших такое название благодаря одноименному фильму): «Inceptionism – это техника или, если можно так выразиться, художественный стиль, получивший свое название от кодового имени (Inception) архитектуры сверточной нейронной сети с несколько увеличенными глубиной (22 слоя) и шириной, которая была представлена группой разработчиков на конкурс ImageNet Large Scale Visual Recognition Challenge 2014 (ILSVRC14)» [7, с. 140]. DeepDream, отмечает Тестов, имеет тот же вид архитектуры и «любой желающий может воспользоваться ею для обработки или генерирования изображений, напоминающих психоделические галлюцинации, где поверхность предметов испещрена глазами, перьями птиц или фрагментами насекомых, где вместо лиц и складок проступают собачьи морды и птичьи головы, а деревья и горы исчезают в бесконечно повторяющейся фрактальной россыпи дальневосточных пагод и арочных проемов, проступающих друг из друга» [7, с. 140].

Райан Мердок (Ryan Murdock), используя возможности генеративно-состязательных нейросетей, создает яркие «инопланетные» изображения

(например, в этом отношении интерес представляет работа Райана Мердока «Пирамида, сделанная из льда». Изображение сгенерировано с помощью Alerph4Image по запросу «a castle in the clouds». Вт. пол. 2010-х гг.).

Глядя на изображения, созданные DeepDream или ранними GAN, обычно можно распознать, что их «рисовала» машина. Сегодня нейросети создают более качественные (высокодетализированные, фотореалистичные, четкие) изображения, чем даже два года назад, однако утрачивается эффект остранения, очуждения, который привлекал аудиторию и художников. Можно предположить, что в дальнейшем фокус интереса художников и, соответственно, их художественные стратегии будут варьироваться от нереклексивного использования возможностей искусственного интеллекта к его «деконструкции». При этом деконструкция может носить различный характер: так, ряд художников будет работать с ИИ в логике глитч-арта, используя случаи нарушения «правильной» работы алгоритма как выразительное средство, позволяющее создавать непредсказуемые эффекты, понимаемые эстетически. Либо же деконструкция будет иметь отношение к самой «технике» ИИ, имитирующей работу человеческого мозга, и затрагивать дискурсы коммуникации (в том числе и с самой машиной), мировоззренческие установки (включ. вопросы ответственности и морали, подотчетности), изменяющую роль машин в современном мире и т.п.

«Реди-мейды» в области art & science: работы живых и «полуживых» художников-нечеловеков, «увиденные» в художественном контексте. Хотя традиционно в роли акторов мы мыслим лишь людей, но и нечеловеки способны оказывать влияние на природу и общество: «Улитка может заблокировать плотину, Гольфстрим может исчезнуть, террикон – стать биологическим резервом, а черви – превратить почвы Амазонии в бетон» [4, с. 351], – отмечает Б. Латур. В рамках выставки «Нечеловеческое искусство» (2019) галереи «В Главном» (ТГУ, Томск) произведения художника Ильи Дика, большинство которых было создано с использованием сервиса Ostagram, демонстрировались рядом с работами обезьяны Александра (из Северского зоопарка). Это не первый случай экспонирования работ обезьяны (или другого животного) и тем более нейросети, однако в данном случае кураторы приглашали зрителей воспринимать увиденное

во фрейме «нечеловеческого искусства». Такое взаимодействие с нечеловеческими агентами, по мнению теоретиков и практиков современного искусства, разделяющих подобный подход, способно предложить зрителю иное мышление о мире, иное его восприятие, пусть даже в спекулятивных рамках мысленного эксперимента. Какую же цель преследует попытка помыслить мир «за пределами человеческого», т.е. за пределами кантовского субъекта? В этой связи Юк Хуэй, философ, занимающийся исследованиями техники и технологии, замечает: «Другое мышление, необходимое, чтобы выбраться из петли положительной обратной связи, характеризующей современный взгляд на прогресс, способно функционировать либо отрицая ее, либо выходя за ее пределы, то есть изобретая другой рекурсивный процесс или, как сказал бы Бейтсон, другую эпистемологию» [8, с. 361-362]. Носителем *другого мышления* может быть нечеловеческий агент – искусственный интеллект, вирус, обезьяна, червь, грибница и т.д. В связи с укреплением позиций этого проекта, направленного на сдвиг нашего мышления, сегодня мы наблюдаем рост интереса гражданского общества к тем философским дискурсам, которые осмысливают «нечеловеческое», т.е. таким направлениям исследования, как спекулятивный реализм, исследования наук и технологии (STS), объектно-ориентированные онтологии. Современное искусство также предлагает аудитории порефлексировать на эту тему, так или иначе вводя в работы художников *нечеловеческое*. Так, к примеру, современная медиахудожница Елена Никоноле рефлексировала на тему коммуникации нечеловеческих агентов – птиц и нейросети – куда не включён человек как полноценный участник коммуникации, только как наблюдатель, в проекте «Язык птиц» (2018-2020). Также в этом отношении показательна уже ставшая классической работа «MEART: The Semi Living Artist» [11] (2001), в которой в качестве «художника» выступает искусственно выращенная живая ткань.

При этом отметим, что работы обезьяны, искусственно выращенных в лабораторных условиях живых клеток или нейросети не обладают интенциональностью и часто воспринимаются как реди-мейды. История искусства знает немало примеров того, как произведение, не предполагавшее эстетического осмысления, переносилось «в контекст искусства» и приобретало его. Так, Ман Рей, обнаружив фотографии Эжена Атже, которые последний воспринимал не более как «до-

кументы», перенес их из контекста «документальности» в контекст сюрреализма, благодаря чему выявил для широкой публики некую странность и загадочность этих снимков (которые не прочитывались, пока они не воспринимались в рамке «искусства»). Точно так же работы нейросети или обезьяны для программиста или зоопсихолога могут не представлять интереса, пока художник не выявит их, в терминологии М. Хайдеггера, некую суть, сообщающую нам о чем-то большем, чем они сами, функционирующим как зеркало или даже система зеркал. Часть зрителей разглядит в ней отсылку к антропоцентризму и проблематику, разворачивающуюся вокруг него, часть – экологические дискурсы, кто же – то, что находится по ту сторону репрезентации или же артикуляцию протеста и даже освобождение искусства от ограничений интенциональности.

Выводы. При всех рассуждениях об освобождении искусства от интенциональности и даже «человеческого» нельзя не вспомнить слова О. Шпенглера: «Имеются бесчисленные техники без каких бы то ни было орудий: есть техника льва, перехитрившего газель, есть техника дипломатии, техника управления, как поддержания формы государства для борьбы в политической истории. Имеются химические методы и техники применения газов. При всякой борьбе наличие проблемы предполагает логическую технику. Есть техника живописи, скачек, управления самолётом. Речь идёт повсюду не о вещах, но о *целенаправленной деятельности*» [9, с. 458]. Создание произведения искусства (как физическое, так и в рамках стратегии постпродукции, как переозначивание) – это целенаправленная деятельность, присущая человеку, но не нечеловеческому агенту. В этом отношении мы рассматриваем все вышеперечисленные кейсы как объекты медиарта. Медиум, как известно, это средство, передаточное звено, инструмент коммуникации, «контейнер», в котором содержится послание, меседж, и одновременно сам медиум является посланием, поскольку форму и содержание здесь невозможно разграничить.

Проанализировав в настоящей статье ряд репрезентативных произведений, созданных художниками и/или нечеловеческими агентами, можно обозначить две ключевые тенденции, определяющие характер нашего взаимодействия с *другим*. Обращаясь к такой теме, как «искусство» животных или «творчество» нейросетей, медиар-

художник привлекает важнейшие контексты современности, связанные с технологической и научной актуальностью, а также смыслами, которые зритель может из них «вычитать» (или наоборот «вчитать»), «гуманизируя» технику и технологии для зрителя, предлагая ему вступить в альянсы с нечеловеческими агентами, прежде всего – либо для усиления его собственного творческого потенциала, либо для «ориентирования на местности» в сложнейшем пространстве современной культуры. Показательно, что в литературе, посвящённой теме ИИ, все чаще начали появляться рассуждения на тему химеры «машина-

человек». Так, М. Спиропулу отмечает: «Почти поэтическое стремление к совершенствованию, инновациям и креативности возникает только у мыслящего, чувствующего, мечтающего, упрямого, отважного, чрезвычайно социального, общительного, независимого и гордого человеческого существа» [6, с. 533]. Она предвидит рождение неких «гибридных химер», и в этом смысле обращение к возможностям машин, алгоритмов, других нечеловеческих агентов представляется естественным для того субъекта, которого описывает автор, сотворившего то, что в свою очередь тоже может творить.

1. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе. Немецкий культурный центр имени Гете. -М.: «МЕДИУМ», 1996. - 239 с.
2. Евангели, А. Формы времени и техногенная чувственность. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2019. – 272 с.
3. Киттлер, Ф. Медиа философии / философия медиа // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. – №2 (104) [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-filosofii-filosofiya-media> (дата обращения: 18.01.2022).
4. Латур, Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. Е. Блинова. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. – 336 с.
5. Омохундро, С. Поворотный момент для искусственного интеллекта // Что мы думаем о машинах, которые думают / Под редакцией Джима Брокмана. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 550 с.
6. Спиропулу, М. Зарождающиеся химеры «машина-человек» // Что мы думаем о машинах, которые думают / Под редакцией Джима Брокмана. – М.: Альпина нон-фикшн, 2017. – 550 с.
7. Тестов, Д. Ф. Deep Dream: из вещества того же, что и сны // Синий диван. Философско-теоретический журнал. Вып. 23 / Под ред. Е. Петровской. – М.: Три квадрата, 2019. – С. 138-151.
8. Хуэй, Ю. Рекурсивность и контингентность. – М.: V-A-C Press, 2020. – 400 с.
9. Шпенглер, О. Человека и техника // Культурология XX века. Антология. – М., 1995. – С. 454-492.
10. Andy Warhol, interviewed by G.R. Swenson. What is Pop Art? – Art News. – 1963:7. – P.126.
11. Bakkum, Douglas & Gamblen, Philip & Ben-Ary, Guy & Chao, Zenas & Potter, Steve. (2007). MEART: the semi-living artist. *Frontiers in neurorobotics*. 1. 5. 10.3389/neuro.12.005.2007.

"UNION" OF AN ARTIST WITH A NON-HUMAN AGENT: UTOPIA OR A WORKING MODEL OF ARTISTIC PRODUCTION?

© T.E. Fadeeva

Tatiana E. Fadeeva, PhD in Art History,

Associate professor of Faculty of Creative Industries HSE Art and Design School

Higher School of Economics "National Research University"

Moscow, Russia

The subject of the article: works of contemporary art created by non-human agents, on the example of which one can analyze the ways of interaction of contemporary artists with non-trivial media (algorithms, robots, "half-life artists", etc.).
The object of the article: the impact of technological innovations on contemporary art production, as well as the need, in connection with the artist's appeal to science and the latest technologies, to rethink the goals and objectives of communication through images and the very concept of art. The purpose of the project: to update the information for the scientific world about the strategies of interaction between a human artist and a non-human agent, as well as about the nature of this interaction. *Results of the work:* the study showed that the creation of a work of art (both physical and as part of a post-production strategy, as a re-significance) – despite the criticism of anthropocentrism by representatives of the Actor-Network Theory and individual media theorists, should still be understood as purposeful activity inherent in a human,

but not in a non-human agent. Appeal to non-human agents can be considered within the framework of the paradigm of "assistive technologies" and "chimerical" actor. *Scope of the results*: expanding the boundaries of the application of art history methodology and related disciplines, which contributes to the development of a language for describing the phenomena of contemporary art in the interdisciplinary field of modern media, in particular, in the dynamically developing field of art & science. *Conclusion*: Based on the results of this study, key trends were identified that determine the nature of our interaction with *the other* in the process of creating a work of art and interacting with it.

Keywords: art & science, agency, contemporary art, new media

DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-88-108-115

1. Ben'yamin, V. Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: izbrannyye esse. Nemetskiy kul'turnyy tsentr imeni Gete (The Work of Art in the Age of its Technical Reproducibility: Selected Essays. Goethe German Cultural Center). - M.: «MEDIUM», 1996. - 239 s.
2. Yevangeli, A. Formy vremeni i tekhnogennaya chuvstvennost' (Forms of time and technogenic sensibility). – Nizhniy Novgorod: Krasnaya lastochka, 2019. – 272 s.
3. Kittler, F. Media filosofii / filosofiya media (Media Philosophy / Philosophy of Media) // Filosofsko-literaturnyy zhurnal «Logos». 2015. – №2 (104) [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/media-filosofii-filosofiya-media> (data obrashcheniya: 18.01.2022).
4. Latur, B. Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu (Politics of nature. How to instill democracy in the sciences) / per. Ye. Blinova. – M.: Ad Marginem Press, 2018. – 336 s.
5. Omokhundo, S. Povоротный момент для искусственного интеллекта (Turning Point for Artificial Intelligence) // Chto my dumayem o mashinakh, kotoryye dumayut / Pod redaktsiyey Dzhima Brokmana. M.: Al'pina non-fikshn, 2017. – 550 s.
6. Spiropulu, M. Zarozhdayushchiesya khimery «mashina-chelovek» (Nascent machine-human chimeras) // Chto my dumayem o mashinakh, kotoryye dumayut / Pod redaktsiyey Dzhima Brokmana. – M.: Al'pina non-fikshn, 2017. – 550 s.
7. Testov, D. F. Deep Dream: iz veshchestva togo zhe, chto i sny (Deep Dream: from the substance of the same as dreams) // Siniy divan. Filosofsko-teoreticheskiy zhurnal. Vyp. 23 /Pod red.Ye. Petrovskoy. – M.: Tri kvadrata, 2019. – S. 138-151.
8. Khuey, YU. Rekursivnost' i kontingentnost' (Recursiveness and contingency). – M.: V-A-C Press, 2020. – 400 s.
9. Shpengler, O. Cheloveka i tekhnika // Kul'turologiya XX veka. Antologiya (Man and technology // Culturology of the XX century. Anthology). – M., 1995. – S. 454-492.
10. Andy Warhol, interviewed by G.R. Swenson. What is Pop Art? – Art News. – 1963:7. – P.126.
11. Bakkum, Douglas & Gamblen, Philip & Ben-Ary, Guy & Chao, Zenas & Potter, Steve. (2007). MEART: the semi-living artist. *Frontiers in neurobotics*. 1. 5. 10.3389/neuro.12.005.2007.

РЕЦЕНЗИИ

=====REVIEWS=====

СОФИЙНАЯ РОДОСЛОВНАЯ ОТЦА СЕРГИЯ БУЛГАКОВА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ В.П. ОКЕАНСКОГО, Ж.Л. ОКЕАНСКОЙ «ПРОХОЖДЕНИЕ ВОД: НЕОПРАВОСЛАВНАЯ МЕТАФИЗИКА ОТЦА СЕРГИЯ БУЛГАКОВА»

© 2023 М.А. Дударева, И.В. Баранова

*Дударева Марианна Андреевна, кандидат филологических наук,
доктор культурологии, доцент кафедры русского языка № 2 Института русского языка
Российского университета дружбы народов*

*Баранова Ирина Викторовна, колумнист журнала «Клаузура», соискатель
кафедры истории журналистики и литературы
Московского университета имени А.С. Грибоедова*

Москва, Россия

Как Ее только не называли в русской художественной культуре и философии — София, Тварь Божия, Премудрость Божия, Прекрасная дама, Она. Кто только из великих философов и богословов начала XX столетия не пытался приблизиться к пониманию Ее апофатической природы. Русская софиология, представленная трудами Вл. Соловьева, С.Н. Булгакова, Е.Н. Трубецкого, П. Флоренского, Г. Флоровского, дает представление о Софии как о целокупной твари, которая пронизывает Троичную жизнь (П. Флоренский, «Столп и утверждение истины»), как о некоей энергии границы между тварным и нетварным, одновременно разделяющим и объединяющим горнее и дольнее, ноуменальное и феноменальное (С. Булгаков, «Свет невечерний»).

Но, несмотря на мощно представленную русскую софиологию, нам все равно трудно совершить сегодня эту элевацию, достигнуть высот Духа и приблизиться к пониманию Софии. Однако всегда находится тот путник, который находит свою Мировую гору, стремится к ней, чтобы покорить ее, мечом и грудью смелой свой путь на полночь пробивать (А.С. Пушкин, «Руслан и Людмила»). Такими путниками и проводниками в мир русской софиологии выступили профессора В.П. и Ж.Л. Океанские, которые в своей фундаментальной работе «Прохождение вод: неоправославная метафизика отца Сергия Булгакова» (плод духовных и интеллектуальных усилий двадцати лет) показали нам возможные пути-дороги (бином в русском космо-психо-логосе) к познанию Премудрости Божией через наследие отца Сергия Булгакова. В этой монографии нет пересказа, доступного изложения трудов философа, чего мы обычно ожидаем для самих себя, когда стараемся постичь трудную для восприятия идею и надеемся на плечо ближнего, то есть коллеги. Но в этой работе ученых есть великое

прохождение Вод — от рек в Ливнах, где родился и духовно рос отец Сергий, до Мировых вод истории, представляющих океан жизни, его бездны и «верхние воды» одновременно. Булгаковское *прохождение вод*, как тонко подмечено авторами монографии, начинается с крещальной купели и родных рек с важной здесь «символикой переправы, связанной с пожизненно осуществляемой необходимостью трудного перехода с одного берега на другой...». А берегов, как известно, в жизни отца Сергия было немало. Но, несмотря на многочисленные путешествия, которые не всегда осуществлялись по доброй воле путника, он всегда особое значение уделял Родине с сакральным центром в Сергиевской церкви. И авторы делают акцент на том, что «именно здесь отец Сергий Булгаков прозревает истоки софийности, ставшей центральной темой его неоправославного богосмыслия и сакральной космологии».

«Наши Ливны были для меня Китежем» — цитируют слова философа В.П. и Ж.Л. Океанские, обнаруживая истоки его софиологии в малой родине. Здесь можно поставить вопрос об апофатике края, отчего дома, который «очень рано и властно — земным зеркалом небесной софийности! — входит в детскую душу, пробуждая в ней глубочайшее метафизическое воображение...». Отсюда, из маленького города Ливны и начинается ософиенная и сакральная биография будущего мыслителя. Ученые тонко отмечают: «Вполне софийна и сакральна родословная отца Сергия». Они цитируют фрагмент его воспоминания о детстве: «я родился и вырос... в семье православного священника, в атмосфере дома-храма, как будто продолжавшего собою храм». Здесь важно сплетение судьбы, духотворчества с судьбой края, малой родины. Это то, что философ И.А. Ильин называл *подпочвенной глубиной* русского народа, недоступной рациональному

познанию, но глубоко проникающей в душу человека.

Россия — ософиенная земля, ее природа ико-нична, и это тонко чувствовал отец Сергей. Такое *метафизическое* переживание природы иногда ценнее многих томов философских трактатов. И важно то, что с отроческих лет Булгаков чувствовал круговую поруку жизни-смерти, в равной мере важную и для христианства, и для нашего язычества, мира русского холизма: «Хорошо в Ливнах хоронили: это прямо какой-то Египет. И прежде всего никакого страха перед смертью. С каким-то скорее радостным, важным чувством приходят родственники, а прежде всего, женщины обряжать покойника, молиться о нём, помогать на дому: особое вдохновение смерти входит в дом...софийно хоронят: печать вечности, торжество жизни, единение с природой: земля еси и в землю отыдеша...». Здесь исследователи точно ставят вопрос о культуре русской смерти, ссылаясь на проникновенные слова В. Розанова о том, что «христианство есть культура похорон». Эта мысль, корневая для нашего космо-психо-логоса, сегодня особенно актуально звучит для человека, с одной стороны, оказавшегося перед лицом смертельной опасности, с другой — утратившего искусство умирания.

Но все эти темы (малой родины, отчего края, софийности природы, смерти) словно прорастают из места со странным названием Ливны, где впервые Булгакова посетило ощущение Софии, где впервые его детское сердце познало смерть с уходом строгого деда. Важен вывод, к которому приходят авторы монографии: «Метафизически осмысленный опыт детства позволяет понять глубочайшую связь софиологических идей Булгакова и фундаментальной эсхатологии».

Перед нами не просто монография, безусловно, написанная в лучших академических традициях, перед нами пособие по *герменевтике духа* русской культуры, которым необходимо пользоваться и литературоведу, и культурологу, и философу, желающему проникнуть в тайны художественного космоса культуры, особенно поэзии, приблизиться к ее апофатическому горизонту, который софийно мерцает нам, зовёт в звёздную и надзвёздную тютчевскую глубину.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

**Известия Самарского научного центра Российской академии наук.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки**

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: академик РАН Ф.В. Гречников

Том 25, номер 1 (88), 16.01.2023

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя и редакции: 443001, Самарская область,

г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 640-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 12.01.2023 г.
Офсетная печ.

Подписано к печати 16.01.2022
Усл.печ.л. 13,72 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8
Зак. № 019 от 16.01.2023

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»
443070, Самарская область,
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 267-36-82

**"ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки"**

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

1. Текст статьи представляется в формате Microsoft Word (любая версия). Объем статьи – от 9 тысяч знаков без пробелов до 30 тысяч знаков без пробелов. Распечатка макета формат А4 – поля – не менее 2-х см с каждой стороны, текст – кегль 12, одинарный межстрочный интервал. Отступ первой строки абзаца – 0,5 см. Шрифты – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Таблицы, рисунки, формулы. Рисунки размещаются как в самом тексте статьи, так и в отдельных файлах. Формат – TIFF или JPEG, режим – градиент серого или битовый, разрешение – 300 пикс/дюйм. Размещение рисунков в отдельных файлах предпочтительнее. Обязательно наличие подрисовочных подписей и подписей к таблицам: "Рис. 1. Название рисунка", "Таб. 1. Название таблицы". Длина формул не более 80 мм. Не допускается применение в тексте вставных символов Word, символы должны выполняться в математическом редакторе.
 3. В каждой статье указываются: коды УДК; название статьи; фамилия, имя, отчество автора(ов) (полностью); научная степень, должность, место работы автора(ов) в именительном падеже; реферат к статье; ключевые слова – на русском и английском языке; эл. адрес каждого автора – публикуется в открытом доступе e-Library и на сайте; контактная информация по статье – почтовые адреса и телефоны в открытом доступе не публикуются.
 4. Статьи издаются как на бесплатной основе, так и на платной договорной основе с авторами и организациями по направлениям: педагогика, теория и история культуры (философия, социология, история, культурология, искусствоведение, язык как феномен культуры). Статьи на договорной основе публикуются из расчета — одна макетная страница объемом 3 тысячи знаков стоит 800 рублей. Минимальная публикация — 9 тысяч знаков, а максимальная — 30 тысяч знаков без пробелов.
 5. Основанием публикации в журнале является входное рецензирование статьи и комплекта сопроводительных документов. Статьи и сканированные документы принимаются на постоянной основе научным редактором: radaeva@ssc.smr.ru.
- Почтовый адрес:** 443001, г. Самара, Студенческий переулок, 3А, РИО СамНЦ РАН.

**«BULLETIN OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.
Social, humanitarian, medicobiological sciences»**

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

1. The manuscript is submitted in the Microsoft Word format (any version). The recommended length is 9 - 30 thousand characters without spaces. Print-out template is the A4 format, margins – at least 2 cm each, the text – font size 12, single line spacing. First line indent – 0,5 cm. Fonts – Times New Roman, Arial, Symbol.
 2. Tables, figures, formulas. Figures are submitted both in the text of the manuscript, and in separate files. Acceptable formats – TIFF or JPEG, grayscale or bitmap, resolution – 300 dpi. Submitting separate figures files is preferable. Figure and table captions are obligatory: "Fig. 1. Caption of the figure", "Tab. 1. Caption of the table". The formula length should not exceed 80 mm. Use of inserted Word symbols is not allowed, characters are to be input in a mathematical editor.
 3. Each article contains: UDC code; name of the article; author(s)' surname, name, middle name (in full); scientific degree, job title, place of employment of the author(s) in the Nominative case; the abstract; keywords – in Russian and English; e-mail address of each author – is published in open access of e-Library and on the website; contact information on the article – postal addresses and phones are not published in open access.
 4. Articles are published both on a non-repayable basis for authors and on a paid contract basis with authors and organizations, in such spheres as: pedagogics, theory and cultural history (philosophy, sociology, history, cultural science, art criticism, language as culture phenomenon). One model page amounting to 3 thousand characters of the articles on a contractual basis costs 800 roubles. The minimum publication size is 9 thousand characters, and maximum one is 30 thousand characters without spaces. Contractual registers are created 4 times a year — every quarter (February, May, August, November).
 5. Peer-review is the basis for article publication. Articles and the scanned documents are accepted on a regular basis by the scientific editor: radaeva@ssc.smr.ru
- The postal address:** 443001, Samara, Studenchesky pereulok, 3A, RIO SamSC RAS